

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



48 2021
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (390) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Крейг Вентер* (родился в 1946 году), американский генетик, биотехнолог, биохимик и предприниматель.

Крейг Вентер родился в Солт-Лейк-Сити, США. Крейг с юных лет отличался темпераментным индивидуализмом, увлекался морскими видами спорта, в молодости воевал во Вьетнаме. Получив степень бакалавра по биохимии и степень доктора в Университете Калифорнии в Сан-Диего, он стал работать в Национальном институте здравоохранения США (НИН). Там Крейг освоил методы идентификации всех мРНК, имеющихся в клетке, и начал использовать этот метод для идентификации генов человеческого мозга. Короткие фрагменты кДНК, открытые с помощью этого метода, стали называться выявленными метками последовательностей.

Крейг был президентом компании Celera Genomics, занимавшейся параллельной коммерческой версией проекта «Геном человека». В этой компании в 1999 году использовался «метод дробовика» (англ. shotgun sequencing technology), когда геном нарезается на множество коротких пересекающихся фрагментов, которые прочитываются, а затем собираются снова. Целью проекта было создание генетических баз данных и их коммерческое использование. Но под давлением Крейг Вентер был вынужден раскрыть генетические данные и включить их в проект «Геном человека». В конце концов Вентеру пришлось уйти из Celera.

Несмотря на различие мотиваций и конкуренцию, Вентер и его единомышленник Френсис Коллинз из НИН вместе объявили о составлении карты генома человека в 2000 году в присутствии президента США Билла Клинтона.

В 1992 году Вентер основал Институт геномных исследований. А в настоящее время он является президентом Института Крейга Вентера, аффилированного с Институтом геномных исследований. В 2013 году Крейг Вентер вместе с Питером Диамандисом и Робертом Харири основал частную компанию Human Longevity, которая должна была собрать крупнейшую в мире базу генетических данных людей и с помощью машинного обучения отыскать в этой базе информацию для разработки новых лекарств и способов борьбы со старением. На эти цели он получил у инвесторов 70 миллионов долларов. Два года спустя в интервью STAT Вентер говорил, что его цель — «узнать из генома все, что можно», чтобы показать, как научная информация может менять

жизни людей. К середине 2015 года компания Вентера собрала геномы 20 тысяч человек и добавляла по 3 тысячи ежемесячно; сколько геномов компания собрала к нынешнему моменту, неизвестно.

Одним из самых публичных исследований Human Longevity стала работа прошлого года, авторы которой утверждали, что могут реконструировать внешний вид человека по его ДНК. Работа вызвала в научном сообществе дискуссию об этичности доступа к генетической информации и о допустимости ее коммерческого использования.

Со временем, однако, компания Вентера стала позиционироваться скорее как сверхдорогая медицинская клиника, где можно было пройти медицинский осмотр за 25 тысяч долларов (после которого пациент получает приложение для iPad со всей информацией о себе) или полный анализ ДНК за 1400 долларов. Эксперты, опрошенные STAT и другими медицинскими изданиями, сомневаются, что тесты Human Longevity могут принести какую-то пользу здоровым людям, а некоторые из них пока не одобрены Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) для клинического применения. Среди нынешних и потенциальных клиентов, данные о которых якобы украл Вентер, есть «голливудские актеры и актрисы, руководители компаний, владельцы команд Лиги американского футбола NFL, филантропы и политики».

Находясь всегда на острие научных прорывов и околонаучных скандалов, Крейг сейчас пытается запатентовать первый в истории человечества метод синтеза живого организма. Этот организм, по замыслу создателей, будет содержать в своем геноме минимально возможный набор генов. В 2010 году учёный представил миру простейший биосинтетический организм, способный к размножению. Первый в мире искусственный организм (синтетическая бактерия) получил имя Синтия (англ. Synthia).

С исторической точки зрения, Крейг — последователь синтетической биологии, начало которой представляют собой работы над созданием гомункулуса, затем синтез квазиклеточных мезоструктур с середины XIX века до 1930-х годов. Он, вероятно, один из самых знаменитых в мире генетиков, который дважды попадал в список ста самых влиятельных людей мира по версии журнала Time.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Зубков К. И.

К вопросу о выселении должников по оплате услуг ЖКХ: примеры и аналитика237

Иванченко Е. А., Бердиева А. А.

Проблемы определения границ прокурорского надзора в области легального оборота наркотических средств и психотропных веществ 239

Иванченко Е. А., Бердиева А. А.

Практика соблюдения запрета органами прокуратуры на подмену деятельности иных контролируемых субъектов 240

Ильин Г. А.

Согласие потерпевшего как фактор, влияющий на уголовную ответственность 242

Карцев П. В.

Вопрос учета НДС при определении величины убытков оценщиками и судебными экспертами..... 244

Кикоть О. В.

Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: сравнительный анализ247

Киселева А. В.

Институциональные механизмы защиты персональных данных в правовой системе Европейского союза в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19..... 250

Колобаева С. С.

Международно-правовой механизм защиты и охраны Мирового океана от радиоактивных отходов..... 254

Кондрашова А. А., Ухалова А. А.

Особенности саморегулирования оценочной деятельности257

Коновалов А. В.

Содержание понятия «права и свободы человека» и критерии правомерности ограничений прав и свобод 258

Коротков З. А.

Институт присяжных заседателей как форма участия граждан в отправлении правосудия... 263

Коротков З. А.

Актуальные проблемы деятельности суда присяжных в современных условиях..... 265

Коротков З. А.

Требования к профессиональным качествам судьи в Российской Федерации.....267

Кравцова О. И.

Регулирование предпринимательской деятельности в США 269

Кульбако Ю. Ю.

Государственная регистрация перехода права собственности на недвижимое имущество 271

Левакина И. С.

Административно-правовой статус государственных служащих 273

Лобазова И. А., Захарова А. Э.

Проблемы определения правового статуса арбитражного управляющего 275

Лычагин В. И.

Особенности расторжения договора купли-продажи недвижимости277

Люкина Е. Б.

Формы социально-правовой защиты беженцев в современной России 279

Ляной Н. А., Ленёва И. Г.

Проблематика определения административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации 281

Ляной Н. А., Ленёва И. Г. Соотношение административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц..... 283	Монгуш А. А. Меры по противодействию преступлениям коррупционной направленности 299
Маслов П. Р. Франчайзинг как правовая конструкция и бизнес- инструмент..... 286	Оказова Я. А. Правовая политика Европейского союза в отношении реализации прав лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам 301
Мацкевич Д. С. Нормативно-правовое регулирование организационно-технических мероприятий по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на опасных производственных объектах 290	Олейник С. С. Подходы к преподаванию юридических дисциплин на современном этапе развития профессионального образования 304
Медведева Д. А. Разграничение составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ..... 292	Олейник С. С. Основные полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации на примере Республики Крым 306
Медведева Д. А. Сравнение составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ 294	Омельяненко О. Н. Проблемы общественно опасных последствий состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ 308
Миронов А. А. Уголовно-правовая характеристика нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств 297	Перевозчиков Р. В. Проблемы квалификации угонов. Отграничение угона от преступлений со смежными признаками 310
	Петров А. А., Пенькова А. В. Судебные расходы в арбитражном судопроизводстве: понятие, состав и судебная практика по взысканию расходов 311

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К вопросу о выселении должников по оплате услуг ЖКХ: примеры и аналитика

Зубков Кирилл Иванович, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В данной статье рассматривается актуальный сегодня правовой вопрос о спорах по поводу выселения граждан из жилого помещения вследствие неуплаты за услуги ЖКХ. В исследовании проведен аналитический обзор по проблеме заложенности по услугам ЖКХ в России, а также сравнение с опытом из других стран. Помимо этого, в работе представлены примеры судебных решений по делам, связанным с неоплатой услуг ЖКХ.

Ключевые слова: ЖКХ, неуплата, задолженность, выселение, судебное решение.

Работа по возмещению задолженностей населения по оплате жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) всегда являлась достаточно актуальной темой. Происходящие в России процессы реформ жилищно-коммунального хозяйства, как правило, не затрагивали проблемы повышения уровня собираемости платежей населения за предоставляемые услуги [3]. Жесткие санкции к должникам обязательных платежей являлись всегда непопулярными среди политических деятелей, поэтому неплательщики жилищно-коммунальных услуг были и остаются.

По итогам 2020 года задолженность по услугам ЖКХ в России снижаются. Если в 2019 году уровень задолженности составлял более 1,3 трлн руб., то в прошлом году — до 1,2 трлн руб.

Около 276 млрд рублей население задолжало управляющим компаниям, ТСЖ и ЖСК. Из них 150 млрд рублей было недоплачено за содержание жилого помещения, 51 млрд — за отопление, 14,9 млрд — за холодную и 24 млрд — за горячую воду, 14,5 млрд — за водоотведение, 12 млрд — за электроэнергию и 0,82 млрд рублей за газ. Еще 350 млрд рублей — долги жителей непосредственно ресурсоснабжающим организациям. В том числе 145 млрд за тепло, 62 млрд за электричество, 52 млрд за газ. Заметно выросли с начала 2020 года долги за воду (с 32 до 38 млрд рублей), водоотведение (с 20 до 24 млрд) и вывоз мусора (с 16 до 29 млрд).

Средняя сумма долга на одно жилое помещение по итогам года выросла до 24 тысяч рублей, тогда как в 2019 году она составляла 21,7 тысячи, в 2018-м — 23,5 тысячи [4].

В настоящее время в России наиболее часто применяемой мерой борьбы с просрочками по коммунальным услугам является отключение коммунальных услуг. Преиму-

ущественно это вода и свет, в некоторых случаях отопление и газ, а также некоторые другие услуги. Сегодня правительство считает, что решать данный вопрос необходимо более цивилизованным образом, однако, изучив аналитические данные, представленные выше, можно увидеть, что компании по оказанию услуг ЖКХ недополучают колоссальные суммы [2]. Интересно проанализировать зарубежный опыт борьбы с должниками по ЖКХ. Там ситуация обстоит намного серьезнее, чем у нас, и ни о каких цивилизованных методах речи не идет. Например, во Франции, Германии и Великобритании с должников взыскиваются огромные штрафы, которые превышают сумму долга в 3-5 раз [4]. Такие штрафы начисляются уже с первого дня задержки оплаты. В Германии выселение за неуплату по ЖКХ может произойти спустя 1 месяц после неоплаты долга, во Франции этот срок составляет 2 месяца. Такая жесткая политика в отношении должников привела к тому, что в странах Европы долг по ЖКХ среди населения намного ниже, чем в России. Великобритания не так строга в отношении вопроса выселения, однако штрафы в этой стране одни из самых высоких, а отключение коммунальных услуг наступает через 2 недели после начала просрочки [4].

Одной из самых строгих стран в плане взыскания штрафов по услугам ЖКХ среди стран бывшего СССР является Латвия. В ней могут выселить неплательщика даже за 50-100 евро неуплаты, если это происходит систематически. Отключение воды, света и отопления практикуется в стране повсеместно и происходит, если просрочка не погашена в течение нескольких дней [8].

По правилам ч. 1 ст. 153 Жилищного кодекса потребитель коммунальных услуг должен вносить оплату до 10 числа каждого месяца за предыдущий месяц. В случае неуплаты, с 11 числа начинается просрочка [1].

В России обширная судебная практика по взысканию долгов по коммунальным платежам, а также, другим мерам пресечения, в том числе, выселению должников.

Согласно судебному решению от 02 марта 2021 года в г. Ярославле, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Администрации Заволжского сельского поселения Ярославского муниципального района Ярославской области к Козлову Александру Вячеславовичу постановил, расторгнуть с ответчиком договор социального найма и снять ответчика с регистрационного учета, в связи с тем, что гражданин Козлов А.В. задолжал за коммунальные услуги почти 200 тыс. рублей. Оплата за коммунальные услуги не поступала с января 2020 года. Важно отметить, что на заседание суда гражданин Козлов не явился по неизвестной причине [5].

Другим примером судебного дела по выселению из жилого помещения должника по ЖКХ является Решение № 2-138/20212-138/2021. В данном процессе ООО «Кургантехэнерго» обратилось в суд с иском к Бажутину В.П. о взыскании задолженности за потребленный коммунальный ресурс, пени и судебных расходов. Рассмотрев материалы дела, суд постановил — взыскать с Бажутина В.П. в пользу ООО «Кургантехэнерго» задолженность по оплате коммунальных услуг по отоплению за весь период в размере 100571 рубль 32 копейки, пени 3715 рублей 32 копейки за период с 11.11.2019 по 05.04.2020 г., а также расходы по оплате государственной пошлины в сумме 3459 рублей 69 копеек.

Также, интересным к изучению будет решение суда по делу № 2-220/202024 сентября 2020 года г. Чита. В материалах дела указано, что Администрации муницип-

ального района «Читинский район» обратилась в суд с претензией к Гаргополову А.В. и требует расторжение договора, выселение из жилого помещения, снятие с регистрационного учета, взыскание задолженности по оплате за жилое помещение, судебных расходов. Согласно судебному заключению, ответчик по данному делу не оплачивал коммунальные услуги полгода, а сумма долга составила чуть меньше 35 тысяч рублей. По данному делу суд отказал в удовлетворении требований истца [8].

Проанализировав 2 предложенных решения суда, можно увидеть, что решение о выселении гражданина или принудительной оплаты им коммунальных услуг в первую очередь, зависит от суммы претензии. В первом случае сумма составила почти 200 тыс. рублей, что является основанием к выселению, тем более, когда ответчик по таким делам не участвует в судебном процессе. Во втором случае сумма претензии небольшая — меньше 20 тысяч. В таких случаях речь идет не о выселении, а о принудительной оплате долга и штрафных санкциях.

Необходимо также отметить, что выселение должников является необходимой мерой пресечения, несмотря на то, что это крайний и самый суровый способ наказания. Однако приведенные в начале исследования данные показывают, что в России задолженность перед коммунальными службами достигает колоссальных объемов, что говорит о недостаточной эффективности мер пресечения, которые существуют сегодня, в виде штрафов, пени и принудительной уплаты долгов по коммунальным платежам. По всей видимости, в данном вопросе требуются более суровые методы борьбы.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 28.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности»
3. Маринкин, Д. Н. О некоторых современных причинах экономических преступлений в жилищно-коммунальной сфере России // ППД. 2016. № 1.
4. Хаванова Наталья Владимировна, Литвинова Елена Владимировна Пути повышения эффективности взыскания задолженности с граждан за услуги в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Сервис в России и за рубежом. 2015. № 3 (59).
5. Решение № 2-2125/20202-394/20212-394/2021 (2-2125/2020)
6. Решение № 2-138/20212-138/2021 (2-1606/2020)
7. Решение № 2-220/20202-920/20202-920/2020~М-768/2020 М-768/2020 от 24 сентября 2020 г. по делу № 2-220/2020
8. Информационный портал «Газета. Бизнес». Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2020/02/21/12971377.shtml>. Дата обращения: 20.11.2021.

Проблемы определения границ прокурорского надзора в области легального оборота наркотических средств и психотропных веществ

Иванченко Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;
Бердиева Асият Амурбиевна, студент магистратуры
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Статья посвящена одной из актуальных проблем в сфере прокурорского надзора в области легального оборота наркотических средств и психотропных веществ, а именно определению границ прокурорского надзора в указанной выше области.

Ключевые слова: прокурорский надзор, легальный оборот, наркотические средства, психотропные вещества, границы прокурорского надзора, наркопреступность, контроль.

В этой статье авторы хотели бы раскрыть проблему определения границ прокурорского надзора в области легального оборота наркотических средств и психотропных веществ. Данная тема со временем только набирает свою актуальность, особенно в последние годы. Это обуславливает необходимость обсуждения проблем, и возможно внедрения некоторых положений в законодательство для их устранения.

В любом демократическом государстве надзор за общественным правопорядком, нравственностью, а также уровнем здравоохранения являются одним из главных охраняемых сфер, которому государство уделяет особое внимание. На основании этого справедливым будет отметить, что контроль за оборотом наркотических средств является важным аспектом деятельности государственных правоохранительных органов. Кроме того, важность надзора за легальным оборотом наркотических и психотропных веществ обусловлена стремительным ростом числа зарегистрированных преступлений в сфере наркопреступности. Помимо роста уровня наркопреступности, стремительно увеличивается и число наркозависимых лиц, случаи врачебных хищений, случаи нелегальной продажи наркотических и (или) психотропных веществ лицам без назначения врача и т. д.

С одной стороны, доступность наркотических средств и психотропных веществ гражданам, которым они необходимы в медицинских целях, — это принцип государственной политики в данной сфере. Об этом говорит Федеральный Закон «О наркотических средствах и психотропных веществах». С другой стороны, эта доступность порождает преступления в данной сфере путем нарушения требований федерального законодательства лечебными учреждениями и фармацевтическими организациями, что в свою очередь может способствовать немедицинскому потреблению так называемых «аптечных наркотиков» — лекарственных препаратов, содержащих в своем составе наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры.

Перед тем как рассмотреть проблему определения границ прокурорского надзора в этой сфере, считаем необходимым дать понятие легальному обороту наркотических средств.

Деятельность в сфере оборота наркотиков является легальной, когда она производится в законном порядке

и тем самым все операции, которые производятся участниками оборота, базируются на лицензировании, а также при условии, что итогами ее осуществления являются: медицинские, для лечения больных; использование наркотических средств в ветеринарии; использование в научных и учебных целях; использование в экспертной деятельности; использование в оперативно-розыскной деятельности; использование воинскими частями и подразделениями. [1]

В связи с важностью наркоконтроля в обществе, в Российской Федерации надзор за оборотом наркотических средств в социуме осуществляется в соответствии с Федеральным законом РФ от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических и психотропных веществах». Анализ данного законодательного акта позволяет нам сделать вывод о том, что контроль за оборотом наркотических средств является одной из основных угроз социальной целостности государства, в связи с чем применяется жесткая политика контроля за их оборотом. Данным законом, в качестве одного из способов борьбы, надзора и предупреждения наркопреступности на территории государства, установлен принцип государственной монополии на оборот наркотических и психотропных веществ. Кроме того, в Российской Федерации предусмотрены специально образованные и уполномоченные на контроль, надзор и предупреждение наркопреступности федеральные органы, а также федеральные органы исполнительной власти.

Так, Прокуратура Российской Федерации, являясь важной частью правоохранительных органов государства, наделена специфическими полномочиями по надзору за оборотом наркотических и психотропных веществ. Деятельность прокуратуры по надзору в сфере наркопреступности предусматривает контроль за исполнением и соблюдением ФЗ № 3-ФЗ, а так же за соблюдением установленных конституционными нормами по защите прав и свобод человека и гражданина. [2]

Кроме того, прокуратура Российской Федерации наделена и другими полномочиями, не входящие в категорию надзорной деятельностью, в области контроля наркооборота. Так, она вправе осуществлять уголовное преследование, регулировать правовую деятельность иных государственных правоохранительных органов, а также участвовать в рассмотрении судебных дел, связанных с наркопреступностью и др.

Важно, что для прокуратуры Российской Федерации обязательным условием является ведение административного преследования в рассматриваемой нами области. На наш взгляд, только при комплексном осуществлении вышеизложенных полномочий прокуратурой Российской Федерации, возможно достижение поставленных целей по надзору, предупреждению и профилактике преступлений в области оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Стоит отметить, что для выполнения прокурорами деятельности по надзору в области легального оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые входят в пределы их компетенций, необходимо создание условий, в которых прокурорам своевременно будет передаваться свежая статистика по состоянию дел в рассматриваемой нами сфере. Данная информация собирается по результатам деятельности правоохранительных и иных государственных органов и учреждений. Кроме того, на наш взгляд, особое внимание стоит обратить на наблюдению по поисковым и иным обращениям в сети «Интернет», а также в средствах массовой информации. При обнаружении нарушений про-

курором, в соответствии со ст. 23 Закона о прокуратуре может выноситься запрет [3]. К примеру, зарегистрировано множество случаев нарушений со стороны деятельности государственного наркоконтроля, которым были вынесены запреты прокуратурой Российской Федерации.

Еще одним обязательным условием, при достижении которого возможно осуществление прокурорами надзора оборотом наркотических средств и психотропных веществ является уровень соблюдения закона при осуществлении своей деятельности государственных программ, направленных на противодействие, предупреждение и профилактику наркопреступлений.

Подводя итоги, отметим, что высокая степень опасности распространения наркотиков обуславливается не только причинением серьезного вреда здоровью человека, в результате чего он лишается социальных функций, но и другими сопутствующими факторами. Это является причиной, которая обязывает прокуроров уделять особое внимание улучшению законности в области легального оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс»: [справочная правовая система]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2021)
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 5. Ст. 26
3. Колесов, М. В. Социальная ориентированность прокурорского надзора // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2 (15). с. 200-204.
4. Астахова, А. О. Понятие и значение легального оборота наркотиков в российской федерации // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 11 (27). С. 206-210.

Практика соблюдения запрета органами прокуратуры на подмену деятельности иных контролируемых субъектов

Иванченко Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;
Бердиева Асият Амурбиевна, студент магистратуры
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Статья посвящена проблеме практики соблюдения запрета органами прокуратуры на подмену деятельности иных контролируемых субъектов. Раскрыты основные факторы, влияющие на практику соблюдения запрета на подмену деятельности контролируемых субъектов.

Ключевые слова: органы прокуратуры, подмена деятельности, иные контролируемые органы, законодательство, контролируемые субъекты.

В данной статье авторы хотели бы затронуть основные аспекты практики соблюдения запрета органами прокуратуры на подмену деятельности иных контролируемых субъектов и аргументировать свою позицию относительно этой темы.

Современные тенденции развития и становления социально ориентировочной рыночной экономики, гражданского общества и верховенства закона в Российской Федерации явились причиной прогрессивной законодательной и законотворческой деятельности. Как правило,

субъектами данной деятельности выступают органы государственной власти, местного самоуправления и иные должностные лица. Именно стремительное развитие законодательного строя выявило потребность разграничения полномочия правоохранительных органов и установления принципа невмешательства.

Согласно ст. 4 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами, при этом действуют гласно и информируют федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также население о состоянии законности.

В соответствии со ст. 5 закона воздействие в какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на прокурора с целью повлиять на принимаемое им решение или воспрепятствование в какой-либо форме его деятельности влечет за собой установленную законом ответственность.

В силу ст. ст. 21, 22, 26, 27 закона при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Проверки проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, и при наличии оснований прокурор принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба.

Так, при выявлении нарушений закона прокурор вносит представление об устранении нарушений закона, возбуждает производство об административном правонарушении, требует привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности, предупреждает о недопустимости нарушения закона, опротестовывает противоречащие закону правовые акты, обращается в суд за защитой прав граждан, государственных и общественных интересов, неопределенного круга лиц. Требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок. Неисполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, влечет за собой установленную законом ответственность.

Также ст. 4 Закона о прокуратуре раскрывает принципы деятельности прокуратуры Российской Федерации,

при этом не указывает в своем содержании принцип невмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность субъектов, но нужно сказать, что он при этом несколько раз упоминается в других положениях данного закона

На наш взгляд, будет верным соблюдение органами прокуратуры правил определения полномочий и совершение деятельности в пределах этих полномочий. Следовательно, при таких условиях, не возникнет спорных ситуаций. Кроме того, на наш взгляд, является необходимым разграничения оперативно-хозяйственной деятельностью и деятельностью, являющейся предметом надзора, а также установить пределы их компетенций. Необходимость данного разграничения обусловлена отсутствием конкретного юридического определения понятия и сущности производственно-хозяйственной деятельности.

Если рассуждать о разграничениях данных определений на уровне научного анализа, то можно предположить, что слова «оперативный» и «хозяйственный» носят правильную смысловую нагрузку употребляясь как «оперативно-хозяйственная деятельность», в том случае, если их рассматривать в следующих значениях.

Прибегая к статистическим данным, мы видим, что за 2019 год на территории Российской Федерации прокуратурами субъектов предложено около 374 решений по улучшению содержания нормативно-правовых актов в рассматриваемой области.

Приведем пример из судебной практики Четвертого арбитражного апелляционного суда от 02.12.2020 N 04АП-5769/2020 по делу N А10-3020/2020

Содержание законодательных актов позволяет нам установить, что в полномочия прокуратуры не входит проведение проверок продавцов на предмет соблюдения санитарно-эпидемиологического законодательства. Решение о привлечении к ответственности, принятое по результатам такой проверки, может быть отменено в судебном порядке. В результате проверки индивидуального предпринимателя сотрудниками прокуратуры в принадлежащем ему магазине выявлены несколько нарушений санитарно-эпидемиологического законодательства. Индивидуальным предпринимателем было обжалование в суд вышестоящей инстанции, и его жалоба была удовлетворена.

Основанием удовлетворения жалобы истца суд определил, что информация, которой руководствовалась деятельность прокуратуры по данному делу не относится к ее компетенции. Помимо этого, суд отметил, что дана проверка должна быть проведена Роспотребнадзором. Т. е., как уже было нами отмечено выше, прокуратура Российской Федерации не в праве заменять деятельность иных государственных органов и должностных лиц. Еще одним нарушением со стороны действий прокуратуры Российской Федерации было отсутствие предварительного уведомления предпринимателя о предстоящей проверке.

Таким образом, у прокуратуры не было оснований для проведения проверки, и решение о наказании, вы-

несенное по ее результатам, должно быть отменено, поскольку оно было незаконным.

Подводя итоги, можно сказать, что в данной сфере остается много нерегулируемых на законодательном уровне положений, которые влекут за собой разграничения в подходах к пониманию соблюдения запрета ор-

ганами прокуратуры на подмену деятельности иных контролирующих субъектов. Однако нельзя и не отметить, что правотворческая деятельность органов прокуратуры вносит довольно значительный вклад в процесс законотворчества. Что, собственно, не может не влиять положительно на редактирование законов и принятие новых.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс»: [справочная правовая система]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2021)
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 5. Ст. 4
3. Шевченко, В. Ю. Прокуратура в системе разделения властей и государственном механизме защиты конституционных прав граждан: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009
4. Завалунов, А. Н. Роль и место прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Законность. 2018. № 12. с. 7-9.
5. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 02.12.2020 № 04АП-5769/2020 по делу № А10-3020/2020 [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс»: [справочная правовая система]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS004&n=90689#Sa2NapSW02HjAYsN1> (дата обращения: 10.11.2021)

Согласие потерпевшего как фактор, влияющий на уголовную ответственность

Ильин Герман Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Верина Галина Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

Уголовно-правовой институт согласия потерпевшего на причинение ему вреда рассматривается в действующем законодательстве в качестве условия освобождения от уголовной ответственности применительно к отдельным составам преступления. Согласие потерпевшего должно обладать критериями добровольности и своевременности. Добровольность предполагает выражение желания без насилия, угроз или обмана о причинении вреда, а своевременность, что оно должно быть выражено до начала причинения вреда, в противном случае оно не имеет юридического значения. Дифференциацию уголовной ответственности за причинение вреда потерпевшему с его согласия необходимо рассматривать в качестве института обстоятельств, смягчающих наказание.

Ключевые слова: уголовная ответственность, институт согласия потерпевшего, обстоятельство, смягчающее наказание, критерии добровольности и своевременности.

В настоящее время российский уголовный закон (далее — УК РФ) рассматривает согласие потерпевшего на причинение ему вреда в качестве условия освобождения от уголовной ответственности применительно к отдельным составам преступления, в частности составу, предусмотренному ст. 122 УК РФ. Примечание к данной статье гласит, что лицо освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения.

В отношении добровольности уместно подчеркнуть, что, как правило, это ситуации, при которых лицо, выразившее согласие на причинение ему вреда, находится в тесной физиологической и эмоциональной связи с лицом, страдающим данным заболеванием (гетеросексуальные союзы, в том числе брачные), и для него риск заражения не представляется значимым. И здесь нужно отметить, что до появления примечания к ст. 122 УК РФ складывалась ситуация, где семьи, в которых один из супругов являлся ВИЧ-инфицированным, находились в уязвимом положении, поскольку существовали основания для привлечения данного лица к уголовной ответственности. К примеру, в августе 1998 г. прокуратурой

Санкт-Петербурга было возбуждено уголовное дело в отношении Г. по ч. 1 ст. 122 УК РФ. Данный гражданин, будучи ВИЧ-инфицированным, сожительствовал с Е., имеющей ВИЧ-отрицательный статус, которая была осведомлена о наличии у Г. заболевания. Впоследствии Е. забеременела, оставшись при этом ВИЧ-отрицательной, была против привлечения ее сожителя и отца будущего ребенка к уголовной ответственности [1, с. 28]. Именно распространенность подобного рода ситуаций побудила законодателя дополнить норму ст. 122 УК РФ примечанием об освобождении от уголовной ответственности при согласии потерпевшего на причинение ему вреда, что следует расценивать как дополнительную гарантию соблюдения прав и свобод ВИЧ-инфицированных граждан.

В отношении своевременности согласия потерпевшего на причинение ему вреда действует правило: согласие должно быть выражено до начала причинения вреда, в противном случае оно не имеет юридического значения, что прямо следует из формулировки примечания к ст. 122 УК РФ. В этой связи лицо, страдающее указанным заболеванием, до совершения действий, направленных на заражение, должно поставить в известность потенциального пострадавшего о том, что является инфицированным и существует риск заражения.

Как было отмечено выше, примечание к ст. 122 УК РФ прямо указывает только на два признака: своевременность предупреждения и добровольность согласия. При этом необходимо одновременное соблюдение обоих признаков для того, чтобы лицо, совершившее действия, способные повлечь заражение другого лица ВИЧ-инфекцией, было освобождено от уголовной ответственности.

Таким образом, своевременным будет являться лишь то предупреждение, которое было дано до начала вредоносного деяния. В свою очередь, под добровольностью согласия следует понимать отсутствие принуждения либо обмана со стороны инфицированного или третьих лиц. В случае выражения согласия на заражение ВИЧ-инфекцией потерпевший должен в полной мере осознавать, какие блага он позволяет тем самым нарушить. Подобное понимание признаков является оптимальным, поскольку отражает все наиболее значимые характеристики согласия потерпевшего на причинение ему вреда.

Законодательное решение о влиянии согласия потерпевшего на уголовную ответственность, несомненно, представляется позитивным в контексте свободы выбора поведения потерпевшего. Однако такое решение на сегодня носит сугубо избирательный характер.

В теории уголовного права и в правоприменительной практике продолжается дискуссия относительно уголовно-правовой оценки причинения смерти тяжело больному лицу с его согласия. Рассуждения В. А. Блинникова по данному вопросу сводятся не к этическим, а юридическим аспектам. Автор утверждает, что каждому принадлежит право на жизнь, из чего вытекает право на распоряжение ею. По его мнению, попытка совершения самоубийства человеком не карается законодателем, со-

ответственно, в случаях, когда человек имеет волю совершить данное деяние, но не имеет на это возможности (например, физической), он вправе делегировать ее другому лицу, что, по мнению автора, исключает преступность деяния [2, с. 37].

Однако на сегодняшний день в России эвтаназия (как немедицинская, так и медицинская) запрещена. В соответствии со ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента [3, с. 9].

В контексте влияния согласия потерпевшего на уголовную ответственность следует рассмотреть преступление, предусмотренное ст. 128.1 «Клевета» УК РФ, в котором такое согласие имеет ярко выраженное уголовно-правовое значение. Однако в уголовном законе нет специальной нормы, которая бы регламентировала данный аспект. Особенность клеветы такова, что вред при ней причиняется посредством изменения оценки человеческих качеств окружающими и самой личностью. Лицо, фактически не оценивающее клеветнические действия в качестве унижительных, подтверждает факт отсутствия в них общественной опасности и дает таким образом свое согласие на причинение вреда, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ. С позиции уголовно-процессуального законодательства данное преступление отнесено к делам частного обвинения, что позволяет потерпевшему самостоятельно решать вопрос о необходимости привлечения виновного лица к уголовной ответственности за его совершение. Таким образом, в правоприменении действие института согласия потерпевшего в контексте состава клеветы основывается на самой законодательной конструкции преступления и системном толковании уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм.

Важно обратить внимание на дифференциацию уголовной ответственности за причинение вреда потерпевшему с его согласия через призму института обстоятельств, смягчающих наказание, которые, как отмечает Г. В. Верина, являются важнейшим средством дифференциации уголовной ответственности [4, с. 13]

Отметим, что при всей обширности данного средства дифференциации уголовной ответственности к преступлениям, совершенным с согласия потерпевшего, фактически применима лишь меньшая их часть. В русле нашего исследования большое значение имеет смягчающее обстоятельство «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания», предусмотренное п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Мотивом сострадания зачастую руководствуются при причинении вреда жизни тяжело больному человеку с его согласия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на возможность правомерного совершения про-

тивоправных действий в отношении потерпевшего с согласия, его применение законодательно ограничено пределами, в рамках которого он праве давать такое со-

гласие на причинение вреда собственному здоровью, и должно обладать определёнными критериями допустимости.

Литература:

1. Камнев, Р.Г. Проблемы законодательной регламентации и практического применения основания освобождения от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией/Р.Г. Камнев. — Текст: непосредственный // Российский следователь. — 2011. — № 23. — с. 28-31.
2. Панов, М. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния/М. Панов. — Текст: непосредственный // Законность. — 2010. — № 4. — с. 37-40.
3. Момотов, В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (эвтаназия)/В.В. Момотов. — Текст: непосредственный // Lex russica. — 2019. — № 10. — с. 9-15.
4. Верина, Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: специальность 40.06.01 «Юриспруденция»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук/Верина Г.В.; ФГБОУ ВО «СГЮА». — Саратов, 2003. — 510 с. — Текст: непосредственный.

Вопрос учета НДС при определении величины убытков оценщиками и судебными экспертами

Карцев Павел Валерьевич, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Размер убытков может определяться как без учета НДС, так и с ним. При возможности получения вычета из бюджета налог не должен включаться в размер убытков. Стоимость имущества, затраты на замещение и восстановительный ремонт должны рассчитываться без включения в их величину налога. При проведении судебных оценочных экспертиз следует учитывать судебную практику и разъяснения судов высших инстанций. Рекомендуется включать в выводы заключений экспертов однозначное указание на порядок определения размера ущерба в части учета НДС, а также применимую ставку налога.

Ключевые слова: убытки, ущерб, стоимость, НДС, налог, эксперт, судебная экспертиза

The issue of VAT in calculating losses by valuers and expert witnesses

Kartsev Pavel Valeryevich, student master's degree
The Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

The amount of losses and damages can be determined both excluding and inclusive VAT. When an injured person has right to deduct, the tax should not be included in the amount of losses. The value of the property, replacement costs and renewal should be calculated without including the tax in their amount. When conducting forensic assessments, one should take into account the judicial practice and explanations of the high courts. It's recommended to add the expert report's conclusions with clearly indication the procedure for determining the amount of losses (damage) in terms of VAT and applicable tax rate.

Keywords: loss, damage, value, VAT, tax, forensic, expert, expertise

Вопрос определения величины убытков, а в их составе величины ущерба, является одним из наиболее распространенных при проведении судебных экспертиз. Подобные вопросы суды ставят на разрешение специалистам, прежде всего имеющим специальные познания в области оценочной деятельности, т.е. определении рыночной и иных видов стоимостей.

В национальной системе квалификаций, профессий и должностей такого рода задачи выполняют оценщики. Регулирование оценочной деятельности осуществляется посредством специального федерального закона от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», которым в том числе определяется и базовое в оценке понятие, понятие рыночной

стоимости (ст. 3 закона), а методологические аспекты оценочной деятельности регулируются федеральными стандартами оценки и иными нормативными документами уполномоченного органа.

Закон об оценочной деятельности определяет рыночную стоимость как наиболее вероятную цену. Поскольку согласно гражданскому законодательству цена определяется сторонами договора и может как включать в себя НДС, так и не включать его (ст. 424 и ст. 485 ГК РФ), а законодательство об оценочной деятельности и федеральные стандарты оценки также не содержат каких-либо пояснений относительно учета НДС при определении рыночной стоимости, в правоприменительной практике достаточно часто встречаются споры относительно данного вопроса.

Как сказано выше, определение величины убытков является одной из наиболее часто встречающихся задач в практике судебной оценочной экспертизы. Под ущербом (или реальным ущербом) понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (ст. 15 ГК РФ). В случае утраты материальных ценностей или их повреждения восстановление нарушенного права определяется путем компенсации стоимости утраченного имущества или затрат на восстановление (пп. 11-14 Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Понятие убытки включает в себя ущерб, но кроме того включает и упущенную выгоду — неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Таким образом типичными вопросами, которые суды ставят на разрешение экспертов в таких делах, являются вопросы о величине рыночной стоимости имущества, рыночной величине затрат на восстановительный ремонт, величине упущенной выгоды.

Так же, как и в отношении цены, действующее законодательство допускает понимание и определение суммы убытков как с учетом НДС, так и без включения НДС в расчет этой суммы. Соответственно, с одной стороны, допустимо учитывать суммы налога в стоимости утраченного имущества при определении размера ущерба. Однако согласно выводам постановления Президиума ВАС РФ от 23.07.2013 № 2852/13 по делу № А56–4550/2012 убытки в виде расходов, включающих НДС, могут быть возмещены потерпевшему, только если последний докажет, что налог вместе с иными составляющими является его некомпенсируемыми потерями. Наличие права на вычет сумм НДС, установленного ст. 171 НК РФ, исключает уменьшение имущественной сферы лица, которому был причинен ущерб (имущественное положение не уменьшится на сумму НДС), и, соответственно, в данном случае исключает применение ст. 15 ГК РФ, поскольку по общему правилу компенсации убытков законодатель исключает

как неполное возмещение понесенных убытков, так и обогащение потерпевшего за счет причинителя вреда. В частности, не могут быть включены в состав убытков расходы, хотя и понесенные потерпевшим в результате правонарушения, но компенсируемые ему в полном объеме за счет иных источников. В противном случае создавались бы основания для неоднократного получения потерпевшим одних и тех же сумм возмещения и, соответственно, извлечения им имущественной выгоды, что противоречит целям института возмещения вреда.

Рассмотрим данный тезис на примере ущерба имуществу, нанесенному в результате пожара, и взыскания данного ущерба с лица, виновного в нём.

С точки зрения потерпевшего, при предъявлении требования о компенсации ущерба, лучше предъявить претензию на всю сумму вместе с НДС. Если ответчиком (виновником) не будет отдельно поставлен вопрос о правомерности включения НДС в расчет ущерба, то ему придется возмещать убытки полностью. С другой стороны, если виновник такой вопрос поставит и не возместит НДС в составе предъявляемой суммы ущерба (стоимости, цен, расходов), то потерь не будет, поскольку впоследствии налог можно вернуть из бюджета.

Виновнику же важно указать суду на неправомерность включения НДС в состав ущерба в случае, если пострадавшая сторона приняла (могла принять) НДС по сгоревшему имуществу к вычету. Точно также при восстановлении нарушенного права путем восстановления или приобретения аналогичного имущества, НДС, который будет уплачен продавцам, компенсируется из бюджета, поэтому не может считаться затратами и включаться в убытки потерпевшей стороны. Возмещение суммы НДС лицом, причинившим ущерб, и получение вычета налога из бюджета, приводит к неосновательному обогащению «потерпевшего» посредством получения налога дважды — из бюджета в виде налогового вычета и от своего контрагента в виде суммы возмещения ущерба.

Следует учитывать, что бремя доказывания наличия убытков и их состава возлагается на потерпевшего (постановления Президиума ВАС РФ от 23.07.2013 № 2852/13, от 17.07.2012 № 2683/12, от 24.04.2012 № 16327/11, от 29.08.2000 № 8926/99). Таким образом, при наличии позиции ответчика (виновника) о необоснованности расчета убытков с учетом НДС, бремя доказывания должно перейти на истца (потерпевшего), т. е. уже он должен будет доказать, что по утраченным материальным ценностям имущественное положение не может быть восстановлено кроме как вместе с некомпенсируемым из бюджета НДС.

Такая ситуация в практике может быть, если пострадавшее лицо применяет специальные налоговые режимы, либо применяет общий режим, но расходы на устранение недостатков связаны с необлагаемыми НДС операциями (Постановление ФАС Уральского округа от 21.07.2009 № Ф09–5054/09-С4).

В случае, если истец (потерпевший) применяет общий режим налогообложения, целесообразно также рассмо-

треть, какие налоговые обязательства будут у данной стороны после компенсации убытков, будут ли у нее потери, связанные с данным налогом.

Сумма, получаемая в качестве возмещения убытков, не подлежит обложению НДС, поскольку не связана с реализацией товаров (работ, услуг). Такая точка зрения представлена в письме Минфина России от 28.07.2010 № 03-07-11/315, в котором разъясняется, что увеличение налоговой базы на суммы, не связанные с оплатой реализованных товаров (работ, услуг), Налоговым кодексом РФ не предусмотрено (также письма Минфина России от 26.10.2011 № 03-07-11/289, от 13.10.2010 № 03-07-11/406). Практика арбитражных судов тоже склоняется к тому, что сумма возмещения убытков (ущерба), полученная организацией, не облагается НДС (постановление ФАС Московского округа от 22.08.2011 № Ф05-7956/11, ФАС Уральского округа от 25.05.2009 № Ф09-3324/09-СЗ, ФАС Поволжского округа от 05.02.2009 № А55-6696/2008, ФАС Волго-Вятского округа от 26.02.2008 № А82-40/2007-1).

Восстановлению, принятый к зачету НДС по утраченным материальным ценностям, также не подлежит. Закрытый перечень ситуаций, при наступлении которых суммы НДС, ранее правомерно принятые к вычету, подлежат восстановлению, установлен п. 3 ст. 170 НК РФ. Списание товарно-материальных ценностей в связи с их утратой, порчей, недостачей, браком к числу случаев, перечисленных в п. 3 ст. 170 НК РФ, не относится. В письме ФНС России от 21.05.2015 № ГД-4-3/8627 указывается, что суммы НДС, ранее правомерно принятые к вычету, при выбытии имущества в результате пожара восстановлению не подлежат, так как этот случай в п. 3 ст. 170 НК РФ не поименован. Налоговый орган руководствуется решением ВАС РФ от 23.10.2006 № 10652/06, а также письмом Минфина России от 07.11.2013 № 03-01-13/01/47571.

Аналогичная практика по компенсации убытков имеется и по ст. 524 ГК РФ, т.е. в связи с нарушением стороной условий договора поставки. В случае, если виновная сторона обращает внимание суда на некорректность расчета убытков на основании цен с учетом НДС, суды высших инстанций выносят решения, указывая на недопустимость включения НДС в размер величины убытков, поскольку покупатель принимает его в зачет, а продавец — уплачивает в бюджет (Определение ВС РФ от 01.11.2018 № 305-ЭС18-10125 по делу А40-52603/2017).

Исходя из вышеизложенного, по мнению автора, при выполнении определений *арбитражных судов*, которые не содержат указаний на необходимость определения величины ущерба без учета НДС или включения НДС в его размер, *судебным экспертам следует определять стоимость имущества или затрат на восстановление без учета НДС*. В заключительной части в порядке инициативы эксперту в дополнение к основному выводу целесообразно сделать оговорку относительно невключения сумм НДС в результат исследования, привести величину ставки НДС на дату определения стоимости (ущерба) и указать величину ущерба с учетом НДС. В таком случае при применении результатов подобного исследования исходя из обстоятельств конкретного дела суд сможет воспользоваться как величиной без учета налога, так и с его учетом.

При проведении экспертиз *в судах общей юрисдикции*, когда пострадавшей стороной является физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность, расчет величины ущерба, а соответственно стоимости имущества и затрат необходимо производить исходя из розничных цен с учетом НДС. Отдельное указание на включение НДС в величину ущерба, указание на ставку НДС и величину без учета НДС не требуется.

Литература:

1. Андреева, И., Герасимова Н. НДС и возмещение ущерба // Актуальная бухгалтерия. 2011. № 11. — [Электронный ресурс]: <https://www.klerk.ru/buh/articles/252846/> (дата обращения: 07.05.2021)
2. Мацепуро, Н. А. Получено возмещение убытков: учет и вычет НДС. // Главная книга. 2012. № 5. — [Электронный ресурс]: https://glavkniga.ru/elver/2012/5/523-polucheno_vozmeschenie_ubytkov_uchet_vichet.html (дата обращения: 07.05.2021)
3. Взыскиваем убытки: с НДС или без НДС? // Российский налоговый портал (taxpravo.ru). — 06.08.2013. — [Электронный ресурс]: <http://www.arbitr.ru/archiv/press-centr/smi/89419.html> (дата обращения: 07.05.2021)
4. Возмещение убытков, включающих НДС // Анализ постановления президиума ВАС. // Портал Закон. Ру (zakon.ru) — 21.11.2013. — [Электронный ресурс]: https://zakon.ru/blog/2013/11/21/vozmeshhenie_ubytkov_vklyuchayushhix_nds_analiz_postanovleniya_prezidiuma_vas (дата обращения: 07.05.2021)
5. Молчанов, В. облагается ли НДС сумма компенсации ущерба? // Портал Audit-ti.ru. — 20.10.2016. — [Электронный ресурс]: <https://www.audit-it.ru/articles/account/tax/a34/885812.html> (дата обращения: 07.05.2021)
6. Калиниченко, Д. Правила определения размера имущественного ущерба при квалификации кражи и при подаче гражданского иска. // Новый юридический вестник. 2018. № 5. — [Электронный ресурс]: <https://www.kiaplaw.ru/press-centr/public/5025.html> (дата обращения: 07.05.2021).

Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: сравнительный анализ

Кикоть Ольга Владимировна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье описываются особенности и отличительные черты дел упрощенного производства в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: упрощенное производство, гражданский процесс, арбитражный процесс, ГПК РФ, АПК РФ.

Идея упростить и сократить судебный процесс существовало уже долгое время и ряд ученых предлагали свои идеи по этому поводу. Как справедливо отметил Н.В. Сивак: «Гражданский процесс государств с рыночной экономикой не может позволить себе проведения судебного заседания по всем делам» [1]. Институт упрощенного производства появившись в арбитражном процессе, появившийся в 2012 году, показал и доказал свою эффективность. В связи с этим Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» институт упрощенного производства был введен в Гражданский процессуальный Кодекс (далее-ГПК РФ).

Сравнивать институт упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе следует с норм, в которых установлен и регулируется данный институт. Для начала определим расположение главы, регламентирующий институт упрощенного производства, по отношению к подразделам. Так, в АПК РФ глава 29 «Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства» относится к разделу IV «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел». В ГПК РФ глава 21.1 «Упрощенное производство» размещена в подразделе II «Исковое производство». Как мне кажется, наиболее удачное расположение упрощенного производства в ГПК РФ, т.к. некоторые считают, что упрощенное производство это все таки разновидность искового судопроизводства. Глава 21.1 ГПК РФ об упрощенном производстве структурно полностью повторяет глава 29 АПК РФ и включает всего четыре статьи, регулирующие:

- 1) общие вопросы упрощенного производства;
- 2) категории дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства;
- 3) особенности рассмотрения дел в порядке упрощенного производства;
- 4) особенности вынесения, вступления в законную силу, обжалования и исполнения решения суда по этим делам.

Для дальнейшего анализа института упрощенного производства следует рассмотреть категории дел, которые подлежат рассмотрению в порядке упрощенного судопроизводства. Все дела, которые рассматривают суды

в порядке искового производства по правилам ГПК РФ, а также в порядке искового или административного производства по правилам АПК РФ, можно поделить на три группы:

— дела, которые суды рассматривают в упрощенном порядке в силу закона (императивная группа дел) (ч. ч. 1 и 2 ст. 227 АПК РФ, ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ);

— дела, которые суды могут рассмотреть в упрощенном порядке с согласия сторон (диспозитивная группа дел) (ч. 3 ст. 227 АПК РФ, ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ);

— дела, которые суды не рассматривают в упрощенном порядке (ч. 4 ст. 227 АПК РФ, ч. 3 ст. 232.2 ГПК РФ). [2]

Дела, которые суды рассматривают в упрощенном порядке в силу закона, отличаются в вопросе установления максимальных сумм по требованиям о взыскании денежных средств (п. 1 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ), что объяснимо различиями в финансовых возможностях участников гражданского процесса и участников арбитражного процесса и, соответственно, по-разному понимаемой ими сложности дела. В обоих Кодексах к императивной группе отнесены также дела независимо от суммы по искам о взыскании основанной на документах бесспорной задолженности (за исключением дел приказного производства).

Что касается второй группы дел, которой подлежат рассмотрению в порядке упрощенного судопроизводства, то она одинаково регулируется как в ГПК РФ и АПК РФ. Рассмотрение данной категории согласно обоим Кодексам возможно в порядке упрощенного производства по ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон, если не имеется обстоятельств, исключающих упрощенную процедуру (ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ и ч. 3 ст. 227 АПК РФ).

Категория дел, которые суды не рассматривают в упрощенном порядке, выглядят несколько странно. Например, какие в ГПК РФ имеются в виду споры, возникающие из административных правоотношений, если суды уже как пару лет их рассматривают по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ? И почему отдельных споров из административных и иных публичных правоотношений нет в списке исключений в АПК РФ, по правилам которого арбитражные суды такие споры все еще рассматривают? Почему споры, связанные с государственной тайной, в ГПК РФ указаны в числе дел, которые

не рассматриваются по упрощенным правилам, а в АПК РФ — нет? И почему в АПК РФ в список не попали дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, а в ГПК РФ попали? Это только некоторые из вопросов, ответов на которые нет.

Поскольку перечни исключений в двух процессуальных Кодексах получились довольно скудные, то разъяснения ВС РФ, дополнившие эти перечни, были ожидаемы. Однако, как представляется, перечни исключений пока далеко не полные. Например, в них можно также включить дела об оспаривании решений третейских судов, о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, а также дела, связанные с выполнением судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов. Перечень исключений в АПК РФ можно также дополнить делами о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Также будет целесообразным проанализировать особенности рассмотрения дел в порядке упрощенного производства в гражданском процессе в соответствии с его стадийностью. Исковое заявление по делу, которое подлежит рассмотрению в порядке упрощенного производства, может быть подано в суд общей юрисдикции или арбитражный суд как в письменном, так и в электронном виде. Возможность обращения в суд общей юрисдикции посредством подачи искового заявления в электронном виде была введена в Гражданский процессуальный кодекс РФ Федеральным законом от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», который вступил в силу 01.01.2017 года. Таким образом, для гражданского процесса электронный документооборот является нововведением, в отличие от арбитражного процесса, где подача в суд документов в электронном виде успешно применяется с 2010 года [3]. Даже на этой стадии судопроизводства можно найти отличия между гражданским и арбитражным судопроизводством, так ГПК РФ не предусматривает размещения искового заявления на сайте суда в сети Интернет. В гражданском судопроизводстве предусмотрен следующий порядок: суд, принимая заявления к производству, выносит определение, в котором указывает на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства и устанавливает срок для представления сторонами в суд, рассматривающий дело, и направления друг другу доказательств и возражений относительно предъявленных требований. Так же, как и в арбитражном процессе, для представления доказательств, дополнительных документов, возражений по существу предъявленных требований установлены фиксированные минимальные сроки:

срок не менее пятнадцати дней со дня вынесения определения о принятии искового заявления к производству (или определения о переходе к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства) установлен для пред-

ставления доказательств и возражений относительно предъявленных требований; — не менее тридцати дней с момента вынесения указанных определений

для представления дополнительных документов, которые содержат объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции. [4] Такие документы не должны содержать ссылки на доказательства, которые не были представлены в течение установленного срока. Период между днями, когда истекает срок для представления доказательств и возражений и срока для представления иных документов, не может составлять менее пятнадцати дней. Также следует подчеркнуть, что исчисление сроков представления лицами, участвующими в деле, в суд и друг другу доказательств и документов осуществляется в судах общей юрисдикции в календарных днях. Таким образом, применительно к представлению в суд доказательств и иных документов по делу ГПК РФ устанавливает такие же особенности, что и АПК РФ.

Различия сводятся к следующему. Во-первых, в отличие от ГПК РФ, АПК РФ закрепляет обязанность ответчика направить и представить в арбитражный суд отзыв на исковое заявление с указанием возражений относительно предъявленных к нему требований по каждому доводу, содержащемуся в исковом заявлении. Во-вторых, ГПК не предусматривает размещение поступивших искового заявления и иных документов на официальном сайте суда в сети «Интернет». Вопрос о доступности информационных технологий для участников гражданского судопроизводства является крайне актуальным и имеет ряд недостатков. Применение информационных технологий на этой стадии процесса является несомненным преимуществом упрощенного производства в арбитражном процессе. Стороны могут ознакомиться со всеми вынесенным судом актами, процессуальными документами, представленными доказательствами в информационной системе суда организуются закрытый ресурс, куда выкладываются указанные материалы. Таким образом, у лиц, участвующих в деле, имеется доступная возможность знакомиться со всеми материалами дела. Наряду с указанными выше различиями, мы можем также говорить о следующее нововведение в гражданском процессе, неизвестного процессу арбитражному. Пунктом 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4918.04.2017 г. № 10 установлено, что при представлении в суд общей юрисдикции доказательств, документов и возражений лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление таких доказательств, документов, возражений другим участвующим в деле лицам. В случае непредставления в суд общей юрисдикции наряду с доказательствами, документами и возражениями документов, подтверждающих их направление другим участвующим в деле лицам, то такие доказательства, документы и возражения судом общей юрисдикции не принимаются и подлежат воз-

вращению, о чем выносится определение. Введение указанного правила продиктовано принципами состязательности, равноправия и добросовестности сторон в гражданском процессе.

Что касается рассмотрения дела по существу, отметим следующее. Рассмотрение дела осуществляется по представленным документам и доказательствам без вызова сторон, что, соответственно, позволяет существенно сократить временные и финансовые затраты лиц, участвующих в деле, тем самым достигаются цели упрощенного производства. Глава 21.1. ГПК РФ, в отличие от АПК РФ, не устанавливает специальных (сокращенных) сроков, в течение которого дело в порядке упрощенного производства должно быть рассмотрено по существу. Таким образом, применяются общие правила искового производства — дело в порядке упрощенного производства должно быть рассмотрено судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд (часть 1 статьи 154 ГПК РФ). В ГПК РФ не содержится указание на рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в судебном заседании. Отметим, что судебное заседание при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства не проводится, поскольку, как уже было сказано ранее, в этом отсутствует необходимость. Указанные положения были также разъяснены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 г. № 10. Суд осуществляет рассмотрение дела по представленным в установленные сроки документам и доказательствам, что позволяет сократить количество случаев несвоевременного представления доказательств. Известно, что на практике стороны часто злоупотребляют своими правами и затягивают судебное разбирательство по указанным категориям дел, и в связи с этим по общему правилу доказательства и документы, представленные до принятия решения по делу, но по истечении установленных судом сроков, не принимаются и не рассматриваются, за исключением случаев, когда сроки представления доказательств были пропущены по уважительным причинам.

Вместе с отмеченными положительными моментами имеются и случаи заимствования из арбитражного процессуального законодательства недостатков правового регулирования. Так, ГПК РФ заимствовал из АПК РФ правовой пробел, связанный с отсутствием срока вынесения судом решения после окончания представления сторонами дополнительных документов. На практике это приводит к тому, что стороны находятся в неопределенности относительно того, когда будет изготовлено решение. Единственным ограничением выступает общий срок рассмотрения дела. Но тут опять же возникает вопрос, почему в ГПК РФ не установлен срок рассмотрения? Причем, если в АПК РФ этот двухмесячный срок специ-

ально указан в ч. 2 ст. 226 Кодекса, то для гражданского процесса аналогичная норма отсутствует, и дополнительную неясность вносит разъяснения в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, которые, говоря об общем двухмесячном сроке, не учитывают сокращенный месячный срок рассмотрения гражданских дел мировыми судьями (ч. 1 ст. 154 ГПК РФ).

Двухмесячный срок рассмотрения дел в порядке упрощенного производства согласно ч. 2 ст. 226 АПК РФ является сокращенным по сравнению с обычным трехмесячным сроком рассмотрения дел арбитражным судом (ч. 1 ст. 152 АПК РФ). Способствуя оптимизации судопроизводства, это дополнительно ограничивает упрощенное производство от обычной исковой процессуальной формы. В гражданском процессе законодатель не нашел оснований для такой дифференциации, видимо, по той причине, что обычные сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел уже достаточно сжаты, особенно для дел, рассматриваемых мировыми судьями. Рассмотреть дело оперативнее с учетом сроков доставки судебных извещений было бы крайне затруднительно даже в порядке упрощенного судопроизводства [5]. Отчасти причиной тому является заметное технологическое отставание судов общей юрисдикции, исключающее полноценный электронный обмен документами между участниками упрощенного производства, позволяющий ускорить процесс, как это имеет место в арбитражном процессе.

Подводя итоги сравнительному анализу, можно сделать несколько выводов, что основные различия состоят в следующем:

- 1) во-первых, в специфике категорий дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства в гражданском процессе, с учетом того, что в отличие от арбитражного процесса в порядке упрощенного производства по ГПК РФ могут быть рассмотрены только дела искового производства;
- 2) во-вторых, в правилах, касающихся электронного документооборота;
- 3) в-третьих, в сроках рассмотрения дел в порядке упрощенного производства: ГПК РФ не устанавливает специального срока, в течение которого дело должно быть рассмотрено судом по существу.

Таким образом, Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 45-ФЗ был введен в ГПК РФ институт позволяющий рассматривать несложные дела в более ускоренном и удобном формате. При этом статистика рассмотренных судами общей юрисдикции дел в порядке упрощенного производства также свидетельствует о тенденции роста количества дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции в упрощенном порядке.

Литература:

1. Сивак, Н. В. Упрощенное производство в арбитражном процессе [Электронный ресурс]: монография. М., 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 43

2. Масаладжиу, Р.М. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессах: все ли сделано правильно?/Р.М. Масаладжиу.
3. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2010 г. № 228-ФЗ (ред. от 28.06.2014 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Электрон. дан. М., 2017. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
4. Рентунская, М.С. Упрощенное производство в арбитражном процессе: специальность 40.03.01 «юриспруденция»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук/Рентунская Маргарита Сергеевна; НИ ТГУ. — Томск, 2017. — 86 с. — Текст: непосредственный.
5. Табак, И.А. Влияние некоторых особенностей порядка, упрощенного производства на соблюдение процессуальных сроков рассмотрения и разрешения дела судами общей юрисдикции // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 9. с. 24-28.

Институциональные механизмы защиты персональных данных в правовой системе Европейского союза в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19

Киселева Арина Владимировна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает механизмы защиты персональных данных в правовой парадигме Европейского союза при чрезвычайной ситуации в области здравоохранения на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Ключевые слова: персональные данные, коронавирусная инфекция COVID-19, Европейский союз, GDPR, GDRP, защита персональных данных, GDRP.

На данный момент существует неоднозначность взглядов и отсутствие четкого консенсуса по теме наднациональности. На взгляд автора, а также ряда исследователей данной сферы, таких как В. Василенко, И. Кунц, П. Хэй, Г. Тункин, М. Королев, В. Муравьев, А. Шibaева, Л. Фалалеева, С. Михайлова, Д. Кулеба и др. [1], основываясь на структуре международной организации, а также ее политике и осуществляемой деятельности Европейский союз (далее — ЕС) является наднациональной международной организацией. ЕС является одной из самых влиятельных международных организаций и имеющей значительный вес на международной арене.

Отличительной чертой ЕС от других международных организаций является наличие собственной уникальной правовой системы, распространяющейся на государства члены, а также юридических и физических лиц данных государств и др.

Относительно сферы персональных данных в правовой системе ЕС существует принятый в 2016 году Общий регламент по защите персональных данных, в английской версии — General Data Protection Regulation (GDPR) [2]. Данный регламент, как было сказано выше, распространяется на государства члены Европейского союза, юридических и физических лиц Европейского союза, вдобавок к данному перечню согласно ст. 3 GDPR:

«Регламент применяется к обработке персональных данных субъектов данных, находящихся в Союзе, контролёром или процессором, не имеющими организационной

единицы в Союзе, если процессы обработки данных касаются:

(а) предложения товаров и услуг субъектам данных, находящимся в Союзе, независимо от того, требуется ли от них оплата, или нет, либо

(б) мониторинга их поведения, если такое поведение происходит в Союзе.

Регламент применяется к обработке персональных данных контролёром, не имеющим организационной единицы в Союзе, но имеющим организационную единицу в том месте, где, согласно международному публичному праву, действует законодательство государства-члена» [2].

Таким образом, регламент носит экстерриториальный характер и кроме резидентов ЕС распространяется на юридические лица стран, которые не входят в ЕС, но ведущие деятельность через постоянную структурную единицу в ЕС, а также неевропейские компании, которые предлагают свои товары и услуги резидентам ЕС или осуществляют мониторинг собственных клиентов на территории ЕС.

В соответствии с GDPR был учрежден независимый европейский орган, который способствует последовательному применению правил защиты данных во всем Европейском союзе и способствует сотрудничеству между органами защиты данных ЕС — Европейский совет по защите данных, в английской версии European Data Protection Board (EDPB) [3]. EDPB находится в Брюсселе.

EDPB состоит из представителей национальных органов ЕС по защите данных (национальных надзорных органов) и Европейского надзорного органа по защите данных — European Data Protection Supervisor (EDPS) [4]. У EDPB есть Секретариат, который обеспечивается EDPS. Меморандум о взаимопонимании определяет условия сотрудничества между EDPB и EDPS [5].

Миссией EDPB является обеспечение и последовательное применение в Европейском союзе Общего регламента по защите данных [2] и Директивы о правоприменении [6].

Основные задачи и обязанности EDPB выглядят следующим образом:

- предоставление общих указаний (включая руководства, рекомендации и лучшие практики) для разъяснения законодательства и содействия общему пониманию законов ЕС о защите данных;

- принятие заключений, адресованных Европейской комиссии или национальным надзорным органам:

- консультирование Европейской комиссии по любому вопросу, связанному с защитой персональных данных и новым предлагаемым законодательством в Европейском союзе (ст. 70 GDPR). В некоторых случаях выпускаются Совместные заключения вместе с EDPS (ст. 42 Регламента 2018/1725) [7];

- для обеспечения согласованности действий национальных надзорных органов по трансграничным вопросам (ст. 64 GDPR). Если органы власти не соблюдают мнение, выданное EDPB, принимается обязательное решение;

- принятие обязательных решений, адресованных национальным надзорным органам и направленных на урегулирование споров, возникающих между ними при сотрудничестве по применению GDPR, с целью обеспечения правильного и последовательного применения GDPR в отдельных случаях;

- продвигать и поддерживать сотрудничество между национальными надзорными органами [3].

EDPB не обеспечивает соблюдение законов ЕС о защите данных и не оказывает индивидуальных консультационных услуг. Важно обратить внимание, что за консультациями частным лицам или организациям нужно обращаться не в EDPB, а непосредственно в надзорный орган страны, в которой они находятся.

Помимо EDPB, как говорилось выше, существует Европейский надзорный орган по защите данных (EDPS). Европейский надзорный орган по защите данных (EDPS) является независимым органом ЕС по защите данных.

Миссия и непосредственно задачи EDPS выглядят так:

- контролировать и обеспечивать защиту личных данных и конфиденциальности, когда учреждения и органы ЕС обрабатывают личную информацию физических лиц;

- консультировать учреждения и органы ЕС по всем вопросам, связанным с обработкой персональных

данных, по запросу или по собственной инициативе. В частности, Европейская комиссия консультируется с EDPS по предложениям по законодательству, международным соглашениям, а также по выполнению и делегированию актов, влияющих на защиту данных и конфиденциальность;

- отслеживать новые технологии, которые могут повлиять на защиту личной информации;

- обращаться в Суд ЕС для предоставления экспертных консультаций по толкованию закона о защите данных;

- сотрудничать с национальными надзорными органами и другими надзорными органами для повышения согласованности в защите личной информации [4].

EDPS становится все более влиятельным независимым надзорным органом в Европейском Союзе, который в настоящее время возглавляется супервайзером (инспектор по защите данных, который назначается на 5 лет совместным решением Европейского парламента и Совета) и поддерживается офисом (секретариатом) опытных юристов, ИТ-специалистов и администраторов.

В компетенцию EDPS также входит:

- разработка и передача общего видения, мышления в глобальном масштабе и предложения конкретных рекомендаций и практических решений;

- предоставление рекомендаций по политике для решения новых и непредвиденных проблем в области защиты данных;

- работа на высшем уровне, развитие и поддержание эффективных отношений с разнообразным сообществом заинтересованных сторон в других учреждениях ЕС, государствах-членах, странах, не входящих в ЕС, и других национальных или международных организациях [4].

Однако, как говорилось в одной из статей автора (Конфиденциальность персональных данных в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19. «Право быть забытым», 2020 г. [8]), возрастающие международные угрозы вынуждают правительства разных стран прибегать к более жестким мерам обеспечения безопасности суверенитета своих государств, безопасности здоровья и благополучия граждан.

Несмотря на это в Европе конфиденциальность и защита данных считаются жизненно важными компонентами устойчивой демократии. В ЕС человеческое достоинство признано абсолютным фундаментальным правом. В этом понятии достоинства, неприкосновенности частной жизни или права на частную жизнь, быть автономным, контролировать информацию о себе, «быть забытым», играет ключевую роль. Конфиденциальность — это не только личное право, но и общественная ценность.

Исторически сложилось так, что в других частях мира, таких как США, неприкосновенность частной жизни часто рассматривалась как элемент свободы, право быть свободным от вторжений со стороны государства. Это

различие между Европой и другими частями мира относительно, поскольку это также элемент конфиденциальности в ЕС.

Конфиденциальность признана международным сообществом универсальным правом человека, а защита данных — нет — по крайней мере, пока.

На протяжении десятилетий ЕС придерживался высоких стандартов законодательства о защите данных. Закон дает людям право осуществлять определенные права на защиту данных и обязывает организации (государственного или частного сектора), которые обрабатывают их данные, соблюдать эти права.

В большинстве стран национальные органы по защите данных в английской версии — Data protection authority (DPA) или регулирующие органы были созданы для обеспечения защиты данных.

Для обеспечения эффективного соблюдения законов о защите данных DPA наделены полномочиями расследовать, обнаруживать и наказывать нарушения, а также обязаны повышать осведомленность о правах и обязанностях по защите данных в целом.

В ЕС эта эффективность усиливается требованием, чтобы DPA были независимы от какого-либо политического, правительственного или иного влияния.

Кроме того, хорошее сотрудничество между национальными органами о защите данных обеспечивает большую согласованность защиты данных в ЕС.

В ЕС требование о независимости DPA закреплено в законе: статья 16 (2) Договора о функционировании ЕС (TFEU) [9] и статья 8 (3) Хартии основных прав ЕС [10].

Расширение доступа к европейским базам данных, а также к коммерческим данным даже для мирных целей ставит под сомнение баланс между конфиденциальностью и безопасностью, особенно остро этот момент был затронут в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

Органы по защите данных в целом должны играть ключевую роль в обеспечении баланса между конфиденциальностью и другими интересами. К примеру, 1 мая 2017 года EDPS взяла на себя надзор за защитой данных Европола, органа ЕС, активно сотрудничающего с правоохранительными органами в борьбе с международной преступностью и терроризмом.

На 23-м пленарном заседании EDPB принял руководство по обработке медицинских данных в исследовательских целях в контексте вспышки COVID-19 и руководство по геолокации и другим инструментам отслеживания в контексте распространения COVID-19.

Руководство по обработке медицинских данных в исследовательских целях в контексте пандемии призвано пролить свет на наиболее актуальные правовые вопросы, касающиеся использования медицинских данных, такие как правовая основа обработки, дальнейшая обработка медицинских данных в целях научных исследований, реализация адекватных гарантий и осуществление прав субъектов данных.

В руководстве говорится, что GDPR содержит ряд положений, касающихся обработки медицинских данных в целях научных исследований, которые также применимы в контексте пандемии COVID-19, в частности, касающихся согласия и соответствующих национальных законодательств. GDPR предусматривает возможность обработки некоторых специальных категорий персональных данных, таких как данные о здоровье, если это необходимо для целей научных исследований.

Кроме того, в руководстве рассматриваются правовые вопросы, касающиеся международной передачи данных с использованием медицинских данных в исследовательских целях, связанных с борьбой против COVID-19, в частности, в отсутствие решения об адекватности или других соответствующих гарантий.

Андреа Елинек, председатель EDPB, сказала: «В настоящее время в борьбе с COVID-19 прилагаются большие исследовательские усилия. Исследователи надеются получить результаты как можно быстрее. GDPR не стоит на пути научных исследований, а позволяет законно обрабатывать медицинские данные с целью поиска вакцины или лечения COVID-19» [11].

Руководство по геолокации и другим средствам отслеживания в контексте пандемии COVID-19 направлено на разъяснение условий и принципов соразмерного использования данных о местоположении и средств отслеживания контактов для двух конкретных целей:

использование данных о местонахождении для поддержки мер реагирования на пандемию путем моделирования распространения вируса для оценки общей эффективности мер по содержанию животных;

использование отслеживания контактов, целью которого является оповещение лиц, которые могли находиться в непосредственной близости от человека, подтвержденного как носителя вируса для того, чтобы как можно раньше разорвать цепочки заражения.

EDPB поддерживает и подчеркивает позицию, выраженную в своем письме в Европейскую комиссию (14 апреля), согласно которой использование приложений для отслеживания контактов должно быть добровольным и не должно основываться на отслеживании индивидуальных перемещений, а скорее на информации о близости пользователей.

Доктор Елинек добавил: «Приложения никогда не смогут заменить медсестер и врачей. Хотя данные и технологии могут быть важными инструментами, мы должны помнить, что они имеют внутренние ограничения. Приложения могут лишь дополнить эффективность мер общественного здравоохранения и самоотверженность медицинских работников, которые необходимы для борьбы с COVID-19. В любом случае, люди не должны выбирать между эффективным реагированием на кризис и защитой основных прав» [11].

Кроме того, в качестве приложения к руководству EDPB принял руководство для приложений по отслеживанию контактов. Цель этого руководства заключа-

ется в предоставлении общих рекомендаций разработчикам и исполнителям приложений для отслеживания контактов, подчеркивая, что любая оценка должна проводиться в каждом конкретном случае.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на эффективные институциональные механизмы, регулирующие сферу защиты персональных данных, для сохранения персональных данных в период распро-

странения коронавирусной инфекции COVID-19 были в экстренном порядке сформулированы дополнения в виде руководств/сводов правил к существующим нормативно-правовым актам. По мнению автора, данная характеристика механизма является впечатляющей, т.к. была осуществлена быстрая и эффективная реакция на вызовы современного общества с учетом приоритета принципов и ценностей Европейского союза.

Литература:

1. Шпакович, О. Н. Наднациональность в праве международных организаций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nadnatsionalnost-v-prave-mezhhdunarodnyh-organizatsiy> (дата обращения: 21.11.2021).
2. Регламент N 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» // СПС «Консультант плюс» — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=60453#003767032763740463> (дата обращения: 21.11.2021).
3. Официальный сайт Европейского совета по защите данных (European Data Protection Board). — 2021. — URL: https://edpb.europa.eu/edpb_en (дата обращения: 22.11.2021).
4. Официальный сайт Европейского надзорного органа по защите данных (European Data Protection Supervisor). — 2021. — URL: https://edps.europa.eu/_en (дата обращения: 22.11.2021).
5. Меморандум о взаимопонимании // Официальный сайт Европейского совета по защите данных (European Data Protection Board). — URL: https://edpb.europa.eu/our-work-tools/our-documents/memorandum-understanding/memorandum-understanding_en (дата обращения: 22.11.2021).
6. Директива (ЕС) 2016/680 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. // Официальный сайт Европейского союза. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016L0680> (дата обращения: 22.11.2021).
7. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2018/1725 от 23 октября 2018 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных, осуществляемой учреждениями, органами, службами и агентствами Союза, и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Регламента (ЕС) 45/2001 и Решения 1247/2002/ЕС // Информационная правовая система ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/72759520/#ixzz7DEX8MRjy> (дата обращения: 25.11.2021).
8. Киселева, А. В. Конфиденциальность персональных данных в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19. «Право быть забытым» // Молодой ученый. — 2020. — № 51 (341). — с. 223-225. — URL: <https://moluch.ru/archive/341/76864/> (дата обращения: 21.11.2021).
9. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/С 202/01) // Информационная правовая система ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/71715364/> (дата обращения: 25.11.2021).
10. Хартия Европейского Союза об основных правах (Страсбург, 12 декабря 2007 г.) (2016/С 202/02) // Информационная правовая система ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/71672404/> (дата обращения: 24.11.2021).
11. European Data Protection Board — Twenty-third Plenary session: EDPB adopts further COVID-19 guidance // Официальный сайт Европейского совета по защите данных (European Data Protection Board). — URL: https://edpb.europa.eu/news/news/2020/european-data-protection-board-twenty-third-plenary-session-edpb-adopts-further_en (25.11.2021).

Международно-правовой механизм защиты и охраны Мирового океана от радиоактивных отходов

Колобаева Софья Сергеевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает механизм защиты и охраны мирового океана от радиоактивных отходов в парадигме международного права, а также анализирует существующий международно-правовой механизм и возможные пути его развития.

Ключевые слова: *окружающая среда, мировой океан, радиоактивные отходы, радиационная авария, МАГАТЭ, Лондонская конвенция.*

Каждый человек, прошедший пубертатный период, именно с этим возрастом автор сопоставляет развитие интеллектуальных способностей индивида, понимает, насколько опасны радиационные аварии и какие последствия эти аварии несут за собой. Хотя, на взгляд автора, несмотря на развитие науки и общества в целом, на данный момент нельзя посчитать весь урон, который несет за собой радиационная авария.

Данная статья будет посвящена именно этим авариям, однако она будет состоять не только из описание этих чрезвычайных случаев, урона от них и каких-либо предложений и предположений, а будет рассматривать, в первую очередь, с правовой точки зрения в узком направлении, а именно с мировым океаном.

Для начала, как и в любом исследовании необходимо сформулировать понятийный аппарат для лучшего анализа, а также для такого, чтобы читатель и автор мыслили в одном направлении без каких-либо неточностей.

И так что же такое радиационная авария? Согласно ст. 1 Федерального закона «О радиационной безопасности населения» от 09.01.1996 N 3-ФЗ: *«радиационная авария — потеря управления источником ионизирующего излучения, вызванная неисправностью оборудования, неправильными действиями работников (персонала), стихийными бедствиями или иными причинами, которые могли привести или привели к облучению людей выше установленных норм или к радиоактивному загрязнению окружающей среды»* [1].

А что тогда подразумевает под собой радиоактивные отходы? Согласно Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами принятой 5 сентября 1997, которая вступила в действие на территории Российской Федерации 19 апреля 2006 г.: *«радиоактивные отходы означают радиоактивный материал в газообразном, жидком или твердом состоянии, дальнейшее использование которого не предусматривается Договаривающейся стороной или физическим или юридическим лицом, чье решение признает Договаривающаяся сторона, и который контролируется в качестве радиоактивных отходов регулирующим органом в рамках законодательной и регулирующей основы Договаривающейся стороны»* [2].

Далее тогда вопрос, а что же понимается под мировым океаном? Согласно энциклопедии Кольера, *«мировой океан — это водная оболочка, покрывающая большую часть земной поверхности (четыре пятых в Южном полушарии и более трех пятых — в Северном). Хотя Мировой океан представляет собой единое целое, для удобства исследования отдельным его частям присвоены различные названия: Тихий, Атлантический, Индийский и Северный Ледовитый океаны. Наиболее крупные океаны — Тихий, Атлантический и Индийский»* [3].

И так ключевой понятийный аппарат найден и составлен, поэтому можно с легкостью начинать анализ существующих международно-правовых механизмов по защите мирового океана от радиоактивных отходов, но прежде, стоит отметить, что развитие норм права в этой сфере идет взаимосвязано с развитием самой сферы ядерной энергии.

С начала 1940-х до 1993 года хранение радиоактивных отходов на морском дне было обычной политикой многих государств в сфере отходов.

Начало так называемого «ядерного бума» произошло в 1942 году, т.е. именно в этот год произошла первая управляемая ядерная реакция. Эту первую управляемую реакцию обеспечивает Манхэттенский проект буквально в подвале в Чикаго, США. Это было предсказанием массового использования ядерной энергии.

1945 г. — в Лос-Аламосе испытывают первую атомную бомбу, США сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки.

1949 г. — Советский Союз испытывает свою первую атомную бомбу.

1952 г. — первая в мире водородная бомба испытывается на удаленном атолле в Тихом океане. Устройство ядерного синтеза в 500 раз мощнее атомных бомб, сброшенных на Хиросиму или Нагасаки [4].

Хронологию событий развития ядерной сферы можно продолжать вплоть до современности.

Однако проблемой регулярного использования этой энергии стали ее остающиеся отходы, которые в то время невозможно было использовать повторно. Поэтому страны, которые обладали производством ядерной энергии, решили хранить их в местах, где никто никогда не будет подвергаться опасности.

В тот момент было принято решение использовать морское дно, которое было выбрано главным образом по причине его геотермальной и физической устойчивости. Благодаря этому хранящиеся радиоактивные материалы остаются на своем месте до нынешних дней.

Первые радиоактивные отходы были размещены в герметичных бетонных бочках и затоплены на глубине около 500 метров рядом с побережьем Калифорнии [5].

В период с 1946 по 1993 гг. океанические вещества, такие как кобальт, стронций, цезий, железо, йод и углерод, которые прежде были обычной частью рентгеновского оборудования или же были остатками зданий и другими медицинскими отходами, поступали в океан.

Предметы и вещества, которые хранились в последнее столетие на дне океана, могут быть обозначены как радиоактивные отходы первого уровня или низкого уровня (LLW).

Отходы низкого уровня производят лишь очень слабое бета-гамма излучение и их радиоактивность представляет примерно 1% всего объема отходов, размещенных на морском дне [6]. Чем ниже радиоактивность конкретного элемента, тем больше требуется времени, чтобы он стал обычным отходом.

Наконец, сброс и захоронение радиоактивных отходов на морское дно стал, в конечном счете, предметом действующих международных правил в 1970-х, в частности, Лондонской конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, принятой в 1972 году, правила которой в настоящее время соблюдают 87 стран [7].

Бочки с отходами низкого уровня по-прежнему хранятся в более чем 50 местах по всему миру.

Часть их них можно обнаружить, например, на дне Тихого океана рядом с американскими штатами Калифорния и Аляска или в северных частях Атлантики, рядом с французским и британским побережьями [5].

В отношении растущей необходимости в защите окружающей среды, некоторые страны решили закрыть свои свалки ядерных отходов.

К ним относится, например, Россия, которая с помощью норвежских коллег решила ликвидировать свою свалку в Андском заливе рядом с Северным Ледовитым океаном и привести окружающую среду в ее исходное состояние [8].

Этот район считается одним из самых чистых на земле, поэтому любая угроза экологической катастрофы могла разрушить эту уникальную окружающую среду в арктическом регионе.

Напротив, радиоактивные обломки разрушенной японской атомной электростанции «Фукусима Даиши» планируется разместить в Тихом океане, куда в 2017 было сброшено приблизительно 770.000 тонн загрязненных вод [9].

Насколько велика опасность? До настоящего времени не было официально подтверждено, что радиоактивное излучение может исходить из этих мест и, таким образом,

отсутствует риск для людей, живущих поблизости от этих свалок.

Тем не менее, многие волнуются по поводу этого незаконного сброса в море, который держат под своим контролем различные мировые криминальные структуры.

Радиоактивные отходы незаконно разгружаются, в частности, на побережье Сомали, и служат причиной тяжелых проблем со здоровьем в окружающей местности [10].

Всемирный запрет является недостаточным для регулирования каждой отдельно взятой страны в течение нескольких лет. Поэтому конкретной стране необходимо составить долгосрочный план для снижения объемов своих радиоактивных отходов или соответствующих средств и знаний для их дальнейшей переработки.

Помимо существующей Лондонской конвенции в 1996 году был принят Протокол к ней, дополняющий её положения и призванный в конечном счёте заменить её [11].

Также стоит отметить, что в международно-правовой механизм по защите и охране мирового океана от радиоактивных отходов входит Международное агентство по атомной энергии.

Нормы безопасности МАГАТЭ предусматривают строгие механизмы регулирования в государствах-членах с целью ограничения выбросов радионуклидов и контроля любого радиологического воздействия на людей и окружающую среду.

Радионуклиды могут содержаться в выбросах в окружающую среду при использовании ядерных методов в медицине и науке; во время эксплуатации ядерных установок; и при добыче или обработке урановых руд, руд металлов, ископаемого топлива или фосфатов. Это имеет ключевое значение для ограничения выбросов радиоактивности в окружающую среду и обеспечения соблюдения установленных норм радиационной защиты.

В последние годы растет понимание уязвимости окружающей среды и необходимости ее защиты от воздействия промышленных загрязнителей, в том числе радиоактивных. В результате этого исторический антропоцентрический подход к радиационной защите, при котором предполагается, что защита человека автоматически распространяется также и на другие виды, уступил место более экологически ориентированной методологии, четко учитывающей воздействие радиоактивности на флору и фауну и ее потенциальное воздействие на природные ресурсы.

Новая и развивающаяся международная политика и правовые документы отражают это изменение точно так же, как нормы безопасности МАГАТЭ, установившие дополнительные цели охраны окружающей среды. Это привело к пересмотру нынешнего подхода к оценке и контролю воздействия радионуклидов. В частности, МАГАТЭ провело четкое рассмотрение возможного воздействия на нечеловеческие биологические виды в своем новейшем руководящем материале с учетом рекомендаций, разрабо-

таных Международной комиссией по радиологической защите, и в соответствии с работой, проводимой государствами — членами Агентства, активно действующими в этой области.

Нормы безопасности МАГАТЭ определяют критерии и процедуры для обеспечения защиты населения и охраны окружающей среды во время нормальной эксплуатации установок. В них также рассматриваются аварии и восстановительные мероприятия на территориях, пострадавших от аварий или загрязненных в результате нерегулируемой практической деятельности в прошлом. Агентство также распространяет практические руководящие материалы по осуществлению этих норм и, по запросам государств-членов, организует международную

помощь в поддержку восстановительных мероприятий [12].

Таким образом можно сделать вывод, что несмотря на существующий международно-правовой механизм по защите мирового океана от радиоактивных отходов, его все равно недостаточно, т.к. несмотря на существующий контроль данной сферы происходят неправомерные выбросы радиоактивных отходов.

Помимо международных правовых актов, на взгляд автора, в каждом государстве должна быть четко сформулирована политика по данному вопросу, а также создан специальный национальный механизм, продолжающий международный, регулирующий данную сферу, т.к. она является немаловажной для будущего поколения людей.

Литература:

1. Федеральный закон «О радиационной безопасности населения» от 09.01.1996 N 3-ФЗ // СПС Консультант-Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8797/ (дата обращения: 23.11.2021).
2. Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами от 05.09.1997 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901944128?section=text> (дата обращения: 23.11.2021).
3. Энциклопедия Кольера. — Москва. — 2021. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/1054 (дата обращения: 23.11.2021).
4. Timeline: The Nuclear Age // New Scientist. — URL: <https://www.newscientist.com/article/dn9955-timeline-the-nuclear-age/> (дата обращения: 23.11.2021).
5. Ocean disposal of radioactive waste: Status report // Features. — URL: <http://large.stanford.edu/courses/2017/ph241/jones-a2/docs/calmet.pdf> (дата обращения: 23.11.2021).
6. Radioactive Waste Management // WORLD NUCLEAR ASSOCIATION. — 2021. — URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/nuclear-wastes/radioactive-waste-management.aspx> (дата обращения: 23.11.2021).
7. Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов // Официальный сайт ООН. — 2021. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dumping.shtml (дата обращения: 23.11.2021).
8. Russia begins cleaning up the Soviets» top-secret nuclear waste dump // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/environment/2017/jul/02/russia-begins-cleaning-up-the-soviets-top-secret-nuclear-waste-dump> (дата обращения: 23.11.2021).
9. Fukushima»s Nuclear Waste Will Be Dumped Into the Ocean, Japanese Plant Owner Says // Newsweek. — URL: <https://www.newsweek.com/fukushima-nuclear-waste-dumped-ocean-japanese-protests-637108> (дата обращения: 23.11.2021).
10. Top 20 Countries That Are Used As Dumping Grounds Of The World»s Trash // E-TERRA TECHNOLOGIES. — URL: <https://www.eterra.com.ng/articles/top-20-countries-dumping-grounds-trash/> (дата обращения: 23.11.2021).
11. Протокол 1996 года об изменении Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года принят 7 ноября 1996 года // Официальный сайт ООН. — 2021. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol_sea_waste.shtml (дата обращения: 23.11.2021).
12. Обращение с радиоактивными отходами и отработавшим топливом. Выбросы в окружающую среду // Официальный сайт МАГАТЭ. — 2021. — URL: <https://www.iaea.org/ru/temy/vybrosy-v-okruzhayushchuyu-sredu> (дата обращения: 23.11.2021).
13. Water in the oceans also poses a risk of radioactive waste contamination in addition to pollution caused by plastics. What danger does it represent? // HYDROTECH. — 2021. — URL: <https://www.hydrotech-group.com/blog/water-in-the-oceans-also-poses-a-risk-of-radioactive-waste-contamination-in-addition-to-pollution-caused-by-plastics-what-danger-does-it-represent> (дата обращения: 23.11.2021).

Особенности саморегулирования оценочной деятельности

Кондрашова Алёна Александровна, студент;

Ухалова Алена Анатольевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье авторы рассматривают особенности деятельности саморегулируемых организаций оценщиков, требования, предъявляемые к их членству, а также специфику ответственности.

Ключевые слова: СРО, оценщики, требования, ответственность.

Саморегулированием признается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил такой деятельности, контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил. Отсюда следует вывод, что развитие в стране саморегулируемых организаций (— далее СРО) направлено на решение таких задач как сокращение административных барьеров на пути предпринимательства и изменение правового регулирования требований, правил, стандартов предпринимательской деятельности [3, с. 62].

Оценочная деятельность — одна из первых сфер предпринимательства, в которой была реализована модель саморегулирования. Появление саморегулирования в области оценки некоторые авторы считают альтернативой лицензированию, по той причине, что с 2006 г. лицензирование оценочной деятельности было отменено. Правовое регулирование СРО оценщиков основано на положениях ст. ст. 22-24.10 Федерального закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [1]. Согласно ч. 1 ст. 22 указанного закона саморегулируемой организацией оценщиков признается некоммерческая организация, созданная в целях регулирования оценочной деятельности и контроля за деятельностью своих членов в части соблюдения ими требований настоящего Федерального закона, федеральных стандартов оценки, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области оценочной деятельности, стандартов и правил оценочной деятельности, правил деловой и профессиональной этики, включенная в единый государственный реестр саморегулируемых организаций оценщиков и объединяющая на условиях членства оценщиков.

Для вступления в СРО оценщиков лицу необходимо предоставить: во-первых, документ об образовании и (или) о квалификации, подтверждающий получение профессиональных знаний в области оценочной деятельности, а во-вторых, справку об отсутствии неснятой или непогашенной судимости за преступления в сфере экономики. Перечень требований к членству СРО не является исчерпывающим, поскольку законодатель предоставляет право СРО устанавливать иные требования для ее членов. Здесь же стоит отметить, что оценщик одновременно может являться членом только одной СРО. Данная норма согласуется с общим положением ч. 4

ст. 5 Федерального закона от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О саморегулируемых организациях» [2].

Чтобы быть включенной в единый государственный реестр СРО оценщиков, должна также отвечать следующим критериям: 1) объединение в своем составе не менее 300 человек; 2) наличие компенсационного фонда, формируемого за счет членских взносов в денежной форме; 3) наличие организованную структуру с коллегиальным органом управления; 4) разработка стандарты и правила осуществления оценочной деятельности; 5) создание личного интернет-сайта.

Спецификой СРО оценщиков является также механизм ее взаимодействия с государством [4, с. 118]. Так, для взаимодействия СРО оценщиков с органами власти федерального, регионального и местного уровней, а также в целях выработки единых подходов к осуществлению оценочной деятельности образован Национальный Совет по оценочной деятельности. Деятельность Совета связана с обсуждением вопросов государственной политики в сфере оценки и выдвиганием инициатив, касающихся совершенствования правового и экономического регулирования деятельности оценщиков.

Вопрос ответственности субъектов оценочной деятельности является в полной мере неурегулированным и неразрешенным. Оценщики несут ответственность как перед СРО оценщиков, в которой они состоят, и перед заказчиками оценки. Основными видами ответственности оценщика являются гражданско-правовая, дисциплинарная, административная, уголовная.

Сущность гражданско-правовой ответственности СРО оценщиков заключается в компенсации оценщиком убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по договору на проведение оценки, и имущественного вреда, причиненного вследствие недостатков оказанных услуг по оценке объектов оценки. Интересен вопрос регулирования деятельности оценщиков, работающих по трудовому договору. Юридическое лицо, заключая договор с заказчиком на проведение оценки, возлагает на себя ответственность за нарушение данного договора. Оценщик же непосредственно производит оценку и фактически договорными отношениями связан только с юридическим лицом. Выходит, что ответственность оценщика даже перед заказчиком наступает из факта проведения оценки, то есть является внедоговорной, а контракт на проведение оценки есть смысл только для вероятного

принятия на себя юридическим личиком дополнительной ответственности по обещаниям оценщика.

Основанием для применения меры дисциплинарного воздействия в отношении оценщика в виде приостановления права осуществления оценочной деятельности является: неоднократное в течение двух месяцев нарушение членом СРО оценщиков требований закона, а также внутренних документов СРО оценщиков о представлении в СРО информации и документов, необходимых для проведения плановой или внеплановой проверки; непредставление в СРО оценщиков действующего договора обязательного страхования ответственности оценщика; применение повторно в течение одного года в отношении члена СРО оценщиков меры дисциплинарного воздействия с даты применения впервые меры дисциплинарного воздействия за нарушение им установленных требований; иные основания, предусмотренные внутренними документами СРО. [3, с. 109].

Административная ответственность действующим КоАП РФ не предусматривается, т.е. если в случае проведения проверки Росреестр обнаружит нарушения за-

конодательства, то оценщик будет привлечен к дисциплинарной ответственности СРО. Предполагается, что восполнение законодательного пробела относительно данной ситуации будет всесторонне благоприятствовать усовершенствованию качества оказываемых оценщиками услуг, значимость профессии оценщиков и оптимизированию самой оценочной деятельности.

В настоящем Уголовном кодексе не закреплена уголовная ответственность оценщика СРО в пределах осуществления им своей деятельности. Во всяком случае, уголовная ответственность может возникнуть по ст. 146 УК РФ, ст. 204 УК РФ, т.к. оценщик выступает субъектом предпринимательской деятельности. Вместе с тем, если оценщик выступает в суде в качестве эксперта, то он предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК.

Таким образом, в оценочной деятельности наблюдается повышение роли СРО. В настоящее время прослеживается значительное количество законодательных инициатив, некоторые из которых оцениваются как шаг вперед в развитии саморегулирование оценочной деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
2. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
3. Захарова, А. Э. Тенденции развития саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Проблемы развития саморегулируемых организаций в предпринимательской деятельности в Российской Федерации: сборник материалов круглого стола. 11 ноября 2019 года/Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»; отв. ред. и авт. предисловия А. Э. Захарова. Оренбург, 2019. 135 с.
4. Ершова, И. В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: единство и дифференциация: Монография/И. В. Ершова; Отв. ред. И. В. Ершова. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2019. — 256 с.
5. Кванина, В. В. Об ответственности оценщиков: закон и практика // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. № 2 (27). с. 111-115.

Содержание понятия «права и свободы человека» и критерии правомерности ограничений прав и свобод

Коновалов Алексей Валентинович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена содержанию понятия «права и свободы человека», а также основным критериям разграничения ограничений прав и свобод на правомерные и неправомерные. Помимо этого, в статье рассмотрены примеры, спорного с точки зрения правомерности, регулирования ограничений прав граждан и, в связи с этим, внесены предложения по усовершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: права и свободы, ограничения прав и свобод, умаление прав и свобод, критерии правомерности.

В России права и свободы человека провозглашены высшей ценностью, а их признание, соблюдение

и защита — обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ).

Приоритетность, базовый и определяющий характер для всей правовой системы государства института прав и свобод человека, включая личные, социально-экономические, политические, прямо закреплены в статье 18 Конституции РФ. Этой же статьей установлен непосредственный характер действия прав и свобод человека и их обеспечение правосудием.

Содержание понятий «права» и «свободы» излагается различными авторами исходя из их субъективных оценок данных категорий. Вместе с тем, оба понятия указывают на возможность личности совершать какие-либо действия и исходят из сущности прав человека как свойств (характеристик) правового статуса личности по отношению к государству, обществу и другим индивидам и выражающих степень его свободы (возможности и притязаний).

Лукашева Е. А. определяет права человека как нормативно структурированные свойства и особенности бытия личности, выражающие ее свободу, являющиеся неотъемлемыми и необходимыми способами и условиями ее жизни, ее взаимоотношений с обществом, государством, другими индивидами [1]. Румянцев О. Г. и Додонов В. Н. — как характеристику правового статуса человека по отношению к государству, его возможности и притязания в экономической, социальной, политической и культурной сферах [2, с. 245]. Ковалев А. А. — как высшую ценность человеческой цивилизации, показатель цивилизованности и демократичности, представляющую собой систему принципов, норм, правил и традиций взаимоотношений между людьми и государством, предоставляющей возможность индивиду действовать по своему усмотрению (свободы) и получать определенные материальные, духовные и иные блага (права) [3, с. 39-40].

Как видно из приведенных определений, права человека можно рассматривать как закрепленную законом и защищаемую государством возможность личности действовать (бездействовать) по своему усмотрению.

В свою очередь конституционная категория «свобода» обычно понимается как возможность поступать согласно волеизъявлению и выбирать средства достижения цели, защищенная от вмешательства в ее внутренние границы (свобода совести, мысли, передвижения, литературного, художественного и научного творчества и т. д.).

Д. Локк, раскрывая содержание понятия «свобода», помимо возможности личности следовать собственному желанию также, по сути, обращает внимание на независимость реализации данной возможности от властной воли других лиц [4, т. 1 ст. 259].

Б. А. Страшун также указывает на наличие корреспондирующей субъективному праву обязанности определенного субъекта и именно в этом видит отличие данного понятия от свободы, предполагающей прежде всего недопустимость её отрицания или ограничения. [5, с. 108]

Конституция РФ, используя понятия «право» и «свобода», не ставит между ними знак равенства. Само название главы 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина» указывает на не идентичность этих

понятий. Кроме того, при использовании первого понятия, очевидно, специально используется словосочетание «имеет право» (например, в соответствии со ст. 30 каждый имеет право на объединение), тем самым закрепляется признание государством возможности совершения личностью определенных действий. При использовании второго применяется словосочетание «гарантируется свобода» (например, той же статьей 30-й гарантируется свобода деятельности общественных объединений), тем самым подчеркиваются обязательства государства не вмешиваться в свободу усмотрения личности при реализации (воздержания от реализации) определенных действий и обеспечить невмешательство в неё иных лиц. Анализ статьи 30-й позволяет сделать вывод о том, что государство обязуется обеспечить возможность каждого на реализацию права объединения, а после реализации данного права фактически гарантируется не вмешательство в деятельность общественного объединения.

В связи с этим, представляется справедливой точка зрения о наличии у понятия «свобода» такой важной отличительной черты от позитивных прав как отсутствие потребности в каких-либо специальных механизмах реализации и достаточности невмешательства в них государства и обеспечения им защиты от вмешательства иных лиц. Иначе говоря, если «право» нуждается в содействии государства для его обеспечения и реализации, то «свобода», напротив, требует защиты от любого вмешательства в неё.

Исходя из определения прав и свобод как возможностей индивида действовать по своему усмотрению, их ограничение следует рассматривать как установленное законом уменьшение таких возможностей или пределов их реализации.

Вместе с тем, не всякое ограничение государством прав и свобод человека является правомерным. Для их разграничения на правомерные и неправомерные следует руководствоваться общими критериями, нашедшими свое отражение в национальном и международном праве, а также правоприменительной практике. Выделяют три основных критерия — цели, основания и принципы.

Международные правовые акты, устанавливая возможность ограничения прав и свобод, увязывают их с наличием правомерной цели. В качестве таковой выступают защита прав и свобод других лиц, моральных ценностей, поддержание общественного порядка и общего благосостояния, охрана государственной безопасности, здоровья, нравственности населения, государственная безопасность, территориальная целостность, защита репутации (п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, статьи 4, 12, 18, 19, 21, 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 8, 9, 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). В качестве основания введения ограничений международные правовые акты определяют закон.

В Конституции РФ использована общая формулировка, устанавливающая в качестве основания феде-

ральный закон, в качестве цели защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Определены пределы ограничений — в той мере в какой это необходимо для достижения вышеуказанных целей (ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 56).

Однако, такой общей формулировки недостаточно для правильной квалификации ограничений в качестве правомерных.

Так рассматривая вопрос приемлемости цели ограничения, необходимо отметить, что институт прав и свобод лежит в основе конституционного строя государства (демократии, многопартийности, народовластия и др.), является базовым институтом для всего законодательства, а сами права и свободы человека провозглашены высшей конституционной ценностью в РФ. С учетом этого, вполне логичным выглядит вывод о недопустимости ограничения прав и свобод в интересах защиты иных менее значимых общественных ценностей.

Таким образом, следует отметить, что правомерной целью ограничения конкретного права или свободы может служить исключительно угроза другим, более значимым правам и свободам. При этом несмотря на то, что Конституция РФ не расставляет приоритета одних прав перед другими, следует признать наличие между ними разницы по степени значимости для человека и общества (достаточно вспомнить их разграничение на абсолютные и относительные). Например, в условиях чрезвычайной ситуации, сопряженной с риском для жизни и здоровья людей, ни у кого не вызывает сомнений разумность и обоснованность ограничительных мер, направленных на устранение данной угрозы (запрет на проведение публичных мероприятий в условиях эпидемии, пандемии).

Возвращаясь к ч. 3 ст. 55 Конституции следует отметить, что, допуская в качестве правомерной цели защиту общих интересов, необходимо учитывать другую статью Конституции, декларирующую в качестве высшей ценности человека, его права и свободы (ст. 2). Вполне очевидно, что реализация властями ограничительных мер должна соотноситься со статьей второй Конституции РФ и не преследовать задач истинной, а не декларируемой, целью которых является умаление прав и свобод человека.

В этой связи нельзя не согласиться с В.В. Лапаевой, предлагающей рассматривать в качестве допустимой цели ограничений лишь те общие интересы, которые признаны необходимыми для защиты прав человека. [6]

Отдельно необходимо остановиться на правовых основаниях ограничений, т.е. на законе. Из практики Европейского Суда следует, что ограничительная мера должна быть основана прежде всего на национальном законодательстве и, при этом Европейский Суд относит к «закону» не только сами законы, но и подзаконные акты, регулятивные меры, принятые компетентными распорядительными органами и прецедентное право.

Показателен в этой связи подход российского законодателя по «правовой обвязке» ограничения конститу-

ционного права на труд в отношении отдельных групп граждан (например, вахтовых работников), не прошедших вакцинацию от новой коронавирусной инфекции COVID-19 (в целях защиты здоровья граждан). Так статья 76 Трудового кодекса РФ устанавливает обязанность работодателя отстранить от работы (не допускать к работе) работника в отдельных случаях, предусмотренных законом. Одним из таких случаев является отсутствие профилактических прививок. Профилактическая прививка против COVID-19 внесена в календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Правомочия на принятие решения о проведении профилактических прививок предоставлены в том числе главным государственным санитарным врачам субъектов РФ. Данное правомочие было реализовано во многих субъектах РФ, на территории которых соответствующими постановлениями была введена обязательная вакцинация по эпидемическим показаниям против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и лица, не прошедшие обязательную для них вакцинацию, отстраняются либо не допускаются к работе (ограничивается право на труд).

Переходя к принципам ограничений, следует отметить, что практика ЕСПЧ и Конституционного суда РФ выделяет в их числе следующие: необходимости в демократическом обществе; соразмерности ограничений их целям; минимальной достаточности.

Принцип необходимости означает настоятельную (острую) общественную потребность. Именно в таком толковании этот термин применяется ЕСПЧ, понимаемый как соответствие ограничения актуальной общественной необходимости в демократическом обществе. Как видно, ЕСПЧ увязывает оценку наличия острой общественной потребности в ограничении не с любым обществом, а исключительно с демократическим, т.е. ориентированным в первую очередь на интересы человека, признающим человека, его права и свободы высшей ценностью и создающим необходимые условия для их реализации.

Принцип соразмерности или пропорциональности предполагает ограничение прав и свобод ровно в той мере, в какой это необходимо для достижения правомерной цели. Очевидным является вывод, что никакая благая задача не позволяет законодателю использовать чрезмерные, не обусловленные конституционно признаваемыми целями ограничительные меры.

Принцип минимальной достаточности — означает, что при наличии возможности выбора между ограничениями для достижения преследуемой цели применению подлежат ограничения в наименьшей степени, сужающие объем прав.

Вышеперечисленные критерии ограничения прав и свобод в той или иной мере находят свое отражение в правоприменительной практике национальных судов и ЕСПЧ, в практике Конституционного суда. Так, в частности, в Постановлении от 30.10.2003 № 15-П обозна-

чены требования к пропорциональности, соразмерности и необходимости ограничений для защиты конституционно значимых ценностей, а также указывается на неприемлемость вторжения в существо конституционного права (запрет на ограничение пределов и применения основного содержания соответствующих конституционных норм). При этом правовая норма должна исключать возможность расширительного толкования и произвольного применения установленного ограничения и соответствовать требованиям формальной определенности, точности, четкости и ясности.

В другом своем постановлении от 1 февраля 2005 г. № 1-П Конституционный Суд фактически применил указанные критерии, подтвердив правомерность такого ограничения на объединение граждан в партию как установление государством требования к их численности. В числе которых упоминалась направленность на достижение ими законной цели, т. е. способность партий выполнять свои уставные задачи и функции именно в качестве общенациональных (общероссийских) политических партий.

Все вышеперечисленные критерии указывают на наличие у конституционного субъективного права не только внешних границ, но и внутренних, определяемых его существом (реальным содержанием), вторжение в пределы, которых неизбежно приведет к умалению его содержания и значимости, причем в отдельных случаях до такой степени, что можно говорить о фактическом отрицании права.

Важность правовой конкретизации пределов возможного вторжения властей в границы прав и свобод отметил судья Конституционного Суда Г.А. Гаджиев, указав последствия неопределенности в данном вопросе — наличие у законодателя возможности произвольно ограничивать то или иное основное право в любом объеме, выхолащивание его содержания. [7, с. 75]

Паршенко В.Н., рассматривая пределы ограничений субъективного конституционного права, определяет местоположение границы правомерных ограничений на основе степени вмешательства в содержание конституционного права. Данная граница определяется автором границами неприкосновенной части субъективного конституционного права — его ядра. Ядро рассматривается как сущность конституционного права и раскрывается через его цель. Уменьшение сущности недопустимо и, по этой причине сокращение прав допускается только лишь в их внешней по отношению к ядру части, т. е. без ущерба для содержания и значимости права. [8, с. 39-43]

В силу предлагаемой Паршенко В.Н. концепции граница ядра субъективного права, отделяющая его сущность от внешнего «ореола», является статичной и не может изменяться. Изменению, как указывает Паршенко В.Н., может подвергаться лишь внешняя часть, которая может расширяться вокруг ядра как ответ на потребности общества.

С учетом изложенного, на сегодняшний день можно говорить о сложившихся стандартах ограничений основных прав и свобод, которые, вместе с тем, не позволяют сделать вывод об их одинаковом толковании и применении. Различия в истолковании данных критериев официальными властями обусловлены спецификой политических систем, существующих в конкретных государствах, а также различным уровнем их социально-культурного и экономического развития.

Помимо используемой в статьях 55, 56 Конституции категории «ограничение прав», в самой Конституции и федеральных законах используются такие как «умаление прав», «отмена прав», «отрицание прав», «ущемление прав», хоть и близкие по значению, но имеющие принципиальное отличие по своей сути.

Так, если термин «ограничение» используется законодателем для обозначения как правомерных, так и неправомерных ограничений, то умаление, отмена, отрицание, ущемление — исключительно в негативном ключе для обозначения неправомерных ограничений. Например, статья 21 Конституции запрещает умаление достоинства личности, отдельно упоминая при этом формы такого умаления — пытки, насилие пр. В преамбуле ФКЗ «О референдуме РФ» совместно используются термины ограничение, отмена и умаление для обозначения неправомерных ограничений. Термин «ограничение» в его негативном значении используется в Федеральном законе «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ». В ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» помимо «умаления» используется ещё и термин «дискриминация» применительно к неправомерным ограничениям прав (статьи 45 и 58 соответственно).

Б.С. Эбзеев рассматривает «умаление» как уменьшение материального содержания основных прав, объема социальных, политических и иных благ, причитающихся их обладателю, минимизацию гарантий основных прав, как синоним произвольных, т. е. не отвечающих требованиям Конституции, ограничений прав и свобод. [9, с. 238]

В свою очередь В.В. Лапаева рассматривает «умаление» как уменьшение значимости и регулятивной роли прав и свобод для законодательства, утрату ими своей ценности для правовой системы. Умаление проявляется в принижении значения прав и свобод как критерия и регулятора, подчиняющего себе всю правовую систему, даже если ограничение права осуществляется в той мере, в какой это необходимо для защиты ценностей, перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции. [9, с. 20]

Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин также отмечает недопустимость введения ограничений, посягающих на само существо права, отграничивая тем самым правомерные ограничения прав и свобод от неправомерных (умаление, уничтожение прав и свобод). [11]

В.И. Крусс рассматривает ограничение модификацию права, не влекущую принципиального изменения его сущности, а «умаление» как воздействие, деформирующее сущность основных прав или свобод человека и гражданина. [12, с. 244]

Мысль о недопустимости посягательства на существо конституционного права, приводящее к утрате им своего реального содержания, нашла свое отражение в позиции Конституционного Суда, выраженной в Постановлении от 17.05.2021 № 19-П.

Таким образом, «умаление прав», как и синонимичное ему понятие «ущемление прав», являются одним из видов неправомерного ограничения прав, проявляющегося как в снижении «качественной характеристики» права — в уменьшении его значимости для текущего законодательства и принижении его критериального и регулятивного значения, так и одновременно в уменьшении его материального содержания. В свою очередь, используемое в Конституции РФ понятие «отрицание права» указывает на полную утрату правом своей значимости, обесценивание и девальвацию его содержания, а «отмена права» подразумевает под собой законодательное устранение права путем его прямой отмены.

С учетом изложенного, предлагается рассматривать в качестве правомерных такие ограничения прав и свобод, целью которых является защита более значимых для человека и общества прав и свобод, при условии соблюдения принципов соразмерности, минимальной достаточности, необходимости в демократическом обществе и законности. При этом, угроза, являющаяся причиной ограничения прав и свобод, должна быть явной, а основание ограничений (федеральный закон) должно соответствовать требованиям формальной определенности, точности, четкости и ясности, не допускающих его расширительного толкования. Ограничения, не соответствующие хотя бы одному из вышеперечисленных требований, нельзя признать правомерными.

В качестве примера не самого удачного правового регулирования ограничений прав граждан России можно рассмотреть установленный п. п. 1.1 ч. 2 ст. 5 ФЗ «О собраниях» запрет в течение определенного срока быть организатором публичного мероприятия лицам, совершившим ряд административных правонарушений, не связанных с нарушениями установленного порядка организации либо проведения собрания.

Сомнения Конституционного суда РФ, изложенные им в Постановлении от 14.02.2013 № 4-П, относительно возможности таких лиц организовать и провести мирное публичное мероприятие с соблюдением установленного законом порядка не кажутся достаточными для ограничения конституционного права данной категории граждан. Не выглядит убедительным вывод о невозможности организации и проведения публичных акций (например, митинга по вопросу повышения тарифов ЖКХ) лицом, неоднократно совершившим мелкое хулиганство. Тем более представляются избыточными ограничительные меры,

учитывая наличие у властей достаточных полномочий по контролю за организацией и проведением публичных акций, в том числе в результате присутствия на них уполномоченных представителей органа публичной власти и органа внутренних дел, с правом приостановки и прекращения мероприятия. В этой связи вряд ли можно говорить о наличии острой общественной необходимости во временном запрете указанным категориям гражданам осуществлять свое конституционное право на организацию мирных публичных акций.

Более сбалансированным представляется правовое регулирование данного вопроса в Федеральном законе Германии «О собраниях и шествиях» содержащем перечень лиц, которым запрещено свободно собираться и включающим в себя только тех лиц, которые используют свободу собраний для борьбы против основ свободного демократического строя, а также членов запрещенных организаций и партий, объявленных неконституционными.

С учетом изложенного, требуется исключение из подпункта 1.1 части 2 статьи 5 ФЗ «О собраниях» запрета быть организаторами публичных акций лицам, привлекавшимся к административной ответственности за действия, не повлекшие нарушение законодательства о публичных мероприятиях.

Кроме того для противодействия практики установления корпоративной солидарности в органах государственной власти, необходимо пересмотреть пункт 10 ч. 1 ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе РФ», а также аналогичные законоположения, закрепленные в других федеральных законах, ограничивающих реализацию государственными служащими права на публичные высказывания, суждения и оценки в отношении деятельности государственных органов, их руководителей.

В основу таких изменений, направленных на повышение открытости деятельности государственных органов, можно положить правовую позицию самого Конституционного суда РФ, указывающего на нераспространение рассматриваемого запрета на публичные высказывания государственных служащих, обусловленных необходимостью защиты публичных интересов, законности, конституционных прав и свобод граждан, иных конституционных ценностей, в тех случаях, когда у служащего имелись объективные основания полагать, что использование в этих целях иных установленных законом средств (отказ от исполнения неправомерных поручений, сообщение о коррупционных и других преступлениях, предложения о совершенствовании работы и т. п.), может быть недостаточным, безрезультатным или несоразмерно рискованным. Уточнение правовых норм в указанной части позволит исключить риск, обозначенный самим Конституционным судом в Постановлении от 30.06.2011 № 14-П, и выражающийся в создании и поддержании режима корпоративной солидарности работников государственного аппарата, исключающей доведение до граждан информации, имеющей важное публичное значение.

Рассмотренная проблематика правового регулирования ограничений прав и свобод, указывает на необходимость строгого следования всем вышеобозначенным критериям правомерности ограничений, целесообраз-

ность закрепления в законодательстве и судебной практике базового правила, в силу которого ограничение прав и свобод не может быть признано законным ни при каких обстоятельствах в случае нарушения любого из критериев.

Литература:

1. Права человека: Учебник/Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2015. с. 1.
2. Юридический энциклопедический словарь. — М., 1997. с. 245.
3. Ковалев, А. А. Международная защита прав человека: учебное пособие. М.: Статут, 2013. с. 39-40.
4. Локк Дж. Избранные философские произведения, М., 1960., Т. 1. с. 259.
5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран/Отв. ред. Б. А. Страшун. — М., 1996.
6. Лапаева, В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2006, № 4.
7. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2004. с. 75.
8. Паршенко, В. Н. Пределы ограничений субъективного конституционного права как основная гарантия сохранения его ядра // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. с. 39-43.
9. Эбзеев, Б. С. Введение в Конституцию РФ. М., 2012. с. 238.
10. Лапаева, В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. с. 20.
11. Зорькин, В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права, 2008, № 12.
12. Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. с. 244.

Институт присяжных заседателей как форма участия граждан в отправлении правосудия

Коротков Захар Алексеевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье исследуется предназначение института присяжных заседателей в отечественном уголовном судопроизводстве. Анализируются взгляды ученых-теоретиков относительно места суда присяжных в судебной системе. Формулируются некоторые уточнения относительно дефиниций, а также предлагаются изменения в действующий уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, судья, коллегия, правосудие.

Присяжные заседатели, а также суд с участием присяжных заседателей на протяжении уже длительного периода времени остаются поводами для научных дискуссий: имеются явные сторонники данного института, а также их ярые противники. На одной чаше весов — случайный человек, который выступает своеобразным судьей «от народа», то есть непрофессиональный судья, даже не имеющий юридического образования, но способный оценить степень вины подсудимого (или ее отсутствие) руководствуясь лишь чувством справедливости, своим житейским опытом и объективным взглядом на произошедшее. С другой стороны — профессиональный судья, единолично принимающий решение, который руководствуется исключительно буквой закона.

На граждан, которые включены в списки кандидатов в присяжные заседатели, возлагается большая ответ-

ственность, т.к. участие в судебных заседаниях в данном статусе — это гражданский долг перед своим государством и народом. Однако для включения в списки присяжных заседателей к гражданам предъявляется ряд требований для того, чтобы в коллегии присяжных заседателей были люди, на которых подсудимый, выбравший данный вариант судебного разбирательства, мог положиться, и чтобы принимаемое ими решение было объективно и обдуманно.

К суду присяжных можно прибегнуть только по волеизъявлению обвиняемого, и только в рамках, установленных законодательством. Причины обращения обвиняемых к суду присяжных, или иначе — «суду совести», «народному суду», «суду справедливости», как правило, сводятся к желанию получить, как максимум, оправдание, во что бы то ни стало, а как минимум — снисхождение,

используя в свою пользу оправдание психологическими или материальными обстоятельствами, подтолкнувших к совершению преступления.

Однако, несмотря на важность института суда присяжных, в классификации участники уголовного судопроизводства приведенной Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [1] (далее — УПК РФ) не упоминаются присяжные заседатели, о них лишь говорится в Главе 42 УПК РФ.

На сегодняшний день институт суда присяжных выступает одной из важнейших гарантий на участие народонаселения в отправлении правосудия. Согласно судебникам Ивана III и Ивана IV, в России наиболее сложные уголовные дела рассматривались исключительно выборными лицами — губными старостами и целовальниками. Последние представляли собой тех же присяжных заседателей, которые присягали, целуя крест. При Екатерине II такие дела рассматривались с участием заседателей — выборных от сословий. Поэтому суд присяжных вводился в России для замены суда с сословными представителями и широкого допуска народного элемента к судебной деятельности. В прежнем составе не было сторон обвинения и защиты, все состязание происходило между судьей и подсудимым.

Производство в суде присяжных — это состязание сторон при нейтральном судье, разрешающем возникший между сторонами спор.

В научной литературе имеется несколько мнений по поводу места присяжных заседателей в судебной системе. Так, А.Д. Попова считает, что суд с участием коллегии присяжных заседателей занимает одно из важнейших мест в судебной системе и является отображением духа демократии правосудия и справедливости принимаемых решений по уголовным делам. По ее убеждению, суд с участием коллегии присяжных заседателей имеет существенное влияние на работу, как самой судебной системы, так и органов предварительного следствия. Также, по мнению А.Д. Поповой, судебное разбирательство с участием коллегии присяжных заседателей может изменить общественное сознание и показать, что принимаемые судами решения законны и справедливы [3, с. 56].

Профессор В.А. Семенцов, исследуя коррупционные риски участия в отправлении правосудия присяжных заседателей, пришел к выводу, что необходимо активизировать разъяснительную работу с гражданами, включенными в предварительные списки присяжных заседателей, основанную на научных рекомендациях и соответствующих методических разработках, учитывающих специфику деятельности присяжных заседателей, а также включить в текст присяги формулировку, отражающую антикоррупционное поведение присяжного заседателя [5, с. 128].

Конечно, никто не застрахован от ошибок, но если привести сравнительный анализ, то нужно отметить следующее. В 2006 г. в России количество отмененных обвинительных приговоров, постановленных с участием

присяжных заседателей, составило 10,1%, а без их участия — 6,4%. Число отмененных оправдательных приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, составило 45,1%, без участия присяжных — 35,3%. Как усматривается из приведенного анализа, цифры соотносимы между собой.

За первую половину 2020 г. присяжные в райсудах оправдали 57 из 191 подсудимого. Доля в почти 30% превышает показатель аналогичного периода прошлого года — 21%, более того, она уже сейчас превзошла и общегодовую статистику — 25% оправдательных приговоров [2].

С учетом того что ранее был ликвидирован институт «народных заседателей», в целях повышения доверия общества к правосудию высшими государственными органами, а также Президентом РФ неоднократно поднимался вопрос о расширении компетенции данного института, поскольку только в связи с расширением количества составов преступлений, которые могут рассматриваться при участии присяжных заседателей, представляется возможным развитие данного института [4, с. 137]. В соответствии с требованиями Президента РФ и изменениями уголовно-процессуального законодательства, связанными с расширением применения данного института в уголовном процессе, статистика показывает действительно, что данный институт на практике становится более востребованным.

Отнесение присяжных заседателей непосредственно к суду, на наш взгляд не является оправданным, так как правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, т.е. вынести оправдательный или обвинительный приговор может только суд. Присяжные заседатели разрешают дело, отвечая на вопросы, которые ставит перед ними председательствующий. Коллегия присяжных заседателей имеет право на участие в судебном разбирательстве только по исчерпывающему перечню уголовных преступлений, указанных п. 2, 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ. К тому же, присяжные принимают участие в судебном разбирательстве только в случаях, когда подсудимый заявляет ходатайство о рассмотрении его дела с их участием.

Считаем несправедливым приравнять понятие «суд с участием присяжных заседателей» к понятию «суд присяжных заседателей», поскольку, помимо коллегии присяжных заседателей, в судебном разбирательстве участие принимает председательствующий судья. Таким образом, более точным, на наш взгляд, будет использование термина «суд с участием присяжных заседателей».

Вопрос о внесении присяжных заседателей в существующую классификацию участников уголовного судопроизводства, закрепленную УПК РФ, остается актуальным. Полагаем целесообразным и правильным принятие решения о выделении отдельной главы в УПК РФ, которая будет регламентировать процессуальный статус присяжных заседателей, в то время как Глава 42 УПК РФ, будет регламентировать сам порядок и процедуру судеб-

ного разбирательства по уголовным делам с участием присяжных заседателей.

Основная функция правосудия — справедливое принятие решения. Присяжные заседатели, являясь представителями нашего общества, оценивают конкретную ситуацию, прежде всего с жизненной позиции, совести и отношения к ней общества, если общество в лице при-

сяжных в той или иной ситуации благосклонно относится к деянию, то можно с уверенностью говорить о высокой роли присяжных заседателей в служении во благо общества. В связи с этим считаем необходимым юридически закрепить место и уголовно-процессуальный статус присяжных заседателей уголовного судопроизводства в УПК РФ.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Российская газета, N 249, 22.12.2001.
2. Опубликована статистика дел, рассмотренных судами присяжных // Независимая газета. 2020. 12 октября.
3. Попова, А. Д. Суд присяжных как атрибут демократического государства: история и современность // Российская юстиция. 2010. № 5.
4. Развейкина, Н. А. Может ли приговор суда присяжных быть несправедливым? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сб. науч. ст. Самара, 2008.
5. Семенцов, В. А. Коррупция и присяжные заседатели // Современное состояние противодействия коррупции в Российской Федерации: проблемы, опыт, перспективы: сб. межвед. науч.-практ. конф. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020.

Актуальные проблемы деятельности суда присяжных в современных условиях

Коротков Захар Алексеевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье исследуются проблемы деятельности суда присяжных в Российской Федерации. Анализируются негативные факторы, препятствующие формированию коллегии присяжных заседателей. Предлагаются некоторые решения, направленные на повышение эффективности формирования и деятельности коллегии присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд, присяжные заседатели, судья, коллегия, правосудие.

В связи с произошедшей реформой в изучаемой области присяжные заседатели стали чаще участвовать в рассмотрении дел судами, что еще раз подтверждает интерес к ним со стороны «установленных» участников уголовного процесса. Областные и приравненные к ним суды продолжают рассматривать порядка 230-250 дел в год, тогда как районные суды рассмотрели с участием присяжных заседателей в 2019 году больше 500 дел и вынесли решения относительно 625 подсудимых [3]. Мировая практика так же складывается из увеличения количества судебных заседаний с участием присяжных, они становятся неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, являясь гарантом справедливого правосудия.

Если обратиться к статистике Судебного департамента Верховного суда РФ за 2020 год, то можно обнаружить, что всего в России были осуждены 620 тыс. человек [4]. В то же время, согласно вышеприведенной статистике по суду присяжных, в 2019 году перед судом присяжных заседателей предстало 244 человека. Это приблизительно 0,039% от общего количества осужденных. Именно малое количество дел и незначительное влияние на российское судопроизводство является главной проблемой суда при-

сяжных, и эта проблема обусловлена тремя основными причинами:

Во-первых, суд с участием присяжных заседателей крайне дорогой институт, требующих как материальных, так и временных затрат.

Во-вторых, довольно широкий ценз и отсутствие строгих санкций за уклонение от участия в суде присяжных заседателей.

Но самой главной проблемой, по нашему мнению, является неурегулированность ответственности кандидатов в присяжные заседатели. Так, в соответствии со статьей 328 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — УПК РФ) кандидат в присяжные заседатели становится присяжным заседателем только в процессе подготовительной части судебного заседания. Если кандидат в присяжные заседатели просто не явится в суд, то наложить штраф на него не смогут, потому что согласно статье 333 УПК РФ денежному взысканию может быть подвергнут только сам присяжный заседатель.

В-третьих, само нежелание людей идти в суд в качестве присяжного заседателя. Уровень правовой культуры в нашей стране остается довольно низким. Люди не осоз-

нают, что участие в процессе присяжным заседателем их гражданская обязанность, которая дает возможность напрямую воздействовать на ход судопроизводства. Работодатели также не осознают, что их работник выполняет долг, который идет на пользу государству и суду, поэтому могут воздействовать на своих работников, чтобы последние не отрывались от своих рабочих обязанностей ради участия в суде присяжными заседателями.

В-пятых, существует проблема формирования коллегии присяжных заседателей. Бесспорно, это сложный процесс на всех уровнях, так как существует достаточно много требований, предъявляемых к будущим присяжным заседателям. Одним из проблемных аспектов является выявление среди лиц, претендующих на роль присяжных заседателей, тех, у которых уже имеются сформировавшиеся убеждения по тому или иному вопросу, поскольку это может стать препятствием к вынесению справедливого итогового вердикта.

Сложность проблемы усугубляется тем, что в процессе формирования коллегии присяжных заседателей принимают участие самые разнообразные субъекты, начиная от самого суда и заканчивая муниципальным образованием. У каждого из этих органов своя компетенция, правовой статус. В этой связи следует согласиться с М. А. Джабраиловым, который говорит о том, что для всех органов, участвующих в формировании коллегии присяжных заседателей, данная процедура является второстепенной (неосновной) в их деятельности, т. е. это не типичная для них функция [2, с. 41-45]. Так, например, аппарату суда приходится заниматься заполнением и направлением повесток присяжным, их анкетированием. С данным мнением сложно не согласиться. Действительно, процедура формирования коллегии присяжных заседателей несовершенна, имеет недостатки, которые могут отражаться также на основных направлениях деятельности органов, которые участвуют в формировании коллегии. Формирование списков отвлекает органы от основной деятельности, специалисты загружены, длительность процедуры и несогласованность в работе влекут за собой ошибки.

Из-за того, что кандидаты в присяжные заседатели должным образом не отбираются, учащаются случаи, когда они имеют судимость, страдают психическими расстройствами. На наш взгляд, следует создать специализированный орган, основная функция которого состояла бы в формировании коллегий присяжных, подборе кандидатов.

В-шестых, отсутствует общественный контроль за отбором кандидатов в присяжные заседатели, вследствие чего может возникнуть сомнение, что порядок случайного отбора действительно случайный, а не заранее определенный. В законодательстве какая-либо дополнительная информация о порядке формирования списков отсутствует. Нигде в законодательстве не закрепляются положения об открытости проводимой выборки.

В-седьмых, система анкетирования кандидатов в настоящее время несовершенна, в связи с чем возникают

проблемы, связанные с неполным исследованием кандидата. На наш взгляд, необходимо расширить перечень вопросов, добавить уточняющие вопросы про привлечение к уголовной ответственности не только кандидата, но и ближайших родственников, про профессию. Также целесообразно включить в анкету вопросы касающихся убеждений, личностных и семейных ценностей, опыта участия в судебных заседаниях как в качестве присяжного заседателя, так и в качестве свидетеля и потерпевшего.

Некоторые правоведы также видят решением проблемы квалифицированного отбора кандидатов привлечение экспертов в области психологии. Таким образом, можно более глубоко оценить личность кандидата, выявить, преследует ли он какие-то личные цели, выполняя функцию присяжного заседателя. Также возможно применение полиграфа в процессе отбора с целью выявления корыстной и личной заинтересованности кандидата в исходе дела.

В-восьмых, отсутствуют положения, связанные с конкретизацией оплаты труда присяжных заседателей, сроков оплаты их труда. Очевидно, что порядок выплаты вознаграждения, как и сроки оплаты за труд присяжных законом не определены. Кроме того, отмечается, что нормы трудового законодательства не предусматривают обязанность работодателя сохранять за работником на период исполнения обязанностей присяжного заседателя его заработок, и обязанность по обеспечению работника соответствующей компенсацией законом возложена на госорганы. В этой связи ситуация с затягиванием процесса выплаты присяжным заседателям вознаграждения может повлечь существенное нарушение их конституционного права на получение справедливого вознаграждения за труд.

В-девятых, актуальной проблемой остается неявка присяжного заседателя в суд для участия в судебном процессе. Статьей 333 УПК РФ установлено, что присяжный, в случае неявки, может быть подвергнут денежному взысканию, однако это не решает проблему, связанную с его ответственностью, поскольку вышеуказанная мера не может в полной мере стимулировать «присяжного-уклониста» обеспечить явку на судебное заседание, так как присяжный-заседатель может быть привлечен к данной форме ответственности только после принятия присяги и приобретения статуса присяжного заседателя.

Таким образом, основной проблемой в созыве и формировании коллегий присяжных заседателей является тот факт, что граждане не особо стремятся «сотрудничать» с правоохранительными органами и судами. Это можно объяснить, в первую очередь, некоторыми сложившимися особенностями российского менталитета. Во-вторых, потенциальные «судьи из народа» относятся к предложению кого-то судить, признавать виновным и выносить приговор, очень настороженно. Безусловно, если кандидату в присяжные пришла повестка для участия в судебном разбирательстве, он может ее просто проигнорировать, так как ответственности за неявку на подготовительное заседание законом не предусмотрено.

Стоит согласиться с тем, что в настоящее время данный вид деятельности определяется как право граждан, и в большей степени как гражданский долг тех, кто включен в список присяжных заседателей и не является обязанностью.

Добиться высокого уровня правосознания российских граждан возможно разъясняя населению, в том числе и через средства массовой информации, о значимости роли суда присяжных заседателей в общей системе правосудия и искоренением в их сознании отрицательных представлений о судебной системе в целом.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Российская газета, N 249, 22.12.2001.
2. Джабраилов, М. А. Проблемы совершенствования механизма формирования коллегии присяжных заседателей // Российский следователь. 2012. № 22.
3. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году. М., 2020. № 8.
4. Суды с участием присяжных заседателей в 2018-2019 годах. (статистическая справка // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: <http://fparf.ru> (дата обращения: 28.11.2021).
5. Шабанов, К. Д. Суд с участием присяжных заседателей в современной России: история, проблематика и дальнейшие перспективы/К. Д. Шабанов. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-s-uchastiem-prisyazhnyh-zasedateley-v-sovremennoy-rossii-istoriya-problematika-i-dalneyshie-perspektivy> (дата обращения: 29.11.2021).

Требования к профессиональным качествам судьи в Российской Федерации

Коротков Захар Алексеевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье исследуются особенности профессиональных качеств, предъявляемых к кандидатам на должность судьи. Высказывается позиция о необходимости отнесения к обязательным профессиональным требованиям к судье наличие таких качеств как честность, неподкупность и беспристрастность.

Ключевые слова: суд, судья, правосудие, качества, независимость, справедливость, честность.

Наиболее важным в любом правовом государстве является совершенствование конституционных механизмов по защите основных прав и свобод граждан. Исходя из значения ст. 123 Конституции РФ [1], состоятельность судопроизводства закреплена, как один из базовых принципов, который отражен в любом процессуальном законе РФ. Аналогичное положение дублируется в ст. 15 Уголовного-процессуального кодекса РФ [2] (далее — УПК РФ).

Деятельность судебных органов находится под пристальным вниманием общества и государства. Судебная власть рассматривается в контексте ее тесного слияния с правом и государством; она выполняет важнейшие социально-значимые задачи: осуществления правосудия; выполнения правозащитной функции; функции судебного контроля; восстановительной, превентивной, нормотворческой и многих других функций. Судебная власть — это эффективный уравновешивающий институт между законодательной и исполнительной властью, способный обеспечить укрепление российского конституционализма и конституционной законности.

Институт правосудия такой же древний, как и само государство. Судьи и суды возникли в связи с тем, что общество не совершенно и не идеально, в нем возникают различного рода конфликты, которые требуют справедливого разрешения. Поэтому арбитром в разрешении споров и стали судьи. Точной даты появления судей в исторических источниках не зафиксировано, однако основываясь на положениях отдельных документов можно связать это историческое событие с первым десятилетием XI века.

Деятельность судьи имеет особое, специфическое значение, так как они обеспечивают действие права, строгое и неукоснительное соблюдение норм действующего законодательства.

Судья, осуществляя правосудие, выступает субъектом заключительного этапа правоприменения. Судья оценивает фактические действия субъектов правоотношений на предмет соответствия их действующему законодательству. Поэтому на сегодняшний день основное предназначение судьи представляется возможным охарактеризовать как уяснение содержания норм, закрепленных в определенных правовых источниках, на основании чего

формируется позиция суда по определенному конфликту или спору.

Таким образом, становится очевидно, что судья, являясь гарантом справедливого решения по делу, должен обладать определенной совокупностью профессиональных качеств, способных сформировать не только объективный взгляд на предмет разбирательства, но обеспечить его справедливость, честность и неподкупность.

В этой связи мы считаем, что профессиональные требования, которыми должен обладать судья, необходимо разграничить по двум категориям: официальные, то есть те, которые определены в законе (касаются возраста, гражданства, образования и прочих критериев, необходимых для назначения на должность судьи) и неофициальные, к которым следует отнести моральные-нравственные качества.

В соответствии со ст. 4 ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» [3] к кандидатам на должность судьи предъявляются следующие общие требования:

- 1) наличие высшего юридического образования;
- 2) отсутствие действующей или снятой судимости;
- 3) отсутствие иностранного гражданства (подданства);
- 4) полная недееспособность;
- 5) отсутствие постановки на учет в наркологическом или психоневрологическом диспансере;
- 6) отсутствие заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи;
- 7) отсутствие статуса «подозреваемый» или «обвиняемый».

К кандидатам на должности судьи в КС РФ, ВС РФ, АС РФ предъявляются дополнительные требования по возрасту и стажу работы.

В США к кандидатам на должности судей предъявляются высокие требования в профессиональном плане — длительный опыт работы в качестве адвоката [5, с. 215].

Эффективным инструментом повышения авторитета судебной власти явилось бы увеличение доли выходцев из адвокатуры. Судебные кресла должны занимать как можно больше лица из адвокатского сообщества, а не только сотрудники самой судебной системы. С такой инициативой выступили члены бизнес сообщества под названием «Столыпинский клуб». Причём «адвокатская» и «прокурорская» квота должна быть не меньше 50% от общего числа назначаемых судей. Правда, такой планки предполагается достичь только к 2025 году [4].

В настоящее время преимущественное «право» на отбор из списка кандидатов в судьи «предоставляется» чиновникам, имеющим опыт работы в судебном аппарате, по следующим причинам:

- 1) знание основ судебного делопроизводства;
- 2) владение первичными навыками работы с типовыми судебными делами;
- 3) знание кадровой политики и самих кадровых работников суда, с чем не знаком человек «с улицы».

Другими словами, человек, имеющий опыт работы в аппарате суда, в более половины случаев решений ККС будет

выбран из общего числа кандидатов, так как он уже имеет первичный опыт работы в судебной системе, а, значит, как минимум, дисциплинирован и, как максимум, ориентирован на работу в иерархизированной госструктуре, также здесь действует фактор «кумовства», когда члены и председатель Коллегии выбирают в судьи «своих» и «системных» кадров. Ими же опыт работы кандидата, например, а адвокатуре, скорее рассматривается как противопоказание к получению рекомендации, вызванное наличием у адвоката «нежелательных» связей, приобретенных в процессе профессиональной деятельности, что может вызвать уязвимость такого кандидата при работе судьей к «давлению» со стороны. Тогда, как одним из ключевых звеньев юридической профессии и всей системы правосудия, наряду с прокурорским составом, является и профессия адвоката.

Что касается среднего возраста кандидатов на должность судьи, то он находится в диапазоне 26-59 лет, а большинство соискателей на рассматриваемую позицию в возрасте до 42 лет (90% кандидатов) [4].

В качестве негативных факторов в отборе на должность судьи необходимо отметить два:

- 1) игнорирование членами и председателем ККС уровня и качества профессиональных знаний кандидатов;
- 2) применение экзаменационного фильтра к кандидату только накануне назначения на должность.

Далее, коснёмся вопроса о неформальных требованиях, предъявляемых к кандидату на должность судьи.

В процессе отбора кандидатов на должность судьи привлеченные специалисты пытаются определить уровень правосознания, дисциплинированность, добросовестность, преданность профессии, и, конечно же, честность, совестливость и устойчивость нравственных установок.

Что касается зарубежного опыта, то во многих странах понятия «добропорядочность» и «честность» отождествляются, а как критерии отбора судей проявляются в интересных инструментах.

Например, в разных частях Великобритании существуют детально регламентированные процедуры. На определенных этапах оценки добропорядочности применяются такие методики, как анализ объективности данных аппликационной формы; проверка отсутствия уголовных производств, штрафов, налоговых задолженностей; запросы профессиональным организациям; проведение интервьюирования по конфликту интересов.

При изучении научных исследований на предмет выявления семантических составляющих термина «честность» мы пришли к выводу, что практически во всех работах в области права этот термин употребляется в качестве проходной, имеющей априорное значение дефиниции.

Если бы в законодательстве хотя бы одной страны были определены объективные критерии честности, не было бы тех объемов коррумпированности, которая воспринимается мировой общественностью как угроза номер один. Тем более с учетом особого российского менталитета в отношении многокомпонентных этических понятий «душа», «сознание», «сущность», «честность».

Можно предложить следующие процедуры, для перехода критерия честности для судьи из неформального в категорию обязательных качеств:

— апробировать полученные результаты с помощью кандидатов на должность судьи и действующих судей для закрепления соответствующих положений в Кодексе судейской этики;

— разработать методические указания с четким алгоритмом действий в случае получения подарка от третьих лиц, включая подарки в натуральной форме;

— использовать положительный опыт других стран по предварительному обучению кандидатов на должность судей (например, Казахстан, Белоруссия, Франция), внести необходимые изменения в профессиональные образовательные стандарты;

— нормативно урегулировать процедуру обязательного проведения в отношении кандидатов в судьи проверочных мероприятий. Такие мероприятия позволят

выявить наличие или отсутствие у кандидата в судьи порочащих гражданина поступков.

В заключение данной статьи отметим, что на сегодняшний день сформировался типичный профессиональный профиль кандидата на должность судьи в России: специалист средних лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж службы в правоохранительных органах, дающий право на пенсию, а также небольшой стаж работы в судебном аппарате. Нисколько не возражая против «омоложения» судейского корпуса считаем необходимым дополнить перечень профессиональных качеств, предъявляемых к судье, морально-этическими требованиями (неподкупность, честность, беспристрастность). Однако, следует учитывать, что процесс выявления морально-этических качеств у кандидатов на должность судьи невозможен без участия специалистов, владеющих методиками в области психологии и педагогики, поэтому важно при работе с кандидатами вовлекать специалистов из разных областей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Российская газета, N 249, 22.12.2001.
3. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 05.04.2021) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская юстиция, N 11, 1995.
4. Адвокатов заставляют становиться судьями. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://chelovek-zakon.ru/2017/03/03/hot/advokatov-zastavlyayut-stanovitsya-sudyami/> (дата обращения: 27.11.2021).
5. Чиркин, В. Е. Конституционное право зарубежных стран. Учебник / В. Е. Чиркин. М.: Юрист, 1997.
6. Серков, К. Э. Проблема бюрократизации профессионального отбора в судьи / К. Э. Серков. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-byurokratizatsii-professionalnogo-otbora-v-sudi> (дата обращения: 29.11.2021).

Регулирование предпринимательской деятельности в США

Кравцова Ольга Игоревна, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Правительство США установило множество бизнес-правил для защиты прав работников, защиты окружающей среды и привлечения корпораций к ответственности за объем власти, которой они обладают в этом обществе, ориентированном на бизнес. Некоторые из этих правил выделяются более значимо, чем другие, из-за их актуальности для каждого сотрудника и потребителя в США.

Правительство регулирует деятельность предприятий в пяти основных областях: реклама, труд, воздействие на окружающую среду, конфиденциальность, здоровье и безопасность.

Одним из основных направлений регулирования предпринимательской деятельности для защиты прав потре-

бителей правительство осуществляет через рекламные ограничения.

Законы, касающиеся маркетинга и рекламы, принятые Федеральной торговой комиссией, существуют для защиты потребителей и обеспечения честности компаний в отношении своей продукции. Каждый бизнес в стране обязан соблюдать законы о правдивой рекламе и может столкнуться с судебными исками за нарушение.

Законы о правдивой рекламе состоят из десятков лаконичных кусочков в соответствии с тремя основными требованиями: реклама в Соединенных Штатах должна быть правдивой и не вводить в заблуждение; компании должны иметь возможность в любое время подтвердить

утверждения, содержащиеся в рекламе; и реклама должна быть справедливой по отношению к конкурентам и потребителям. Кроме того, в соответствии с Законом о справедливой упаковке и маркировке 1966 года, все этикетки продуктов должны содержать информацию о продукте, такую как содержание, размер, а также информацию о распространении и производстве.

Правительство так же следит за правопорядком и соблюдением всех законов в сфере занятости и охране труда.

К числу постоянно меняющихся нормативных актов в бизнесе относятся законы о занятости. Эти законы касаются минимальной заработной платы, льгот, соблюдения техники безопасности и гигиены труда, работы для граждан, не являющихся гражданами США, условий труда, занятости с равными возможностями и правил конфиденциальности и охватывают самую большую область вопросов всех бизнес — правил. Несколько правил найма выделяются среди других как наиболее жесткие.

Закон о справедливых трудовых стандартах 1938 года, применяемый Отделом заработной платы и рабочего времени, все еще действует сегодня, и последний раз обновлялся в 2017 году. Она охватывает установление национальной минимальной заработной платы, сверхурочную работу, ведение учета и законы о детском труде, которые охватывают работников частного сектора, а также федеральных органов власти, органов власти штатов и местных органов власти.

Закон об обеспечении пенсионного дохода сотрудников гарантирует, что сотрудники получают варианты пенсионного плана и льготы по медицинскому обслуживанию, на которые они имеют право как штатные сотрудники. Существует также несколько обязательных льгот, включая страхование по безработице, страхование компенсаций работникам и помощь в области социального обеспечения работников.

Закон об иммиграции и гражданстве гарантирует, что только граждане США и физические лица, имеющие рабочие визы, могут быть приняты на работу, и каждое предприятие должно хранить в файле I-9 формы соответствия требованиям для соответствующих сотрудников.

Воздействие бизнеса на окружающую среду

Углеродный след и влияние бизнеса на окружающую среду регулируются Агентством по охране окружающей среды наряду с государственными органами. Агентство по охране окружающей среды обеспечивает соблюдение природоохранных законов, принятых федеральным правительством, с помощью образовательных ресурсов, частых проверок и подотчетности местных агентств.

Руководство по оказанию помощи в соблюдении экологических требований существует для того, чтобы помочь предприятиям, как малым, так и крупным, добиться

соблюдения экологических требований и служит скорее учебным ресурсом, чем органом принуждения.

Правительство тщательно следит за соблюдением установленных мер безопасности и защитой конфиденциальности, которые также выступают регулятором предпринимательской деятельности.

Конфиденциальная информация обычно собирается от сотрудников и клиентов во время найма и деловых операций, и законы о конфиденциальности запрещают компаниям свободно раскрывать эту информацию. Собранная информация может включать номер социального страхования, адрес, имя, состояние здоровья, номера кредитных карт и банков, а также личную историю. Мало того, что существуют различные законы, запрещающие компаниям распространять эту информацию, но люди могут подавать в суд на компании за разглашение конфиденциальной информации.

Федеральная комиссия по торговле отслеживает деловую практику и взимает или штрафует компании, которые нарушают обещания о конфиденциальности, данные ими потребителям. Например, когда компания обещает не использовать свою информацию иными способами, чем указано, или делится своей частной информацией без согласия, или отслеживает привычки клиентов в Интернете, на мобильных устройствах и/или по телевидению, не сообщая им об этом заранее, Федеральная Торговая Комиссия публично обвиняет их в таких правонарушениях, взимает огромные штрафы и пытается извлечь бизнес от неэтичной практики.

Безопасность и здоровье человека выступает одним из главных принципов правительства в регулировании предпринимательской деятельности.

Закон о безопасности и гигиене труда 1970 года гарантирует, что работодатели обеспечивают безопасные и санитарные условия труда с помощью частых проверок и шкалы оценок. Компания должна соответствовать определенным стандартам, чтобы оставаться в бизнесе. Этот регламент часто менялся на протяжении многих лет наряду с изменением санитарных норм и стандартов на рабочих местах.

В соответствии с законом 1970 года работодатели должны обеспечивать безопасные рабочие места, избегая физического вреда и смерти работников с помощью ряда процедур.

Три организации осуществляют надзор за охраной труда и безопасностью на рабочем месте:

- Управление по охране труда и гигиене труда (OSHA)
- Управление по безопасности и гигиене труда на шахтах (MSHA)
- Разделение заработной платы и рабочего времени (правила для детей сотрудников младше 18 лет).

Литература:

1. Супян, В. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития/В. Супян. —: Весь мир, 2018. — 424 с. — Текст: непосредственный.

2. Шумилов, В.М. Правовая система США. Учебное пособие/В.М. Шумилов, Т.Ф. Акчуринов. —: Международные отношения, 2019. — 624 с. — Текст: непосредственный.
3. Административное право Соединенных Штатов Америки. — Текст: электронный // Книга: Административное право Соединенных Штатов Америки: [сайт]. — URL: <https://uristinfo.net/adminpravo/68-ankozyrin-adminpravo-zarubezhnyh-stran/1319-glava-1-administrativnoe-pravo-soedinennyh-shtatov-ameriki.pdf?attempt=1> (дата обращения: 23.11.2021).
4. Пять направлений государственного регулирования бизнеса. — Текст: электронный // realexits.com: [сайт]. — URL: <https://ru.realexits.com/1579-five-areas-of-government-regulation-of-business> (дата обращения: 27.11.2021).

Государственная регистрация перехода права собственности на недвижимое имущество

Кульбако Юлия Юрьевна, студент магистратуры

Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В настоящее время актуальность изучения вопросов, связанных с гражданско-правовым институтом сделок, обусловлена их массовостью в современной общественной жизни, а также его регулярным реформированием в российском гражданском законодательстве. В статье исследованы основные проблемы, возникающие при заключении договора купли-продажи жилого помещения. Рассмотрены аспекты, касающиеся обязательной государственной регистрации права собственности на объект недвижимости.

Ключевые слова: договор купли-продажи жилое помещение, государственная регистрация, переход права собственности, исполнение договора купли-продажи.

Создание необходимых условий для устойчивого развития экономических отношений является одной из основных функций государства. Оказывая воздействие на экономику, государство обеспечивает соблюдение установленных законных прав и свобод человека и гражданина путем формирования необходимых условий для их осуществления, создает гарантии реализации таких прав и свобод в будущем, обеспечивает защиту нарушенных прав и свобод.

В связи со значительной ролью имущества в жизни современного общества, отношения, связанные с перераспределением недвижимого имущества, а именно различного рода сделки, такой как купля-продажа недвижимого имущества, в частности жилого помещения, регламентированы законодательством. Специфике вещных прав на недвижимость законодателем уделяется достаточно внимания, но, несмотря на это, в тех или иных случаях возникают проблемы правоприменения, обусловленные постоянным изменением норм, регулирующих данные отношения [5 ст. 25-30]. Учитывая то, что количество сделок с недвижимым имуществом стремительно растет, обеспечение безопасности сделок с недвижимостью и потребностей совершенствования процедуры государственной регистрации не теряет своей актуальности.

Так, А. В. Доманова отмечает, что сложность и обширность законодательства в сфере государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество требует тщательного его изучения, выявления проблем и их устранения [4, с. 74-77].

Безусловно, отсутствие стабильности и прозрачности рынка недвижимости повышает риск несения убытков участниками оборота недвижимости, что приводит к стремительному росту мошеннических и криминальных схем при продаже квартир, земельных участков и прочей недвижимости.

Неотъемлемым в конструкции перехода права собственности на недвижимость по договору купли-продажи является государственная регистрация [6, с. 96-98].

Гражданским законодательством определена норма о том, что права, закрепляющие принадлежность объекта гражданских прав определенному лицу, ограничения таких прав и обременения имущества (права на имущество) подлежат государственной регистрации (ст. 8.1 ГК РФ).

Итак, отношения, связанные с государственной регистрацией права собственности, регулирует Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ), который, прежде всего, устанавливает основания и процедуру государственной регистрации прав на недвижимость.

В силу п. 3 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ законодатель определяет под государственной регистрацией права на недвижимое имущество и сделок с ним юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества (государственная регистрация прав) [3].

По общему правилу в соответствии с п. 1 ст. 223 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) право собственности у приобретателя вещи по договору возникает с момента ее передачи, если иное не предусмотрено законом или договором [1]. Это правило действует в отношении движимых вещей. Переход права собственности на недвижимое имущество имеет свои особенности. Согласно п. 2 ст. 253 ГК РФ в случаях, когда отчуждение имущества подлежит государственной регистрации, право собственности у приобретателя возникает с момента такой регистрации, если иное не установлено законом [1].

Исходя из положений п. 1 ст. 131 ГК РФ право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней. Регистрации подлежат: право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования, ипотека, сервитуты, а также иные права в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными законами [1].

Из указанных норм следует, что для возникновения права собственности на жилое помещение у покупателя необходимо несколько юридических фактов: наличие самого договора купли-продажи жилого помещения, государственная регистрация перехода права собственности. При этом возникает вопрос, как соотносятся между собой эти понятия, и какое значение имеет каждый из этих юридических фактов для перехода права собственности на недвижимое имущество. Прежде всего, вопросы возникают, в связи с тем, что в законодательстве нет достаточной четкой регламентации в нормативной конструкции приобретения права собственности на недвижимое имущество, о чем свидетельствует правоприменительная практика.

Исходя из положений, предусмотренных п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 года № 10/22, регулирующего некоторые вопросы, возникающие в судебной практике при разрешении споров, возникающих с защитой права собственности и других вещных прав, следует, что иск покупателя о государственной регистрации перехода права подлежит удовлетворению при условии исполнения обязательства продавца по передаче имущества. При этом законодатель нам дает разъяснения, что, когда договором

продажи недвижимости предусмотрено, что переход права собственности не зависит от исполнения обязанности продавца передать соответствующий объект, сохранение продавцом владения этим имуществом не является препятствием для удовлетворения иска покупателя о государственной регистрации перехода права [7]. Следовательно, указанные обстоятельства подтверждают необходимость понимания реализации осуществления перехода права собственности на недвижимое имущество.

В соответствии с п. 1 ст. 551 ГК РФ переход права собственности на недвижимость по договору продажи недвижимости к покупателю подлежит государственной регистрации [2].

Согласно п. 2 ст. 558 ГК РФ договор продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации [2].

По смыслу указанной нормы требование о государственной регистрации договора распространяется только на договор купли-продажи такого жилого помещения, которое в момент заключения договора принадлежит на праве собственности продавцу и это право зарегистрировано в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП). Если сторонами заключен договор купли-продажи будущего жилого помещения (п. 2 ст. 455 ГК РФ), то этот договор не подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента его подписания сторонами. Отказ органа по регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в государственной регистрации перехода права собственности на жилое помещение от продавца к покупателю по данному договору со ссылкой на то, что договор купли-продажи будущего жилого помещения не был зарегистрирован, не соответствует закону [8].

Таким образом, при анализе норм правовых актов, регулирующих государственную регистрацию права на недвижимое имущество, следует, что государственная регистрация прав на недвижимое имущество направлена в первую очередь на это установление стабильности гражданского оборота и на обеспечение защиты имущественного права каждого участника гражданского оборота. При этом институту передачи недвижимого имущества и переходу прав на него есть, куда развиваться, а именно, необходимо более детально урегулировать положения, касающиеся различной формы передачи прав на недвижимое имущество. Надеемся, что в ближайшем будущем, аспекты, вызывающие затруднения, будут устранены или урегулированы более детально.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс]: [федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; в ред. от 28.06.2021; с изм. от 08.07.2021] // СПС «Консультант+». — Последнее обновление 22.09.2021.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс]: [федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ; в ред. от 28.06.2021; с изм. от 08.07.2021] // СПС «Консультант+». — Последнее обновление 22.09.2021.

3. О государственной регистрации недвижимости [Электронный ресурс]: [федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ: в ред. от 02.07.2021; с изм. и доп., вступ. в силу 01.09.2021] // СПС «Консультант+». — Последнее обновление 22.09.2021.
4. Доманова, А. В. Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования права собственности на недвижимое имущество/А. В. Доманова // Молодой ученый. — 2020. — № 47. — с. 74-77.
5. Дурягин, Д. С. Правовое значение государственной регистрации перехода прав на недвижимое имущество/Д. С. Дурягин // Устойчивое развитие науки и образования. — 2021. — № 4 (55). — с. 25-30.
6. Костенко, Е. В. Современные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним/Е. В. Костенко // Молодой ученый. — 2021. — № 11 (353). — с. 96-98.
7. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав [Электронный ресурс]: [постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010: ред. от 23.06.2015] // СПС «Консультант+». — Последнее обновление 20.09.2021.
8. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора [Электронный ресурс]: [постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49] // СПС «Консультант+». — Последнее обновление 20.09.2021.

Административно-правовой статус государственных служащих

Лепяхина Ирина Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с формированием и установлением правового положения (статуса) государственных служащих. Автором анализируются актуальные проблемы в данной сфере.

Ключевые слова: государство, государственный гражданский служащий, власть, закон, ответственность, право, обязанности, коррупция.

Administrative and legal status of civil servants

Lepakhina Irina Sergeevna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the consideration of issues related to the formation and establishment of the legal status (status) of civil servants. The author analyzes the current problems in this area.

Keywords: state, state civil servant, power, law, responsibility, law, duties, corruption.

...Государственный аппарат проявляет себя лишь в деятельности своих служащих, а без них он остается общей схемой и мертвой конструкцией [1].

Граждане России имеют право на равный доступ к государственной службе. Это является конституционным правом, которое может быть реализовано ими при поступлении на государственную службу и ее прохождении в соответствии с действующим законодательством [5].

Базовым документом, устанавливающим общие (единые) правовые и организационные основы для всех видов государственной службы, является Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации».

Совокупность прав, обязанностей, ограничений и запретов в процессе несения государственными служащими государственной службы — составляющие ад-

министративно-правового статуса государственных служащих.

С. И. Ожегов определяет службу как работу, занятия служащего, а также место его работы. Соответственно, служащий — «это лицо, работающее по найму в различных областях умственного труда, а служить — значит нести, исполнять службу; делать что-нибудь для кого-нибудь, выполнять чью-нибудь волю, приказание, направлять свою деятельность на чью-либо пользу» [6].

Процесс труда служащего регулируется не только профессионально-технологическими правилами, но и нормами социальных взаимоотношений. Наличие правовых

отношений в самом процессе труда служащего является характерной особенностью и обязательным элементом всей его трудовой деятельности. Статус служащего обязывает его вступать в социальные, в том числе правовые, отношения с теми субъектами, которым он служит или которых обслуживает [5].

Государственная служба потому является государственной, что это не только административно-бюрократический элемент государственного аппарата, а прежде всего социальный институт публично-правового регулирования. При такой модели для госслужащего главным является добросовестное и самоотверженное служение людям, качественное «осуществление целей и функций государства посредством практического исполнения должностных обязанностей и правомочий в государственном аппарате» [7].

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» определяет государственную гражданскую службу Российской Федерации как вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации (включая нахождение в кадровом резерве и другие случаи).

Государственным служащим как субъектам административного права принадлежит важнейшая роль в решении таких задач, как управление экономической, социально-культурной и административно-политической сферами, укрепление российской государственности и реформирование общества на основах демократии и права. Происходящие в стране преобразования во всех сферах жизни общества и государства породили новые

требования, предъявляемые к государственным служащим [8].

По сути, государственный служащий — личность публичная, его деятельность носит общественно значимый характер.

Законодательством Российской Федерации определен ряд принципиальных условий — запретов и ограничений, которые необходимо будет соблюдать, став государственным гражданским служащим. Требования в этом плане у государства многочисленные, причем вне зависимости от занимаемой должности.

На современном этапе все больше и больше можно услышать о проявлении коррупционных проявлениях со стороны государственной власти несмотря на проводимую работу государственных органов, направленную на противодействие коррупции. Причем проблема коррупции и противодействия ей в последнее время актуализировалась как в мире, так и в России.

Деятельность органов исполнительной власти в большей степени по сравнению с другими органами власти подвержена коррупции, так как здесь сконцентрировано оперативное управление финансовыми, информационными, материально-техническими, экономическими, кадровыми и иными ресурсами [9].

Совершение действий коррупционной направленности отдельными государственным служащими — проявление отсутствия чувства ответственности за несение государственной гражданской службы, отсутствия понимания ее особенностей, важности и меры вины за несоблюдение требований и ограничений, установленных государством.

Власть была, есть и будет неужодна для народа, как бы ни старался обычный, рядовой государственный служащий, который во благо народа предпринимает все зависящие от него меры.

Однако, тот же народ, судя по поступкам отдельных личностей, несущих государственную гражданскую службу, делает вывод о недобросовестности всей государственной власти.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
4. Попов, Л. Л., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации: учебник/отв. ред. Л. Л. Попов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: РГ-Пресс, 2019. 544 с.
5. Конин, Н. М. Административное право России. Общая и Особенная части: Курс лекций. М.: Юрист, 2004.
6. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997.
7. Атаманчук, Г. В. Сущность государственной службы. М., 2002.
8. Административное право (Овсянко Д. М., 2005)
9. Просандеева, Н. В. Противодействие коррупции: социально-философский аспект // Российская юстиция, 2013.

Проблемы определения правового статуса арбитражного управляющего

Лобазова Илария Александровна, студент;

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В работе проанализированы основные подходы к пониманию правового статуса арбитражного управляющего, выявлены недостатки рассматриваемых теорий, сформулирован собственный вывод.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, теория.

Арбитражный управляющий является значимой фигурой в процедуре банкротства. Он является составной частью механизма несостоятельности (банкротства). Поэтому определение правового статуса арбитражного управляющего имеет большое значение, как в теории, так и в практике.

Правовой основой регулирования института арбитражного управляющего являются положения, закрепленные в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Так, согласно статье 20 Федерального закона № 127, арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих [1]. Однако на основании положений указанного закона не представляется возможным сделать однозначный вывод о правовом статусе арбитражного управляющего. И в юридической науке данный вопрос является проблемным, поскольку не сложилось единого понимания правового статуса арбитражного управляющего. В настоящее время в теории выделяют несколько различных подходов к пониманию его правового статуса. Существующие подходы нуждаются в тщательном анализе, поскольку каждая теория имеет определенные достоинства и недостатки.

Первая теория — это теория представительства. Она является достаточно распространенной. Согласно данной теории, арбитражный управляющий выступает в качестве представителя. При этом мнения о том в качестве представителя, какой из сторон выступает арбитражный управляющий, также различаются. Так, по мнению М. Телюкиной наиболее адекватной формой правоотношений между должником и арбитражным управляющим является институт представительства. Управляющий при этом рассматривается как законный представитель должника, который презюмируется добросовестным [2]. Некоторые авторы рассматривают арбитражного управляющего как представителя кредиторов, или одновременно должника и кредиторов.

Многие авторы подвергают данную теорию критике. Так, например, доктор юридических наук, профессор В.Ф. Попондуло считает, что арбитражный управляющий никого не представляет (ни должника, ни кредиторов, ни суд), он действует от своего имени в пределах полномочий, прав и обязанностей, определенных за-

коном [3, с. 97]. А Шишмарева Т. П. в обоснование своей позиции отмечает, что арбитражный управляющий действует не только в интересах должника, но и в интересах кредиторов должника, а также в публичных интересах. Кроме того, внешний и конкурсный управляющие иногда действуют от своего имени, что не является характерным для института представительства, а иногда от имени должника [4, с. 38].

Также в научной литературе можно встретить теорию доверительного управления, которую поддерживают такие ученые-правоведы, как В.Ф. Попондуло, В.А. Дозорцев, А.А. Мохов. В соответствии с рассматриваемой теорией между должником и арбитражным управляющим возникают отношения доверительного управления. Но, на наш взгляд, данная теория справедливо подвергается критике. Согласно абзацу 2 пункту 2 статьи 1026 ГК РФ [5] договор доверительного управления может возникнуть в силу закона, в случаях прямого указания на лицо, осуществляющее функции учредителя управления. Однако, в Федеральном законе № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ нет такого указания, и в ГК РФ тоже. Кроме того, различаются и цели у доверительного управляющего и арбитражного управляющего. Главная цель арбитражного управления — это удовлетворение за счет имущества требований кредиторов, а не извлечение дохода от имущества как при доверительном управлении.

Также следует обратить внимание и на то, что в случае банкротства учредителя доверительного управления (гражданина-предпринимателя) договор прекращается (абзац 7 пункт 1 статья 1024 ГК), поскольку имущество банкрота передается в конкурсную массу (пункт 2 статьи 1018 ГК). В противном случае было бы логично утверждать, что доверительное управление «перетекает» в арбитражное управление, к которому присоединяются новые кредиторы.

Интересной точки зрения придерживается В.И. Белых. Он считает, что права арбитражного управляющего «можно отнести к ограниченным вещным правам [6, с. 130]. Однако данная позиция не встретила сторонников. Арбитражный управляющий, осуществляя свои полномочия, действует не в своем, а в чужом интересе, что не присуще вещно-правовым отношениям. Кроме того, неясно, к какому виду ограниченного вещного права можно было бы отнести право внешнего и конкур-

ного управляющего на имущество неплатежеспособного или несостоятельного должника.

Еще одна теория, которую выделяют в юридической науке — теория трудового договора. Так, арбитражный управляющий признается работником, заключившим трудовой договор. Как и ранее рассмотренные теории, данная теория не лишена недостатков. Арбитражный управляющий не является работником суда, не заключает трудовой договор с должником, действует самостоятельно, а не по заданию работодателя, что при сути трудовым отношениям, его деятельность не является трудовой функцией, она гораздо сложнее. Таким образом, данные аргументы позволяют сделать вывод о том, что отношения между должником и арбитражным управляющим не следует рассматривать как трудовые. В практике арбитражных судов также поддерживается данная точка зрения. Например, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2018 № Ф05–4461/2016 по делу № А40–175373/2009 отмечено, что вознаграждение арбитражного управляющего, в свою очередь, не регулируется нормами трудового права [7].

В пункте 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» разъяснено, что правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего носит частноправовой встречный характер.

По мнению ряда авторов, таких как Е.В. Богданов, Ю.Б. Тай арбитражный управляющий выполняет пу-

бличные функции. То есть он — лицо, назначаемое судом от имени государства и контролируемое государством посредством суда, следовательно его по своему правовому положению следует приравнять к должностному лицу. По данному вопросу следует согласиться с мнением судьи Л.А. Крыжской, что «осветив правовые аспекты правового положения арбитражного управляющего и государственного служащего, можно найти больше отличий в их статусе, нежели схожих моментов» [8, с. 32].

Кроме указанных выше теорий некоторые авторы предлагают свои особые точки зрения по данному вопросу. Например, Т.П. Шишмарева, критикуя вышеизложенные точки зрения, предлагает рассматривать правовой статус в зависимости от стадии процедуры банкротства. А Е.Г. Дорохина считает, что арбитражный управляющий по своей сути является субъектом привилегированных профессий, наряду с адвокатами, нотариусами, аудиторами, выполняющих особые социально значимые функции и не преследующие цели извлечения прибыли [9, с. 68].

Таким образом, единого подхода к пониманию правового статуса не сложилось. На наш взгляд, из вышерассмотренных теорий нельзя выделить какую-либо одну. Каждая из них имеет определенные недостатки и вполне обоснованно подвергается критике, что подтверждается и судебной практикой. Но, несмотря на все различные подходы, следует отметить, что арбитражный управляющий имеет особый правовой статус и обладает специфическими правами и обязанностями.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 28 октября 2002 г. — № 43. — Ст. 4190.
2. Телюкина, М. Полномочия конкурсного управляющего и теоретические проблемы определения его статуса // Юридический мир. 1999. № 1-2. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 22.11.2021 г)
3. Попондопуло, В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебное пособие. М., 2001. С
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. ст. 410.
5. Шишмарева, Т.П. Правовой статус управляющих в процедурах несостоятельности в России и Германии // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 7. с. 38
6. Белоликов, А. Фигура арбитражного управляющего // Право и экономика. 2004. № 12.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2018 № Ф05–4461/2016 по делу № А40–175373/2009// [Электронный ресурс]. — Доступ из официального сайта Арбитражного суда Московского округа (дата обращения 22.11.2021 г)
8. Крыжская, Л.А. Является ли арбитражный управляющий государственным чиновником? // Арбитражный управляющий. 2011. № 6.
9. Дорохина, Е.Г. Проблемы предпринимательской деятельности арбитражного управляющего. Правоведение. 2004. № 1.

Особенности расторжения договора купли-продажи недвижимости

Лычагин Владислав Игоревич, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

Расторжение договора — это частный случай (наиболее распространенный) прекращения договора. При этом следует иметь в виду, что в ГК РФ прекращение действия договора может быть выражено понятиями: «расторжение договора» (п. 2 ст. 450 и др.) и «отказ от договора» (п. 1 ст. 699) [1]. В подавляющем большинстве случаев эти термины рассматриваются как синонимы.

Расторжение договора продажи недвижимости представляет собой полное прекращение действия соглашения и завершение правоотношений между сторонами. Однако одного лишь желания участника договора для его расторжения недостаточно. Это можно сделать либо при взаимном согласии покупателя и продавца, либо же в судебном порядке.

Расторжение договорных отношений возможно в том случае, если нарушения были допущены в части исполнения сторонами условий, а сам договор удовлетворяет всем требованиям закона. Если в договоре имеются существенные нарушения, и он не отвечает установленным нормам, он будет считаться недействительным. Это довольно важный момент, особенно при предъявлении иска в суд, в части определения требований.

На практике стороны сделки редко приходят к взаимной договоренности в отношении ее расторжения. Если условия договора уже выполнены, требовать что-либо друг от друга стороны не могут, если иное не предусмотрено положениями сделки либо законодательными нормами. Например, если продавец получит аванс, после чего передаст квартиру в пользование покупателя, но оставшаяся часть суммы так и не будет перечислена, договор можно будет расторгнуть через суд. При этом закон не обяжет продавца возвращать аванс недобросовестному покупателю.

Ситуация с аннулированием договора, объектом которого выступает недвижимость, осложняется тем, что после проведения регистрации сделки, недвижимое имущество переходит в полное распоряжение покупателя. Соответственно, моментом заключения договора считается не его подписание, а регистрация.

Просто вернуть все исполненное по договору в прежнее состояние не получится. Потребуется либо достичь взаимного согласия, либо передать вопрос расторжения сделки в суд. Для обоих случаев потребуется составление соответствующих документов.

Следует учитывать, что результат рассмотрения дела в судебном порядке не всегда будет положительным, и стороны получают обратно все исполненное по договору. Например, покупателю вернется оплата, а продавец обратно получит проданный объект недвижимости.

Пока сделка с недвижимостью не пройдет установленную законом окончательную процедуру регистрации, переход права собственности будет считаться незавершенным.

При незарегистрированной сделке ее расторжение обычно не вызывает больших трудностей и стороны могут самостоятельно провести процедуру.

Продавец и покупатель должны успеть подать в единый реестр соглашение, из которого видно их обоюдное волеизъявление, касающееся расторжения договора. Документ должен быть подан до окончания завершения регистрации документов и замены собственника объекта недвижимости.

Если заключение сделки осуществлялось с привлечением нотариуса или агентства по недвижимости, то стороны должны уведомить их о своем намерении.

Если одна из сторон будет против расторжения договора, это может служить поводом для передачи вопроса на рассмотрение в суд. Обязательным условием будет являться получение письменного подтверждения об отказе второй стороны.

Если договор прошел требуемую процедуру регистрации, то прекратить его действие можно по следующим основаниям:

- одна из сторон сделки изъявит желание о прекращении действия договора;
- договор расторгается в судебном порядке;
- стороны придут к обоюдному согласию расторгнуть договор.

Если стороны достигли согласия, то вариантом расторжения договора может служить составление «обратного» документа, по которому покупатель встанет на место продавца, а продавец, соответственно, на место покупателя. По собственному усмотрению стороны могут заключить соглашение о расторжении сделки.

Какой бы вариант расторжения сделки стороны ни выбрали, он должен быть оформлен в письменном виде и пройти регистрацию в соответствующей инстанции. При совершении одностороннего отказа от сделки необходимо достичь со второй стороной досудебного урегулирования вопроса, путем отправления ей письменного предложения об отмене договора.

По правилам, установленным действующим законодательством РФ, покупатель обязан при приобретении любого вида имущества осуществлять за него оплату денежных средств. Обязательным условием является документальное подтверждение передачи денежной суммы, оговоренной сторонами. Как правило, в качестве подтверждающего документа выступает расписка.

Если покупатель отказывается произвести оплату по договору, продавец имеет право отказаться от заключения сделки либо требовать ее расторжения. Если имущество было передано покупателю, а оплата с его стороны не поступила, продавец имеет право обратиться в суд.

Судом может быть принято одно из следующих решений:

- сделка будет расторгнута, переданное по договору имущество возвращается продавцу;
- сделка будет считаться законной, на покупателя возлагается обязанность оплатить требуемую сумму, а также выплатить в пользу продавца неустойку.

Договор может быть расторгнут и против воли сторон, на основании судебного решения. При расторжении договора купли-продажи недвижимости на основании судебного решения в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ основанием для государственной регистрации изменения прав будет служить вступившее в законную силу судебное решение, представленное в органы государственной регистрации в виде судебного акта [1].

Необходимо отличать процедуру признания сделки купли-продажи недействительной от процедуры по ее расторжению, так как это два разных основания, по которым прекращаются договорные обязательства. Их объединяет только одним момент — проводятся процедуры в судебном порядке, если стороны не смогли решить вопрос мирным путем.

Часть первая ГК РФ в главе 9, параграф 2 содержит основания признания сделки недействительной. Недействительность договора возвращает все выполненные обязательства в первоначальное положение, то есть продавец возвращает полученные денежные средства, а покупатель приобретает недвижимое имущество.

Прекращение действия договора купли-продажи означает, что произошли изменения обстоятельств, которые стороны не могли предвидеть и в связи с этим их вина отсутствует. Например, возникли события, которые препятствуют заключению договора. В договоре они обычно обозначаются как форс-мажор.

При возникновении любых спорных вопросов стороны должны пробовать разрешить их мирным путем. Иными словами, применить досудебный порядок урегулирования ситуации.

По правилам, сторона, решившая расторгнуть договор, должна отправить второй стороне письменное уведом-

ление, указав срок, в течение которого она должна сообщить о своем решении. Обычно такой срок составляет не более 30 дней.

Если по истечении срока вторая сторона не предоставит никакого ответа либо он будет отрицательным, инициатор расторжения может подать исковое заявление в суд.

При обращении в суд необходимо учитывать следующие нюансы:

- в иске должно быть указано, что заявитель пытался решить вопрос мирным путем, то есть к иску прикладывается уведомление и ответ от второй стороны;
- в требованиях, заявляемых в иске, следует указывать на расторжение договора и возврат в первоначальное состояние того, что было исполнено по сделке;
- исходя из обстоятельств дела, истец в иске может указать на возмещение убытков и/или морального вреда.

Чтобы обезопасить себя от неблагоприятных последствий, стороны сделки должны обратить внимание на содержание договора. Для каждой из сторон будут важны пункты, соблюдение или нарушение которых затронет их интересы.

При заключении договора покупатель должен обратить внимание на следующие моменты:

- сроки передачи недвижимости;
- стоимость объекта недвижимости;
- ответственность сторон.

Для продавца существенными положениями договора будут являться:

- основания расторжения сделки;
- сроки передачи денег;
- ответственность сторон.

Таким образом, существенными, то есть важными условиями любого договора являются те условия, которые обязательно должны быть согласованы договаривающимися сторонами и без которых договор считается недействительным. Если соглашение не достигнуто хотя бы по одному условию, договор считается незаключенным.

Ответ на вопрос о том, можно ли расторгнуть договор купли-продажи, будет положительным. При этом всегда следует учитывать, что сама процедура может занять длительный период и не всегда завершится мирным путем. Успех дела будет зависеть от того, насколько грамотно будут составлены документы, относящиеся к заключению и расторжению сделки.

Литература:

1. Матюхин, С. В. ГК РФ. Гражданский кодекс Части 1, 2, 3 и 4 по сост. на 05.11.21 с таблицей изменений и с путеводителем по судебной практике/Матюхин С. В., Романовский В. А. — Из-во: Проспект — 2021-1347 с.

Формы социально-правовой защиты беженцев в современной России

Люкина Елизавета Борисовна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита, социальное страхование, Российская Федерация, обязательное социальное страхование, социальная помощь.

Крайне плохое состояние социальной сферы Российской Федерации является объективной реальностью, которая не нуждается в многословном подтверждении. Эта проблема касается всех категорий лиц, находящихся на территории России, в том числе, и беженцев. Беженцы находятся изначально в более уязвимой позиции, чем граждане Российской Федерации и только в связи с этим, полагаем необходимо рассмотреть основные аспекты социальной защиты беженцев, выявить проблемы и определить направления совершенствования законодательства в данной сфере.

В силу своего правового статуса беженцы, не являющиеся гражданами РФ, ограничены во многих правах. На практике, как правило, имеет место неисполнение даже тех, закрепленных прав беженцев, которые предусмотрены действующим законодательством. В качестве недостатков современной правоприменительной практики, можно отметить отсутствие контроля за соблюдением этих прав. Кроме того, в научной и специальной литературе, формы социальной защиты беженцев, а также непосредственно социальная и правовая защита беженцев не рассматривается, также как и в законодательстве им уделяется крайне мало внимания. В связи с этим, полагаем, что анализ указанной сложности в современных реалиях не даёт права говорить о вероятности формирования такой формы социально-правовой защиты беженцев на базе социальной защиты населения Российской Федерации в общем.

Специфическими признаками современных форм социального обеспечения являются такие, как:

Во-первых, способ сбора денежных средств в источниках материальных ценностей, за счёт средств, предоставляемых социальным обеспечением;

Во-вторых, перечень лиц, поддерживаемых за счёт средств определённого источника финансирования;

В-третьих, разновидности поддержания за счёт этого источника определённого перечня лиц;

В-четвёртых, систему государственных и муниципальных органов, которые осуществляют социальное обеспечение беженцев.

Содержание определения «социальное обеспечение» более узкое, чем «социальная защита».

Это положение дел предопределяется тем, что действующие формы социальной защиты являются более сложной системой, чем существовала ранее. Понятие социальной защиты является сложным и многомерным, так как существует большое количество его форм, а также разнообразие взглядов учёных, которые, зачастую, про-

тиворечат друг другу в части конкретизация содержания и классификации форм социальной защиты.

Так, например в доктринальном комментарии к Основному закону России [1] называют нижеперечисленные формы социальной защиты граждан и иных категорий физических лиц:

— во-первых, юридически закреплённые социальные гарантии, которые удовлетворяются на основе стандартов и программ;

— во-вторых, регламентация доходов и расходов граждан;

— в-третьих, социальное страхование;

— в-четвёртых, социальная помощь и поддержка;

— в-пятых, социальные услуги;

— в-шестых, социальные целевые программы [3, с. 72].

Далее, ещё один учёный, работающий в сфере социального обеспечения, М.И. Лепихов в труде «Право и социальная защита населения в России» называет такие организационно-правовые формы социальной защиты физических лиц:

— обязательное социальное страхование,

— обязательное государственное страхование,

— социальное обеспечение за счёт прямого финансирования из средств государственного бюджета,

— государственная социальная помощь [4, с. 11].

Рассмотренные основания классификации, демонстрируют неполные и искажённые структуры именно социального обеспечения, но никак не социальной защиты. Полагаем, что более полная структура форм социальной защиты была предложена в труде С.В. Якимчук, где называет следующие формы: социальные гарантии; социальное страхование; социальная помощь; социальная поддержка; социальные компенсации; социальное обеспечение [6, с. 153].

Однако рассмотренная классификация является не идеальной, в связи с тем, что С.В. Якимчук под формами социальной защиты понимают перечень, включающий в себя шесть указанных выше компонентов, которые являются с основными элементами социального обеспечения, как следствие, они не могут являться самостоятельными формами социальной защиты, в связи с тем, что социальная защита более широкое понятие, по сравнению с социальным обеспечением.

Например, В.В. Тихомирова [5] называет такие формы социальной защиты населения, как: во-первых, государственные социальные гарантии и минимальные социальные стандарты; во-вторых, социальные пособия;

в-третьих, социальное обслуживание. К социальным пособиям относят пособия по социальному страхованию и пособия по социальной помощи.

На основании рассмотренных классификаций можно перечислить следующие формы социально-правовой защиты беженцев:

— социальное страхование, помощь, поддержка и обслуживание;

— профессиональная деятельность уполномоченных государственных органов, направленных на разработку и принятие нормативных актов, которые закрепляют разновидности социального обеспечения, положенные указанным категориям граждан;

— профессиональная деятельность уполномоченных государственных органов по выработке и принятии правовых норм, регламентирующих деятельность государственных и муниципальных властных органов, общественных объединений, направленных на реализацию комплекса мер по социальному обеспечению беженцев;

— общественные отношения, регламентируемые правовыми нормами, фиксирующими меры контроля за деятельностью государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений в области социального обеспечения беженцев;

— общественные отношения, регламентированные правовыми нормами, фиксирующими меры направленные на превенцию, появление либо снижение отрицательного влияния обстоятельств, которые создают нужду в применении мер социального обеспечения касательно беженцев.

Все приведённые формы социально-правовой защиты не распространяют свое действие на беженцев. Это обусловлено тем, что данная категория населения является иностранными гражданами либо лицами без гражданства, и прибывает в Российскую Федерацию с территории других стран. Исключения, прежде всего, касаются социального обеспечения, так как правовые формы едины для всего населения государства в целом. Из приведенных выше определений различных форм социального обеспечения следует, что пенсии по государственному пенсионному обеспечению не могут выплачиваться беженцам, являющимся иностранными гражданами, за исключением случаев, когда иностранные граждане и лица без гражданства постоянно проживают на территории РФ — на тех же основаниях, что и граждане России. Социальное страхование является одной из форм социального обеспечения (входящего в социально-правовую защиту).

Социальное страхование распространяется только на застрахованных лиц, к числу которых Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [2] относит граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, работающих по трудовым договорам, лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой, или иных категорий граждан в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования. Но поскольку беженцы в реальной жизни зачастую не имеют возможности работать, то данная форма остаётся только декларативной.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (ред. от 26.05.2021) // Российская газета. № 139, 21.07.1999.
3. Дмитриева, Ю. А. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий/Ю. А. Дмитриева. — 4-е изд. — М: Кнорус, 2018. — 493 с. — Текст: непосредственный.
4. Лепихов, М. И. Право и социальная защита населения в России/М. И. Лепихов. — 1-е изд. — М: Кнорус, 2018. — 218 с. — Текст: непосредственный.
5. Тихомирова, В. В. Совершенствование системы социальной защиты населения северного региона/В. В. Тихомирова. — Текст: электронный // II Всероссийская научно-практическая интернет-конференция «Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем»: [сайт]. — URL: (дата обращения: 07.11.2021).
6. Якимчук, С. В. Социальная защита населения и ее совершенствование в современных условиях/С. В. Якимчук. — 1-е изд. — Белгород: Белгородский гос. ун-т, 2018. — 196 с. — Текст: непосредственный.

Проблематика определения административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации

Ляной Николай Александрович, студент магистратуры;
Ленёва Ирина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В течение многих лет в рамках, как правовой теории, так и правоприменительной деятельности проблема определения понятия «должностное лицо» остается одной из наиболее актуальных. Наличие неопределенности в вопросе определения правового содержания, в том числе и административно-правового содержания понятия «должностное лицо» вместе с активным применением такого термина в законодательстве приводит к снижению эффективности реализации соответствующих правовых норм, которые регламентируют управленческую деятельность, государственно-служебные отношения, права и обязанности граждан в сфере управления. Кроме того, наличие такой неопределенности вызывает трудности в практической деятельности субъектов административной юрисдикции, которые рассматривают дела об административных правонарушениях, совершаемых должностными лицами.

Все вышеобозначенное определяет актуальность темы исследования.

Цель научной статьи заключается в исследовании вопроса административно-правового статуса должностных лиц в Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-правовой статус, должностные лица, административные правонарушения должностных лиц, субъекты административной юрисдикции.

Необходимо отметить, что эволюция понятия «должностное лицо» в советской и российской науке административного права отличается долгой историей. Конечно, изучение в исторической призма опыта российских ученых и законодателей должно способствовать созидательной нормотворческой деятельности в таком направлении на современном этапе.

В целом, нужно сказать, что исследуемому вопросу посвящалось множество работ исследователей в области административного права. По этой причине необходимо определить наиболее значимые моменты в этой области.

Так, в развитии термина «должностное лицо» в правовой науке выделяются определенные этапы. Первый этап длился до 1917 года, когда господствовало предельное расширительное толкование понятия «должностное лицо». Второй этап приходится на период с 1917 года по 1922 год. В этот период были приняты первые уголовные кодексы, которые закрепили предельно широкое понятие должностного лица, приравненное к понятию «служащий». Третий этап приходится на период с 1922 года по начало 60-х годов. Этот период характеризуется противоборством расширительной и ограничительной тенденции в развитии данного понятия, завершившийся принятием Уголовного кодекса 1960 года и принципиальной победой ограничительной тенденции. Важно обозначить, что в 50-е годы на текущем этапе в изучении понятия «должностное лицо и особенностей правонарушений, совершаемых должностными лицами, значительно преуспели специалисты административного права [6, с. 45].

Четвертый этап приходится на период с середины 60-х годов по середину 90-х годов. Это время считается периодом поиска нового определения должностного лица, характеризующийся различными подходами к данному

определению представителей науки уголовного права, с одной стороны, и административного, трудового и экологического права, с другой стороны.

Пятый этап начался с середины 90-х годов, когда взял свое начало процесс переосмысления такого понятия, обусловленный конструктивными изменениями, которые происходят в разных сферах российского государства. Эти изменения обусловили формирование фактически нового законодательства о государственной службе и поставили вопрос о необходимости уяснения понятия «должностное лицо» не только в отношении государственных структур, но и в отношении негосударственных организаций. В то же время стоит обозначить, что второй частью данного периода считается 1 июля 2002 года, когда вступил в силу Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [1], закрепивший в административном законодательстве понятие «должностное лицо».

Выделенные периоды позволяют отметить основную характеристику, отличающую процесс формирования понятия должностного лица, которое обозначено указанными временными рамками. Это чередование «расширительного» и «ограничительного» толкований анализируемого понятия.

На протяжении длительного времени исследователи административного права в научной литературе понятие «должностное лицо» рассматривали только в рамках института государственной службы, при котором к такому относились только служащие государственных органов, предприятий, учреждений и организаций, имеющих право совершать в пределах своей компетенции властные организационно-распорядительные действия, влекущие юридически значимые последствия. Однако, важно пом-

нить, что на понимание правового положения должностного лица в определенной степени оказывает влияние уровень экономического, политического и социального развития на отдельном историческом этапе государства. В современных реалиях, учитывая отделение местного самоуправления от государственного управления и появление частного сектора экономики, статус должностного лица, естественно, не должен быть связан только с написанием таким лицом государственной службы либо с выполнением государственных функций [5, с. 150].

В сфере частного сектора бывают лица с признаками, которые идентичны функциям организационного распорядительства, которые осуществляются государственными и муниципальными лицами. Такими являются, в первую очередь, физические лица, которые занимают руководящие должности в коммерческих и некоммерческих организациях, и собственники хозяйствующих субъектов. В соответствии с нормами действующего законодательства указанные лица не могут быть признаны должностными лицами. Однако, ряд авторов в своих исследованиях называют их таковыми, выделяя их в особую группу должностных лиц. Они считают, что это не противоречит смыслу статьи 2.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, в примечании которой указано следующее: «Совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных функций руководители и другие работники иных организаций ... несут административную ответственность как должностные лица, если законом не установлено иное» [4, с. 225].

Властные полномочия руководителей всех уровней коммерческих организаций по содержанию схожи с распорядительными полномочиями должностных лиц государственной службы. Обладающие такими полномочиями лица имеют право распоряжаться вверенным им имуществом, налагать дисциплинарные взыскания, заключать, изменять и расторгать трудовые договоры или контракты.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в административном праве проявляется тенденция к новому расширению понятия «должностное лицо». Основным свидетельством формирования такого подхода является определение, прописанное в примечаниях к статье 2.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, в соответствии с которым к должностным лицам как субъектам административной ответственности относятся также и лица, которые осуществляют предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, совершившие административные правонарушения в ходе выполнения организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

На текущем этапе эволюции понятия «должностное лицо» основная задача исследователей в области административного права заключается в поиске на основе уже имеющихся научных критериев таких характеристик должностного лица, которые могли бы приобрести статус общих для всех отраслей права. Например, совершение действий,

которые влекут за собой определенные юридические последствия, в качестве одной из характеристик должностного лица считается в настоящее время верным практически всеми исследователями административного права [3, с. 30].

Помимо всего вышесказанного в качестве еще одной общей для всех отраслей права характеристикой должностного лица в юридической литературе выделяют обладание полномочиями распорядительного характера. В это же время, необходимо отметить, что к сегодняшнему дню сложилось два понимания реализации распорядительных полномочий. Первое понимание заключается в том, что такие полномочия подлежат реализации в пределах организации, в котором несет гражданскую службу должностное лицо. Другими словами, в ходе осуществления своей профессиональной деятельности должностное лицо реализует организационно-распорядительные функции, включающие в себя, к примеру, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда либо службы подчиненных, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий, распоряжение материальными ценностями и так далее [2, с. 211].

Важно обозначить, что распорядительство на протяжении долгих лет воспринималось лишь в одном понимании: в качестве организации деятельности подчиненных объектов управления. В то же время причина такого понимания, по мнению ряда ученых, заключается в том, что формирование основных характеристик должностного лица формировалось в науке административного права под значительным влиянием взгляда на систему государственного управления, как на самодостаточную и замкнутую административную систему со своей структурой, закономерностями управленческой технологии, системой служебной иерархии, должностных обязанностей и системой ответственности за их исполнение, наибольшим образом, ориентированной на верное функционирование системы в заданном режиме. Все же, за последние годы значительное внимание стало уделяться характеристике и разработке полномочий должностной лица, которые ориентируются на взаимодействие с иными субъектами управления и гражданами.

С другой же стороны, распорядительные полномочия должностных лиц могут распространяться на граждан и юридических лиц, которые организационно не подчиняются им по службе, но в силу правового положения являющихся подконтрольными. При таком видении для должностного лица свойственно обладание функциональной властью за пределами организации, в которой они несут гражданскую службу. Так, должностное лицо может давать обязательные указания для таких лиц, применять меры принуждения и так далее.

Чаще всего, для определения должностных лиц, которые имеют распорядительные полномочия публичного характера, применяется понятие «представитель власти», относительно правомочности использования которого в юридической литературе уже давно ведутся дискуссии.

Можно предположить, что в данном случае стоит учитывать, что важным элементом, включенным в понятие «представитель власти», являются полномочия самостоятельно решать подведомственные ему вопросы, напрямую связанные с функциями органа государственной власти, в которой он осуществляет свою деятельность. Каждая категория представителей государственной власти обладает своими специфическими особенностями, по причине чего полномочия различных групп представителей государственной власти внутри идентичных органов власти в значительной степени различаются. Так или иначе, их объединяет то, что все они принимают участие в осуществлении государственной власти в органах государства [2, с. 210].

Важным элементом в понятии должного лица является вопрос относительно его правового статуса, который является организационно-правовой основой этого понятия. Дело в том, что физическое лицо, после обретения статуса личности, а после и гражданина, в таких своих качествах участвует в политической, государственной деятельности и в жизни общественных объединений. Однако, чтобы быть вовлеченным в конкретную трудовую, професси-

ональную деятельность, личность и гражданин должен приобрести дополнительные права и обязанности, связанные с избранной им сферой общественно полезной деятельности. То есть, эти права и обязанности — сверх правового статуса личности и гражданина. Так, гражданин вступает в области профессий и рода деятельности, отношения в которой регламентируются другими нормами. К последним, главным образом, относятся нормы трудового и административного права [3, с. 29].

В рассматриваемом направлении специальный правовой статус должностного лица продолжает его правовые статусы личности и гражданина, представлять надстроечным над ними и характеризующимся наличием дополнительных прав и обязанностей, которые предусмотрены законодательством и регулируются в сфере его трудовой и профессиональной деятельности.

Таким образом, в завершении необходимо обозначить, что имеющаяся неоднородность во мнениях ученых-исследователей административного права на решение обозначенной проблемы обусловило формирование двух различных подходов к законодательному закреплению понятия «должностное лицо».

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Измайлова, Д. Э., Нагучева А. З. Должностные лица как субъекты административной ответственности // Modern Science. 2021. № 5-3. с. 209-213.
3. Кондрашова, А. В. Общая характеристика должностных лиц как субъектов административной ответственности // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации. 2020. с. 28-32.
4. Михайлов, И. Л., Ветчяинов Ю. И., Репринцев В. С. Юридические и фактические основания административной ответственности должностных лиц // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы. 2019. с. 224-230.
5. Палкина, А. С. К вопросу пробельности административной ответственности должностных лиц в сфере градостроительной деятельности // E-Scio. 2020. № 9 (48). с. 147-152.
6. Сунцова, Е. А. Особенности привлечения должностных лиц к административной (дисциплинарной) ответственности за нарушение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан в системе следственного комитета Российской Федерации // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2019. № 2. с. 43-46.

Соотношение административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц

Ляной Николай Александрович, студент магистратуры;
Ленёва Ирина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Актуальность темы исследования. Из всего количества правонарушений, совершаемых должностными лицами, наибольший удельный вес приходится именно на административные правонарушения. В то же время важно обозначить, что институт административной ответственности должностных лиц на сегодняшний день в российской правовой науке недостаточно изучен. К примеру, некоторые вопросы административной ответственности должностных лиц, которая широко используется в практике, изучены очень слабо.

Одной из проблематик в поставленном вопросе является то, что законодателем, при признании в качестве субъекта административной ответственности должностное лицо, в общем, не учтено то, что должностные лица в большинстве своем имеют различные правовые статусы, отличаясь друг от друга. Кроме того, на сегодняшний день не исследована объективно существующая правовая связь между ответственностью должностных лиц и ответственностью представляемых ими юридических лиц. И это в то время, когда такая связь считается ключевой в понимании вины юридического лица и возможности привлечения к административной ответственности.

В целом нужно также обозначить, что сам термин «должностное лицо» на сегодняшний день является предметом частых дискуссий, ведь на сегодняшний день ни в юридической науке, ни в действующем законодательстве это понятие четко не определено.

Цель исследования — провести сравнительный анализ административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц.

Ключевые слова: должностные лица, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, административные правонарушения, юридическая ответственность.

В первую очередь, необходимо отметить, что существует разнообразие видов ответственности, под которые могут подпадать должностные лица. Каждый вид ответственности имеет свое специфическое назначение. К сфере административного права относятся два вида ответственности: административная и дисциплинарная. Уголовная ответственность должностных лиц, в свою очередь, регулируется нормами уголовного права, а материальная, как правило, — трудового [4, с. 227].

Административная ответственность имеет целый ряд отличий от иных видов ответственности. В рамках же данного исследования проведен сравнительный анализ административной и дисциплинарной видов ответственности.

Первым отличием являются нормы регулирования. Так, административная ответственность регламентируется нормами института административной ответственности, содержащимися в законах и подзаконных актах. Дисциплинарная ответственность же регламентируется нормами законодательства о труде, специальными нормативными актами, устанавливающими особенности положения отдельных категорий должностных лиц.

Вторым отличием является то, что основанием административной ответственности выступают административные правонарушения, а основанием наложения дисциплинарной ответственности — дисциплинарный проступок.

За совершение административных правонарушений должностными лицами налагаются административные взыскания, а за дисциплинарные проступки — дисциплинарные взыскания.

В качестве еще одного отличия необходимо обозначить то, что административные взыскания могут применяться широким кругом уполномоченных органов и должностных лиц исполнительной власти, местного самоуправления и судами. Дисциплинарные взыскания же применяются органами и должностными лицами, которые наделены дисциплинарной властью [4, с. 226].

Важно также обозначить, что применение административного взыскания не предполагает наложение судимости и увольнения с должности. Так, лицо, к которому оно применяется, считается имеющим административное взыскание на протяжении определенного срока. Говоря о дис-

циплинарном взыскании, нужно обозначить, что одним из видов таковых является увольнение с должности.

Наконец, еще одним отличием является то, что меры административной ответственности должны применяться в соответствии с законодательством, регламентирующим производство по делам об административных правонарушениях. Меры же дисциплинарной ответственности применяются в соответствии с нормами, которые устанавливают порядок дисциплинарного производства.

Для того, чтобы сравнительный анализ административной и дисциплинарной ответственности был более полным и подробным, необходимо определить правовую сущность дисциплинарной ответственности.

Так, дисциплинарная ответственность формулируется юристами с различных позиций. Некоторые исследователи определяют дисциплинарную ответственность в качестве обязанности. Например, П. В. Матвеевко определяет дисциплинарную ответственность в качестве обязанности лица, которая возникает из факта совершения дисциплинарного или иного правонарушения. Данная обязанности предполагает то, что лицо понесет наказание, которые заключается в применении соответствующим должностным лицом в установленном порядке дисциплинарных взысканий, выражающих государственное осуждение противоправного, виновного поведения нарушителя служебной дисциплины.

Отечественные исследователи К. Н. Гусов и В. Н. Толкунова определяют дисциплинарную ответственность как обязанность работника понести наказание, которое предусматривается нормами трудового права, за виновное, противоправное неисполнение своих трудовых обязанностей [3, с. 29].

Еще ряд авторов исследуют понятие «дисциплинарное взыскание», а не «юридическая ответственность». Либо они акцентируют свое внимание на заключительной стадии — исполнении дисциплинарной ответственности.

С. Е. Чанов, к примеру, считает, что дисциплинарная ответственность является средством укрепления служебной дисциплины. Государственное принуждение, которое проявление в форме дисциплинарных взысканий, направлено на охрану отношений, которые связаны с ис-

полнением должностными лицами своих должностных обязанностей [5, с. 149].

Учитывая особую взаимосвязь дисциплины и дисциплинарной ответственности, становится возможным отнести служебную подчиненность к числу существенных признаков дисциплинарной ответственности. В соответствии с данным признаком дисциплинарная ответственность различна от иных видов юридической ответственности. Она направлена на обеспечение дисциплины, как правило, в рамках служебного подчинения.

Отечественный ученый С. Н. Братусь считает, что дисциплинарная ответственность, представляясь реализацией дисциплинарных санкций на нарушение субъектом трудового правоотношения своих трудовых обязанностей, является особым видом штрафной карательной ответственности. Общепринятым является тот факт, что дисциплинарная ответственность служащих представляется самостоятельным видом юридической ответственности, основанием которой является совершение дисциплинарного проступка, то есть виновное нарушение трудовых обязанностей. Такая ответственность выражается в дисциплинарных взысканиях, которые предусмотрены законодателем в трудовом праве.

Важным отличием дисциплинарной ответственности от других видов юридической ответственности является то, что она может быть самостоятельно применена одной из сторон трудового договора, то есть работодателем. При этом же, обязательно необходимо соблюдать нормы Трудового кодекса Российской Федерации в части порядка привлечения работника к дисциплинарной ответственности и оснований, предусмотренных Кодексом [2, с. 211].

В трудовом законодательстве выделяются два вида дисциплинарной ответственности: общая и специальная. Общая дисциплинарная ответственность устанавливается Трудовым кодексом Российской Федерации. К ней могут привлекаться все лица, которые вступили в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации в трудовые отношения и получившие статус работников.

Специальная дисциплинарная ответственность отличается кругом лиц, к которым она применяется, более широким понятием дисциплинарного проступка, противоправность которого предусмотрена специальными федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине, специальными мерами дисциплинарного взыскания, а также кругом должностных лиц и органов, наделенных дисциплинарной властью, и порядком применения дисциплинарных взысканий.

При проведении анализа законодательства об административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц, необходимо выделить основополагающие различия правового регулирования дисциплинарной ответственности. Так, в первую очередь к таким отличиям относится отсутствие в действующем законодательстве конкретного перечня деяний, за которые наступает дисциплинарная ответственность. Во-вторых, — отсутствие в дисциплинарном законодательстве обстоятельств, ко-

торые смягчают и отягчают наказание, а также обстоятельства, которые исключают привлечение к дисциплинарной ответственности. В-третьих, к отличиям необходимо отнести наличие обязательной служебной подчиненности между лицом, которое накладывает взыскание, и лицом, которое привлекается к ответственности. Следующим отличием является то, что отсутствие основных и дополнительных видов наказания при привлечении к дисциплинарной ответственности, за дисциплинарный проступок может налагаться только одно взыскание. Последним отличием является упрощенный порядок привлечения к дисциплинарной ответственности.

Важным признаком дисциплинарной ответственности должностных лиц, который отличает ее от иных видов дисциплинарной ответственности, является сфера ее действия, определяемая с учетом субъектной характеристики такой правовой конструкции как ответственности, применяемой специфическими субъектами дисциплинарной власти к определенной категории лиц, то есть должностным лицам.

Для того чтобы верно разграничить дисциплинарные проступки, должностные административные правонарушения и должностные преступления необходимо учитывать признак их включения в законодательство об административных правонарушениях или уголовное законодательство, соответственно.

В завершении необходимо подытожить, что административные правонарушения нужно отграничивать от дисциплинарных проступков. Дисциплинарные проступки посягают на внутренний трудовой распорядок той или иной организации и на отношения трудовой служебной или военной дисциплины. Такого рода отношения не могут быть объектами административного правонарушения.

Административные правонарушения закреплены в нормах административного права, в то время как описание дисциплинарных проступков указано в нормах права лишь в общем виде, то есть без описания конкретных признаков такого деяния.

Так, в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации [1] должностные лица должны быть привлечены к ответственности на основании неисполнения или ненадлежащего исполнения своих служебных обязанностей. Эта формулировка, как считают некоторые исследователи в области административного права, представляется слишком широкой, так как в большинстве случаев неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей является дисциплинарным проступком, которое влечет за собой наложение дисциплинарной ответственности. По этой причине, можно предположить, что административная ответственность должностного лица должна наступать, в первую очередь, за неисполнение правил, обеспечение исполнения которых входит в круг его служебных обязанностей. В этой же время, учитывая то, что административный проступок должностного лица одновременно является и нарушением им служебных

правил, то есть дисциплинарным проступком, подразумевает разрешение вопроса о допустимости либо недопустимости наложения на виновное должностное лицо сразу двух наказаний: административного и дисциплинарного. Нормы действующего законодательства решают такой вопрос только частично.

Таким образом, не допускается сочетание уголовной ответственности с дисциплинарной либо административной. И все же, действующие нормативно-правовые акты не запрещают на одновременной применение к правонарушителю административной либо дисциплинарной ответственности. По этой причине, предположено, что при кумуляции административных и дисциплинарных правонарушений в каждом в отдельности взятом случае правоприменитель должен выбирать те санкции, которые наиболее эффективно будут содействовать плодотворному развитию охраняемых ими общественных отношений.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
2. Измайлова, Д. Э., Нагучева А. З. Должностные лица как субъекты административной ответственности // Modern Science. 2021. № 5-3. с. 209-213.
3. Кондрашова, А. В. Общая характеристика должностных лиц как субъектов административной ответственности // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации. 2020. с. 28-32.
4. Михайлов, И. Л., Ветчинов Ю. И., Репринцев В. С. Юридические и фактические основания административной ответственности должностных лиц // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы. 2019. с. 224-230.
5. Палкина, А. С. К вопросу пробельности административной ответственности должностных лиц в сфере градостроительной деятельности // E-Scio. 2020. № 9 (48). с. 147-152.
6. Сунцова, Е. А. Особенности привлечения должностных лиц к административной (дисциплинарной) ответственности за нарушение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан в системе следственного комитета Российской Федерации // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2019. № 2. с. 43-46.

Франчайзинг как правовая конструкция и бизнес-инструмент

Маслов Павел Романович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Статья посвящена наиболее востребованной на сегодняшний день модели осуществления предпринимательской деятельности — франчайзингу. В исследовании автор анализирует преимущества и недостатки данного способа организации бизнеса, регулирующего отношения между владельцем бизнеса (франчайзером) и франчайзи (независимое лицо или компания, которой передается право на использование разработанной франчайзером бизнес-стратегии). Особое внимание в статье уделяется отечественному правовому регулированию франчайзинговых отношений.

Ключевые слова: франшиза, франчайзинг, коммерческая концессия, правообладатель, пользователь, бизнес-модель.

Franchising as a legal structure and business tool

The article is devoted to the most popular model of entrepreneurial activity today — franchising. In the study, the author analyzes the advantages and disadvantages of this method of business organization, which regulates the relationship between the business

owner (franchisor) and the franchisee (an independent person or company to which the right to use the business strategy developed by the franchisor is transferred). The article pays special attention to the domestic legal regulation of franchise relations.

Keywords: franchise, franchising, commercial concession, copyright holder, user, business model.

В настоящее время франчайзинг приобрел общее признание и стал особенно актуальным во всем мире. Многие государства создали благоприятные условия для развития франчайзинга и достигли значительного роста количества компаний, использующих данную модель осуществления предпринимательской деятельности. В России осуществление предпринимательской деятельности по модели франчайзинга также весьма распространено. На протяжении последних нескольких лет можно наблюдать стабильный рост числа заключенных договоров коммерческой концессии (франчайзинга) в России.

Так по официальным данным Роспатента, в 2020 году ведомство зарегистрировало 4833 договора коммерческой концессии, в 2019 году данный показатель составил 4658 соглашений. Тем самым, в 2020 году количество зарегистрированных договоров коммерческой концессии (франчайзинга) возросло на 3,8% по сравнению с 2019 г., с той оговоркой, что лишь малая доля рынка заключает и регистрирует данное соглашение в Роспатенте. Более того, в 2020 году доля количества зарегистрированных распоряжений по договору коммерческой концессии в общем количестве зарегистрированных распоряжений по лицензионному договору и договору коммерческой концессии выросла и составила 45,1%, по сравнению с 2019 годом — 38,1% [7].

Российская ассоциация франчайзинга предлагает следующее определение рассматриваемому понятию: «Франчайзинг — это такая организация бизнеса, в которой компания (франчайзер) передает независимому человеку или компании (франчайзи) право на продажу продукта и услуг этой компании; франчайзи обязуется продавать этот продукт или услуги по заранее определенным законам и правилам ведения бизнеса, которые устанавливает франчайзер, а также осуществлять платежи в фонд франчайзера; в обмен на осуществление всех этих правил франчайзи получает разрешение использовать имя компании, ее репутацию, продукт и услуги, маркетинговые технологии, экспертизу и механизмы поддержки» [2].

В российской бизнес-терминологии сформировано несколько определений франшизы. Российская ассоциация франчайзинга дает определение франшизе как полной бизнес-системе, которую франчайзер продает франчайзи. Другим названием для подобной системы служит франшизный (франчайзинговый) пакет, который обычно включает пособия по ведению работ и другие важные материалы, принадлежащие франчайзеру [2]. Под франшизой также понимают комплекс исключительных прав, право использовать который, одна сторона договора коммерческой концессии (правообладатель) за плату передает другой стороне (пользователю).

В целом, устоявшимся на сегодня является определение франчайзинга как способа организации бизнеса, регулирующего отношения между владельцем бизнеса (франчайзером) и франчайзи (независимое лицо или компания, которой передается право на использование разработанной франчайзером бизнес-стратегии). Суть современной системы франчайзинга заключается в том, что франчайзер предоставляет отдельным франчайзи определенные права и в свою очередь, обязывает действовать в соответствии с его концепцией. Согласно договору, заключенному в письменной форме, франчайзи получает от франчайзера право на использование его имени, торговой марки, промышленных образцов и прав интеллектуальной собственности, возможность применять его методы ведения бизнеса, а также получать его постоянную техническую помощь.

В России правовое регулирование франчайзинговых отношений имеет определенную специфику, договор заключается по правилам для коммерческой концессии, поскольку такого понятия, как франчайзинг, в российском законодательстве не существует. Указанные договорные конструкции, хотя и обладают сходством в аспекте субъектного состава — сторонами соглашения франчайзинга выступают правообладатель (крупная компания, владелец известного бренда или брендов) и пользователь (обычно это новая компания, которая еще не успела закрепиться на рынке самостоятельно), предмете договора — правообладатель позволяет контрагенту использовать свой бренд в целях осуществления предпринимательской деятельности, но в отличие от коммерческой концессии, договор франчайзинга означает, что правообладатель будет оказывать сильное влияние на работу пользователя. Компания — владелец бренда окажет поддержку (консультативную, техническую, организационную) новому предприятию, но также она будет осуществлять контроль действий контрагента. Влияние правообладателя выражается в определении стратегии осуществления предпринимательской деятельности, включая локализацию предприятия пользователя и организацию бизнес-процессов. Заключение договора франчайзинга на условиях, которые определил франчайзер, создает для новой компании определенные юридические риски.

Согласно положениям ст. 1032 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) на пользователя по договору франчайзинга возлагаются обязанности: 1) по обеспечению качества результатов его деятельности, которое должно соответствовать уровню, на котором работает производитель; 2) по использованию исключительных прав в строгом соответствии с указаниями правообладателя. К примеру, если есть требования к оформлению экстерьера или интерьера помещений, эти

требования должны быть выполнены; 3) по оказанию клиентам такого же комплекса дополнительных услуг, которые оказывает правообладатель; 4) по принятию мер по соблюдению режима охраны коммерческой тайны, включая запрет на разглашение секретов производства правообладателя; 5) по информированию клиентов наиболее понятным для них способом, что пользователь осуществляет свою деятельность в рамках коммерческой концессии (договора франчайзинга) [1]. Нарушение условий соглашения может повлечь применение штрафных санкций вплоть до расторжения договора, что вызовет негативные финансовые последствия для компании пользователя.

Существенными условиями договора франчайзинга являются условия, установленные правилами главы 54 ГК РФ — аналогичные для коммерческой концессии. В существенные условия договора франчайзинга входят:

- 1) комплекс и характер исключительных прав, которые франчайзи получает и может использовать [5];
- 2) границы их использования;
- 3) сферы осуществляемой франчайзи деятельности;
- 4) размер вознаграждения франчайзера и порядок его определения.

Предмет договора франчайзинга представлен получением пользователем определенного объема исключительных прав, переданных ему правообладателем. Согласование данного условия предполагает детализацию прав, получаемых франчайзи по договору. На практике франчайзи получает от правообладателя право на товарный знак и на любые объекты, которые перечислены в ст. 1225 ГК РФ. Детализация указанных прав предполагает указание в тексте договора полных реквизитов свидетельств правообладателя на данные права и объекты, классы Международной классификации товаров и услуг (далее по тексту — МКТУ) и т. п. Конкретный список сведений по каждому праву и объекту зависит от того, какое это право и объект.

Договор франчайзинга должен содержать указание на объем передаваемых пользователю прав. С этой целью в тексте соглашения должно быть зафиксировано:

- 1) в отношении каких классов МКТУ франчайзи может вести свою деятельность [6];
- 2) являются ли полученные права исключительными или неисключительными;
- 3) на какой территории франчайзи может использовать права.

Сфера предпринимательской деятельности франчайзи также должна быть указана в тексте соглашения — соблюдение этого правила будет свидетельствовать о согласовании существенных условий договора. Например, это может быть реализация товаров правообладателя, выполнение работ или оказание услуг под его торговой маркой и т. п. В документе не должно быть расхождений с классами МКТУ, которые франчайзи разрешено использовать.

Договор франчайзинга должен содержать указание на размер вознаграждения правообладателя, поскольку

данный договор по своим характеристикам является возмездным. Это условие стороны определяют самостоятельно. Например, вознаграждение может быть определено:

- 1) в твердой сумме в виде единовременной выплаты;
- 2) в твердой сумме в виде периодических выплат;
- 3) в виде процента от прибыли и др. [4].

В договоре франчайзинга могут быть предусмотрены дополнительные условия. Например, может быть установлена обязанность согласовывать действия франчайзи с франчайзером, что в некоторой степени снижает мобильность первого. Для франчайзи оптимальным будет изменение такого рода условий, чтобы при необходимости он мог действовать самостоятельно.

В интересах франчайзи также будет целесообразным согласовать условие о продлении договора франчайзинга — это позволит избежать риска прекращения сотрудничества с франчайзером после истечения срока действия договора. Важность этого условия для франчайзи состоит в том, что при невозможности продлить срок действия договора, он может не успеть получить экономический эффект от своих финансовых вложений.

В интересах франчайзи важно согласовать условия о средствах индивидуализации. Целесообразно предусмотреть положения о том, что пользователь как сторона договора франчайзинга получает право на эксплуатацию товарного знака или знака обслуживания франчайзера.

В тексте договора франчайзинга согласовывается условие о возможности заключения договора субконцессии (ст. 1029 ГК РФ). Для пользователя такое условие является важным.

В тексте соглашения могут присутствовать те или иные ограничения на распространение пользователем продукции правообладателя. Однако эти ограничения не должны противоречить закону, иначе условие о них будет ничтожным (п. 2 ст. 1033 ГК РФ).

После подписания договора франчайзинга необходимо соблюсти правила о государственной регистрации. Право использовать комплекс исключительных прав регистрируют в Роспатенте. Без такой регистрации договор франчайзинга будет признан недействительным (ничтожным). По общему правилу регистрацию договора франчайзинга обеспечивает правообладатель (ст. 1031 ГК РФ) [3]. Важно подчеркнуть, что до 1 октября 2014 года ГК РФ предписывал сторонам осуществлять государственную регистрацию самого договора коммерческой концессии. Несоблюдение этого законодательного требования влекло негативные последствия — ничтожность соглашения. В ходе реформирования ГК РФ, в ст. 1028 ГК РФ были внесены изменения — регистрации впредь подлежит только предоставление пользователю права использования комплекса исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в предпринимательской деятельности в рамках соглашения коммерческой концессии [8]. Таким образом, отсутствие регистрации более не влечет ничтожность договора, а только свидетельствует о неисполнении правообладателем своей обязанности.

В завершении исследования следует отметить преимущества функционирования бизнеса по системе франчайзинга. Первое преимущество — пользователь получает возможность начать собственное дело, при этом он обладает экономической и юридической самостоятельностью, хоть за ним и закрепляется обязанность по информированию покупателей (заказчиков) об использовании исключительных прав правообладателя (абз. 8 ст. 1032 ГК РФ), а также осуществляется контроль в отношении его деятельности (абз. 3 ст. 1032 ГК РФ). Пользователь имеет возможность применить на практике зарекомендовавшие себя с наилучшей стороны методы ведения предпринимательской деятельности.

Второе преимущество состоит в получении пользователем консультативной, технической и организационной поддержки правообладателя. Более того, некоторые правообладатели выступают гарантами при получении пользователем кредитов и заключении договоров лизинга. Все это дает возможность начать коммерческую деятельность даже в той сфере, в которой у предпринимателя отсутствует опыт работы.

Одним из преимуществ осуществления предпринимательской деятельности по модели франчайзинга является минимизация издержек на рекламу. Пользователь начинает работу под товарным знаком правообладателя, завоевавшего определенную нишу на рынке, положительно зарекомендовавшего себя и имеющего круг лояльных потребителей. Правообладатель уже разработал и апробировал рекламные и маркетинговые программы, которыми пользователь может воспользоваться. Пользователю остается лишь обеспечить рекламу открытия своего франчайзингового предприятия на локальном рынке.

Еще одним преимуществом для пользователя является минимизация конкуренции с иными пользователями, заключившими договор с правообладателем. Так, на правообладателя можно возложить обязанности (абз. 2 п. 1 ст. 1033 ГК РФ): 1) не предоставлять другим лицам аналогичные комплексы исключительных прав для их использования на закрепленной за пользователем территории; 2) воздержаться от собственной аналогичной деятельности на этой территории.

У рассматриваемого соглашения существует и ряд недостатков для пользователя. Во-первых, пользователь должен обладать первоначальным капиталом. По своим характеристикам, договор коммерческой концессии является возмездным — пользователь оплачивает франшизу для начала своей деятельности в рамках этой бизнес-модели. Размер требуемого первоначального капитала во многом определяется видом деятельности, и он включает не только вступительный взнос. Обычно пользователь производит правообладателю выплаты, пропорциональные размеру товарооборота (ст. 1030 ГК РФ).

Во-вторых, пользователь ограничен рамками франшизной системы, в которой он работает — он должен неукоснительно следовать всем правилам франчайзингового сотрудничества. В частности, в договоре может быть

предусмотрено, какой товар должен быть представлен в магазинах, дизайн интерьера магазина, мерчандайзинг, какие нужно провести акции для покупателей и организовать программы маркетинга, у кого нужно закупать сырье и продукцию и т.д. Нарушение этих условий может повлечь договорные санкции или даже расторжение договора (абз. 3 ст. 1037 ГК РФ).

Кроме того, на пользователя могут быть наложены ограничения (п. 1 ст. 1033 ГК РФ):

- 1) обязательство о неконкуренции с правообладателем на определенной территории (абз. 3);
- 2) обязательство о незаключении аналогичных соглашений с конкурентами (включая потенциальных конкурентов) правообладателя (абз. 4);
- 3) ценовые ограничения — реализация товаров (услуг, работ) должна осуществляться по ценам, определенным правообладателем (абз. 5);
- 4) запрет на реализацию аналогичной группы товаров (услуг, работ) с использованием средств индивидуализации других правообладателей (абз. 5);
- 5) территориальные ограничения — реализация продукции (услуг, работ) в строго определенных территориальных границах (абз. 6);
- 6) обязанность согласовывать с правообладателем место расположения коммерческих помещений, а также их внешнее и внутреннее оформление (абз. 7).

Правообладателем может быть заключено большое количество договоров франчайзинга (коммерческой концессии) с другими пользователями. Чтобы исключить ужесточение конкуренции на рынке соответствующих товаров или услуг и вызванный этим возможный ущерб правообладателя, он вводит соответствующие ограничения. Однако для многих пользователей, разумно выстраивающих свои деловые отношения с правообладателем, осуществление предпринимательской деятельности по модели франчайзинга не является недостатком.

В-третьих, длительность деловых отношений. Чаще всего соглашения франчайзинга заключаются на продолжительные периоды времени (от нескольких лет до нескольких десятков лет), что в значительной степени ограничивает свободу пользователя — он лишен возможности оставить бизнес без существенных материальных потерь в случае неудачи или утраты интереса. Возможна и обратная ситуация — когда срок договора является недостаточным для пользователя. Это создает некоторую неопределенность в планировании работы. Тем более что договор может содержать запрет на открытие конкурирующих организаций в течение определенного срока или на определенной территории.

В-четвертых, существует риск смены правообладателя. Тот правообладатель, с которым пользователь заключил договор франчайзинга, может продать свой бизнес третьему лицу. Оно может изменить свою политику в отношении своих пользователей не в лучшую для них сторону.

В-пятых, пользователь зависит от репутации правообладателя. Если пострадает репутация правообладателя,

то и пользователь может утратить свое доброе имя и репутацию.

Таким образом, заключение договора франчайзинга имеет свои особенности. Он должен быть заключен в письменной форме и зарегистрирован в Федеральной службе по интеллектуальной собственности; передать по договору можно только исключительные права; договор может быть срочным или без указания срока действия; он может содержать указание на определенную территорию ведения бизнеса; сторонами сделки могут

быть только организации или индивидуальные предприниматели; правообладатель может получить вознаграждение в виде разового платежа, периодических выплат либо комбинированно. Специфика данных отношений также проявляется и в обязанностях сторон по договору (ст. 1031 и 1032 ГК РФ). Так, пользователь после покупки франшизы обязан следить за тем, чтобы качество оказываемых работ и/или продаваемых товаров полностью соответствовало качеству того же у правообладателя.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Официальный сайт Российской ассоциации франчайзинга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusfranch.ru/> (дата обращения 12.07.2021)
3. Постановление 9 ААС от 04.09.2020 № 09АП-25891/2020 по делу № А40-343378/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
4. Постановление 9 ААС от 05.05.2021 № 09АП-70935/2019 по делу № А40-200808/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.03.2021 № С01-163/2021 по делу № А40-272109/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13.05.2021 № С01-733/2021 по делу № А65-5081/2020. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
7. Российский франчайзинг — 2021. Статистика рынка. Издание: franshiza.ru. Электронный ресурс. Режим доступа: https://franshiza.ru/article/read/statistika_rynka_franchisinga_2021/ (дата обращения 12.07.2021)
8. Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 11. Ст. 1100.

Нормативно-правовое регулирование организационно-технических мероприятий по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на опасных производственных объектах

Мацкевич Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

В статье рассмотрено понятие опасных производственных объектов, выделены основные уровни нормативно-правового регулирования организационно-технических мероприятий по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на опасных производственных объектах.

Ключевые слова: промышленная безопасность, опасные производственные объекты, чрезвычайная ситуация, производственный контроль.

Поддержание безопасных и здоровых условий труда требуется государственными нормативными актами, а также имеет смысл по экономическим соображениям бизнеса. Нормативно-правовое регулирование организационно-технических мероприятий по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на опасных производственных объектах имеет важнейшее значение в области промышленной безопасности, так как жесткое

нормативное регламентирование функционирования опасных объектов позволяет предотвратить многие аварийные ситуации путем простого соблюдения установленных требований.

В целях осуществления госполитики в области промышленной безопасности Президент России или по его поручению правительство определяет основные нормы в области промышленной безопасности и возлагает

на них осуществление соответствующего нормативного регулирования, а также специальных разрешительных, контрольных и надзорных функций в данной области.

Опасными производственными объектами (ОПО) — являются предприятия или их цехи, участки, площадки, а также иные производственные объекты. Самостоятельной отрасли законодательства, как и отрасли права, предметом которых являлись бы отношения исключительно в области промышленной безопасности, не существует. В связи с этим ст. 71 и ст. 72 Конституции РФ, разделяющие в том числе отрасли законодательства на предметы исключительного ведения Российской Федерации или совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, не упоминают «законодательство в области опасных производственных объектов» [8].

Основополагающим федеральным законодательным актом, определяющим общие для Российской Федерации организационно-технические мероприятия по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на ОПО, является Федеральный закон от 11 ноября 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [1]. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» выделяет основные задачи, решение которых является целью данного нормативного правового акта. Для решения этих задач определены превентивные меры, в целях недопущения наступления неконтролируемых последствий, и требования к локализации и ликвидации последствий аварий [2].

Конкретные мероприятия по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на ОПО определяются системой международных и национальных стандартов Российской Федерации. Например, ГОСТ Р 22.0.07-95 [5] и ГОСТ Р 12.3.047-2012 [6]. Стандарты, как правило, разрабатываются и публикуются, чтобы предложить руководящие принципы для использования в том числе на ОПО.

Приказы МЧС России от 4.11.2004 № 506 [3] и от 25.10.2004 № 484 [4] устанавливают обязательность разработки паспорта безопасности опасного объекта, степени риска чрезвычайных ситуаций.

Существуют директивы, помогающие производителям понимать предписанные требования и следовать им. Эти директивы, как правило, представляют собой коммерческие правила, опубликованные юридически уполномоченными организациями, но, что важно, не являющиеся нормативным правовым актом. Однако, например, директивы ЕС являются в некотором роде уникальным случаем. Европейский союз (ЕС) требует от своих государств-членов достижения определенных целей, и страны-члены используют директивы для достижения таких целей. Во многих случаях директивы включены в национальное законодательство [7, с. 238].

Если обобщить все причины возникновения чрезвычайных ситуаций, характерных для ОПО, то можно составить следующую классификацию их:

1. Организационные: отсутствие или некачественное проведение инструктажа и обучения; отсутствие инструкций по охране труда; недостаточный контроль охраны труда; неудовлетворительная организация и содержание рабочих мест; нарушение правил безопасности и эксплуатации.

2. Технические: несоответствие нормам безопасности конструкции технологического оборудования и подъемно-транспортных устройств, технологической оснастки, ручного механизированного инструмента; отсутствие или недостаточная надежность защитных устройств, наличие потенциально опасных зон; отсутствие указаний о способах и средствах безопасного выполнения работ; несоблюдение сроков технического обслуживания и ремонта машин и оборудования; неисправность технологического оборудования, техники, оснастки, подъемно-транспортных устройств, ручного механизированного инструмента.

3. Санитарно-гигиенические: неблагоприятные метеорологические условия; высокая концентрация вредных веществ в воздухе рабочей зоны; неудовлетворительные условия освещения; высокий уровень шума и вибрации.

4. Психофизиологические: совершение ошибочных действий механизаторами, колхозниками вследствие тяжести и напряженности труда, повышенной утомляемости, снижения внимательности; недостаточная профессиональная подготовленность; нарушение правил безопасного выполнения работ, трудовой и производственной дисциплины; несоответствие психофизиологических данных работающего выполняемой работе или его болезненное состояние и т. д.

Соответственно, необходимо принятие регламентационных требований к информатизации производственного контроля на ОП для более эффективного решения таких задач как:

- регулярная оценка безопасности на производстве (для этого проводятся лабораторные исследования вредных факторов);
- обеспечение соблюдения технологии производственного процесса всеми сотрудниками предприятия;
- разработка мер предупреждения аварийных ситуаций.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование организационно-технических мероприятий по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций на ОПО главным образом было реализовано более 20 лет назад. В тоже время, цифровая экономика и значительное изменение особенностей производственных процессов требует пересмотра ряда правовых норм, стандартов и прочих регламентирующих документов в сторону обязательности установки современных аппаратных и информационно-аналитических средств производственного контроля.

Литература:

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного техногенного характера».
2. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».
3. Приказ МЧС России от 4.11.2004 № 506 «Об утверждении типового паспорта безопасности опасного объекта».
4. Приказ МЧС России от 25.10.2004 № 484 «Об утверждении типового паспорта безопасности территорий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».
5. ГОСТ Р 22.0.07-95. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Источники техногенных чрезвычайных ситуаций. Классификация и номенклатура поражающих факторов и их параметров.
6. ГОСТ Р 12.3.047-2012. Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Пожарная безопасность технологических процессов. Общие требования. Методы контроля.
7. Васильев, Ф.П. Административно-правовое регулирование вопросов промышленной безопасности опасных производственных объектов в России и их необходимость совершенствования/Ф.П. Васильев, В.И. Долинко, А.А. Сукиасян // Матрица научного познания. — 2017. — № 3. — с. 237-282.
8. Кудрявцев, С.С. Нормативная и законодательная базы в области обеспечения экологической безопасности и управления рисками на химических производствах/С.С. Кудрявцев, П.В. Емелин, А.Ж. Амиров, А.Д. Нургулиева, А.А. Рахимберлина // Труды университета. — 2018. — № 4 (73). — с. 63-68.
9. Фалеев, М.И. Зарубежный опыт в формировании организационных структур и законодательной базы в области защиты населения и территорий/М.И. Фалеев, Ю.Д. Макиев, В.П. Малышев // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. — 2018. — Т. 8. — № 2 (15). — с. 10-26.

Разграничение составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ

Медведева Дарья Андреевна, студент магистратуры

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

В рассматриваемой статье анализируются нормы, которые предусматривают ответственность за хищение электронных денежных средств.

Большой интерес вызывают правонарушения, связанные с п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного Кодекса Российской Федерации и ст. 159.3 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), так как составы перечисленных статей относятся к разновидности информационных правонарушений. С помощью проведенного анализа сформулированы практические предписания, отвечающие интересам правоприменителя при квалификации преступлений связанных с использованием безналичных денежных средств и преступлений, связанных с электронными платежами.

Ключевые слова: мошенничество, информационные преступления, кража, безналичные деньги, электронные деньги.

Ч. 3 ст. 158 УК РФ дополнилась пунктом «Г» (Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [1]). Указанный пункт включает в себя признак хищения денежных средств с банковского счета, иначе можно сказать хищение электронных денежных средств. Стоит сразу отметить, что указанный признак применяется при отсутствии признака деяния, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ.

Помимо указанного законодатель внес изменения в ст. 159.3 УК РФ, которая теперь также предусматривает ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа.

В связи с внесенными изменениями наказание за совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.3 УК РФ,

ужесточено до трех лет лишения свободы, ранее санкция статьи предусматривала два года лишения свободы.

После внесенных изменений закономерно возникает вопрос о том, как правильно квалифицировать преступления, связанные с электронными денежными средствами предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 и нарушения, предусмотренные ст. 159.3 УК РФ?

К преступным деяниям информационного характера можно отнести общественно опасные преступления, обязательным предметом которых является информация, объектом нарушения будут являться отношения, связанные с информационной защищенностью, а метод совершения включает в себя информационное влияние на потерпевшего [7, с. 56].

Из анализа п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ можно сделать вывод о том, что преступление должно совершаться дистанционно, с помощью каких-либо информационных операций.

Из редакции п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» [2] можно сделать вывод том, что деньги должны быть похищены исключительно с использованием электронных средств платежа.

Исходя из вышеуказанного можно констатировать, что преступное совершается при помощи дистанционного доступа, что предполагает под собой использование компьютерной техники. Объектом указанного преступления подпадающего под воздействие злоумышленника является информация, при помощи которой можно причинить имущественный вред другому лицу.

Таким образом правонарушение, предусмотренное п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ можно отнести к преступлениям информационного характера.

Советским районным судом г. Томска вынесен приговор № 1-309/2020 от 30.07.2020 в отношении подсудимого классифицировав его действия по п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ. Подсудимый, действуя с корыстной целью, совершил тайное хищение денежных средств с не принадлежащей ему банковской карты, используя банкомат ПАО «Сбербанк России» с целью распоряжения похищенными денежными средствами на свое усмотрение [4].

При рассмотрении состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ и учитывая изложенное ранее, можно резюмировать, что законодатель видит повышенную общественную опасность в указанных статьях по сравнению с традиционным составом мошенничества.

Ведь наказание, указанное в ч. 1 ст. 159 составляет два года лишения свободы, в то время как по ч. 1 ст. 159.3-3 года лишения свободы.

Хотя по ч. 2-4 обоих указанных составов преступных деяний наивысшее наказание в виде лишения свободы идентичны, что немного не сходится в предложенной логике.

Нельзя назвать причину неоднозначности подобного решения, по какому же принципу состав выделен в отдельную статью состав правонарушения, предусмотренный ст. 159.3 УК РФ.

В рассматриваемой ситуации возможны два варианта по отдельности либо в сочетании. Во-первых, в силу повышенной социальной угрозы, во-вторых, в силу распространённости указанного нарушения в реальной жизни.

Из указанного можно сделать вывод о том, что рассматриваемые преступления относятся к компьютерным преступлениям в широком смысле.

Под электронным средством платежа понимается средство или метод, позволяющий заказчику оператора управлять денежными средствами, начислять, передавать распоряжения для осуществления перевода денег в рамках безналичных расчетов с помощью компьютерных технологий, платежных карт, а также иных технических устройств.

В современном мире человек каждый день сталкивается с использованием технических устройств для осуществления электронных платежей.

Согласно предложенному определению, все технические устройства, связанные с переводом денежных средств, в большинстве случаев можно отнести к компьютерной технике.

Относительно наказания по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (при отсутствии признаков преступного деяния, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса), то оно составляет 6 лет.

Все также остается вопрос относительно мнения законодателя при определении наказания в столь схожих признаках преступлений: 3 года — за ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, 6 лет — за п. «Г» ч. 3 ст. 158.

Схожесть составов заключается в совершении операций с применением электронных средств платежа. К электронным денежным средствам относятся деньги, в отношении которых лицо может передавать распоряжения, но исключительно с применением электронных средств платежа. Представляется, что данное понятие подлежит последующему обсуждению и устранению [5].

При всей схожести рассматриваемых статей стоит обратить внимание на их различия. В первую очередь, для квалификации по ст. 159.3 УК РФ нужен обман либо злоупотребление доверием.

Приговором Кировского районного суда г. Томска вынесен приговор по делу № 1-28/2019 от 13.02.2020 в отношении В., которым его действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. Подсудимый, найдя банковскую карту на чужое имя, решил похитить денежные средства. В торговом центре путем обмана работников торговых организаций, умолчав о незаконности владения картой, В. осуществил расчет за приобретаемый товар с помощью прикладывания банковской карты к терминалу [3].

Для понимания сущности состава правонарушения необходимо ответить на вопрос можно ли отнести преступление, предусмотренное п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, компьютерным преступным деянием в широком смысле.

Учитывая то, что отношения безналичных денежных средств напрямую сопряжены с применением компьютерной техники, то в преступлениях, связанных с хищением средств с банковского счета, все не так просто, ведь замысел законодателя не до конца ясен.

Таким образом, можно сказать, что законодатель уравнивает средства на счете и безналичные средства, но различие все-таки заключается в том, что в последнем случае деньги находятся у оператора без открытия счета.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что преступление, предусмотренное п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, относится к компьютерным преступным деяниям в широком смысле.

Из анализа научной литературы следует, что разграничение составов, предусмотренных ст. 159.3 УК РФ и п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, следует проводить с тем, что по ст. 159.3 УК РФ определяет хищение с помощью обмана, введения в заблуждение потерпевшего либо лица, которое совер-

шает финансовые операции с электронными денежными средствами. В иных случаях деяние следует квалифицировать по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ или п. «В» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ [6].

Остается спорным вопрос о квалификации мошенничества в случаях с совершением финансовых операций с электронными денежными средствами при введении в заблуждение другого лица. Предполагаю, что, с учетом вышеизложенного в рассматриваемой ситуации усматриваются признаки другой формы хищения — кражи.

К квалификации преступлений по ст. 159.3 УК РФ относятся такие способы совершения правонарушения, которые включают в себя подлог или злоупотребление доверием, т.е. направлены на информационное влияние на сознание человека, а еще хищение денег с помощью использования компьютерной техники. В случае с применением компьютерной техники не важно кто осуществляет операцию злоумышленник или сам пострадавший.

К таким случаям можно отнести такие жизненные ситуации как:

— ситуации, когда мошенники с использованием телефонных звонков заставляют потерпевшего совершать операции с компьютером, по завершению которых происходит списание денежных средств.

— ситуации, когда мошенники с помощью подставных банкоматов, несуществующих интернет-магазинов, когда потерпевший заблуждается относительно свойств банкомата, либо лицо совершает операции по переводу денег на счет ненастоящего магазина.

К мошенническим действиям не относятся деяния, совершаемые по телефону или же являющиеся скиммингом, когда преступник обманным путем добывает данные кредитной карты, хоть преступление происходит лишь через какое-то время, в данном случае это содержит в себе признаки тайного хищения чужого имущества.

Не так давно освещался новый метод мошенничества, который, по моему суждению, подпадает под ст. 159.3 УК РФ. Он заключается в том, что преступник, стоя в очереди в банкомат перед потерпевшим, вводит в банкомат определённые данные, но не заканчивает операцию. В случае если следующий за ним человек подходит к банкомату и при помощи своей карты в течение недлительного времени завершает её, не сориентировавшись в ситуации, то с его карты списываются денежные средства.

По п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, следует квалифицировать деяния, которые имеют признаки тайного хищения чужого имущества. К некоторым типичным ситуациям подобного рода можно отнести использование похищенных банковских карт.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 N 111-ФЗ
2. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ
3. Приговор Кировского районного суда г. Томска от 13.02.2020 по делу № 1-28/2020
4. Приговор Советского районного суда г. Томска от 30.07.2020 по делу № 1-309/2020
5. Мирончик, А. С., Сулопаров А. В. — Хищения в электронной среде как разновидность информационных преступлений: проблемы разграничения и квалификации // Юридические исследования. — 2019. — № 9.
6. Огородникова, Н. А., Цалоева А. Г. Мошенничество с использованием платёжных карт или в сфере компьютерной информации: к вопросу о разграничении. 2019
7. Сулопаров, А. В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера: дис. канд. юрид. наук. Красноярск, 2010.

Сравнение составов преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ

Медведева Дарья Андреевна, студент магистратуры

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

В настоящей статье рассматриваются п. Г ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 Уголовного Кодекса российской Федерации (далее — УК РФ), а именно проведен анализ преступлений таких как мошенничество с применением электронных средств платежа, а также изменения, касающиеся данных статей.

Ключевые слова: хищение, мошенничество, безналичные денежные средства, объективная сторона.

В настоящее время достаточно распространенным является расчет безналичными денежными средствами,

что само собой стало не осталось без внимания преступников. Из формулировки ч. 3 ст. 158 УК РФ можно сде-

лать вывод о необходимости разделения таких составов как кража средств с банковских счетов от состава правонарушения, который заложен в ст. 159.3 УК РФ кража либо мошенничество.

Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в главу 21 УК РФ были внесены изменения. Часть 3 ст. 158 УК РФ дополнена нововведением, а конкретно новым признаком стало хищение с банковского счета. Вместе с редакцией указанной статьи изменена ч. 1 ст. 159.3 УК РФ [3].

П. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ схожи между собой, а если конкретно, то предметом — электронные средства платежа. Разграничение между преступлениями проводится по способу совершения правонарушения. Мошенничество подразумевает под собой наличие физического лица, ведь для квалификации преступления необходим субъект, который подвергается обману или злоупотреблению доверием.

Из пояснительной записки к законодательству [2] следует, что предпосылкой таких нововведений послужила острая необходимость в связи с распространением преступлений связанных с хищением средств с банковских счетов и электронных денежных средств.

Согласно уголовному законодательству кража подразумевает под собой тайное хищение чужого имущества, а под мошенничеством понимается хищение чужого имущества, либо приобретения права на имущества путем злоупотребления доверием или же при помощи обмана.

Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что составы преступлений, предусмотренные п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ различаются по способу совершения преступления.

Согласно п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ способами кражи не может являться незаконное воздействие программных средств на программное обеспечение компьютерных систем и подлог. К правонарушениям указанной статьи можно отнести действия, которые связаны с изъятием безналичных денежных средств с использованием заранее полученной конфиденциальной информации о владельце платежной карты, сим-карты и все случаи применения электронного средства платежа для хищения безналичных средств, в том числе действия, которые можно рассматривать в качестве мошенничества по ст. 159.3 УК РФ.

Таким образом можно сказать, что нельзя считать метод обмана совершения преступления указанный в ст. 159.3 УК РФ в качестве признания и его выделения в качестве мошенничества.

Можно считать, что обманный метод совершения правонарушения, содержащегося в ст. 159.3 УК РФ, не может служить критерием для выделения и признания его мошенничеством. В рассматриваемом случае изъятие денежных средств происходит при помощи электронного средства, например, кредитной карты, компьютерной техники, а также терминалы для безналичной оплаты товара.

В последнем примере работник торговой организации всего лишь дает возможность преступнику воспользоваться

терминалом для перевода денежных средств при этом сотрудник не знает истинного владельца платежной карты.

В своем Постановлении Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что «состав мошенничества не образуется в случае с хищением денежных средств с использованием заблаговременно украденной или же фальшивой платежной карты. Это относится к случаям снятия денежных средств с использованием банкомата, в отсутствии уполномоченного сотрудника банка» [1].

В рассматриваемом случае применяется квалификация п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, это вызвано действиями самого преступника ведь его действия осуществляются тайно, в отсутствие владельца карты или же другого лица.

В то время как целью мошенничества можно считать введение в заблуждение, обману лица для побуждения последнего к действиям связанными с передачей денежных средств по собственной воле злоумышленнику, в отсутствие желания у потерпевшего возразить против указанной передачи.

Приговором Асиновского городского суда от 29.07.2020 по делу № 1-91/2020 Карпович признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ. Так находясь дома, у своего знакомого В. обнаружил на холодильнике банковскую карту ПАО «Сбербанк России», выпущенную на имя В., а также телефон, к которому была подключена услуга «Мобильный банк», и управляя им, осуществил перевод денежных средств в свое владение и скрылся с места совершения преступления [5].

Также в своем Постановлении Верховный Суд Российской Федерации указал, что под квалификацию преступления по ст. 159.3 УК РФ подпадают действия преступника, при которых он совершает хищение при помощи введения в заблуждение другого лица, а конкретнее сообщает ему заведомо ложную информацию о собственнике карты, о правомерных основаниях приобретения указанной карты или же умалчивает о противозаконном владении картой.

Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что злоумышленник использует банковскую карту, принадлежащую другому лицу, сообщает ложную информацию или же, наоборот, скрывает эту информацию от работника кредитной, торговой или иной другой организации и использует денежные средства с карты по своему усмотрению.

Как отмечает П. С. Яни, в судебной практике встречаются случаи квалификации судами преступлений, связанных с оплатой товаров в магазине незаконной полученной банковской картой по п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В своих решениях суды ссылаются на то, что сотрудник организации, принимающей карту, не знает о факте незаконности использования карты и об обмане, так как не знает настоящего владельца банковской карты.

В такой ситуации можно сказать, что при предоставлении карты работнику организации без документов, удостоверяющих личность, её держатель не обманывает и не вводит в заблуждение сотрудника, хоть он и скрывает свою личность [9, с. 30-35].

Так, согласно приговору Северского городского суда по делу № 1-143/2020 от 30.07.2020 г., Емельянов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ. Подсудимый из корыстных побуждений с целью хищения чужого имущества похитил из сумки А. банковские карты ПАО «ВТБ», и ПАО «Сбербанк России». После содеянного Емельянов просил знакомого М., который не знал о преступных намерениях Емельянова, осуществить снятие денежных средств с банковских карт. М. согласился и осуществил снятие денежных средств [4].

К квалификации преступления в виде кражи можно отнести ситуацию, когда преступник получает в свое распоряжение денежные средства с карты, принадлежащей иному лицу, либо при использовании фальшивой карты.

Исходя из наказания, указанного в ч. 3 ст. 158 УК РФ к краже в крупном размере можно приравнять тайное хищение безналичных и электронных денежных средств, хоть хищение и наличных, и безналичных, и электронных денежных средств по своему характеру и степени общественной опасности идентичны.

При внесении изменений в 2018 году произошло уравнивание максимальных наказаний за кражу денежных средств с банковского счета, электронных денежных средств, а также за компьютерное мошенничество, связанное с подобным квалифицирующим признаком. И если по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ наказание в виде лишения свободы составляет 6 лет, то по ч. 1 ст. 159.3 УК РФ — всего 3 года, что представляется несправедливым при тайном хищении сумм меньшего размера. Хотелось бы отметить, что банкомат возможно приравнять к электронному средству платежа, «ведь он подразумевает под собой электронную передачу денежных средств оператору» [6, с. 22-32].

В случаях, когда преступник получает личные данные владельца карты (номер карты, пароль и т.п.) обманным путем, Верховный Суд Российской Федерации предлагает относить такие случаи к краже.

Хотя в связи с введением п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ сразу появился вопрос о необходимости вменения данного признака в подобных ситуациях.

Ситуации, когда преступник завладевает денежными средствами путем перевода их на собственную карту с ис-

пользованием устройства потерпевшего, Верховный Суд Российской Федерации относит их к краже, хоть владелец устройства и был введен в заблуждение.

Разграничением мошенничества в области компьютерной информации и «компьютерной кражи» служат действия виновного, а именно действия, которые можно было бы охарактеризовать как «компьютерный взлом» [8, с. 16-22].

В подобных ситуациях нельзя исключать применение особых программ, которые позволяют тайно подключаться к системам интернет-банка либо мобильного банка или создавать обманные сайты, при которых у преступника имеется возможность распоряжаться денежными средствами иных лиц.

Указанный случай не относится к ситуациям, при которых заведомо ложная информация распространяется в информационно-телекоммуникационной сети, что должно квалифицироваться как мошенничество. В рассматриваемом случае лицо вводится в заблуждение и по собственному желанию переводит денежные средства преступнику.

К методам мошенничества с использованием компьютерной техники можно отнести взлом паролей, кражу банковских реквизитов, таким образом «виновное лицо умышленно осуществляет доступ к защищенной информации, не имея на это правомочий» [7, с. 110-115].

Из всего вышеуказанного можно сделать вывод о том, что в настоящее время проблематичным остается разграничение кражи с банковского счета и мошенничества с применением электронных средств платежа, сюда же можно отнести мошенничество в области компьютерной информации, совершенного с банковского счета, в силу схожести предмета посягательства и метода его совершения.

Для решения указанной проблемы можно попробовать исключить из Уголовного Кодекса Российской Федерации рассматриваемые статьи и дополнить его новой статьей под названием «Хищение с использованием информационных технологий». Исходя из самого названия можно понять, что оно объединяет в себе все формы хищения по признакам и способам их совершения, что повышало бы степень общественной опасности содеянного преступления.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».
2. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 № 111-ФЗ
4. Приговор Северского городского суда от 30.07.2020 по делу № 1-143/2020
5. Приговор Асиновского городского суда от 29.07.2020 по делу № 1-91/2020
6. Абрамова, Е. Н. Электронное средство платежа как комплексный объект гражданских прав // Банковское право. 2018. № 1.
7. Бархатова, Е. Н. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и его разграничение с иными составами преступлений // Современное право. 2016. № 9.

8. Шарапов, Р. Д. Постановление Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: заметки на полях // Криминалистика. 2018. № 4.
9. Яни, П. С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4.

Уголовно-правовая характеристика нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств

Миронов Александр Андреевич, студент

Научный руководитель: Ефимова Мария Прометеевна, старший преподаватель
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Актуальность работы. Автомобильный транспорт играет важную роль в развитии транспортной системы страны. В то же время в системе обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств существует ряд серьезных проблем социально-экономического, административно-правового, уголовно-правового характера, которые определяют необходимость государственных мер по снижению отрицательных последствий автомобилизации для развития государства и общества.

Нарушения правил дорожного движения могут включать превышение разрешенной скорости, нарушение правил обгона и обгона, нарушение правил остановки и стоянки, проезд через перекрестки, железнодорожные переезды, неправильное маневрирование на дороге. Нарушение правил эксплуатации транспортных средств выражается в нарушении правил перевозки людей и грузов, в эксплуатации технически неисправных транспортных средств.

По оценкам экспертов, ущерб от аварий во много раз превышает ущерб от железнодорожных аварий, пожаров и других видов аварий. Каждая треть от общего количества дорожно-транспортных происшествий является преступлением, что подтверждается статистическими данными.

Впервые правонарушения, нарушающие безопасную эксплуатацию транспортных средств, были выделены в российском законодательстве в качестве самостоятельной главы Уголовного кодекса. Это связано с тем, что на современном этапе развития общества, с увеличением количества транспортных средств, значительно возрастает распространенность и опасность преступлений, посягающих на функционирование безопасного транспорта для людей и общества.

В 27 главе УК предусмотрены такие преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, как:

- нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта (статья 263);
- нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264);
- недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями (статья 266);

- приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267);
- нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (статья 268);
- неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие (статья 270);
- нарушение правил международных полетов (статья 271).

Выделение этих правонарушений в самостоятельную главу обусловлено их посягательством на общий объект — общественные отношения, обеспечивающие безопасность эксплуатации и эксплуатации железнодорожного, водного, автомобильного, воздушного, трубопроводного транспорта.

При привлечении лица к уголовной ответственности по статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо установить следующие элементы состава, характеризующие объективную сторону этих преступных действий: нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; наступление тяжёлого или умеренного вреда здоровью человека; Причинно-следственная связь между поступком и возникшими пагубными последствиями.

Дорожное движение — это совокупность социальных отношений, которые возникают в процессе перевозки людей и товаров по дорогам с использованием транспортных средств или без них. Основными принципами обеспечения его безопасности являются:

- приоритет жизни и здоровья граждан, участвующих в дорожном движении, над экономическими результатами хозяйственной деятельности;
- приоритет ответственности государства за обеспечение безопасности дорожного движения над ответственностью граждан, участвующих в дорожном движении;
- соблюдение интересов граждан, общества и государства при обеспечении безопасности дорожного движения;
- Программно-целевой подход к мероприятиям по обеспечению безопасности дорожного движения (Закон о безопасности дорожного движения).

По составу преступления по ст. 264 УК РФ требуется, чтобы общественно опасные действия (бездействие) лица выражались в нарушении правил дорожного дви-

жения или правил эксплуатации. При привлечении преступников к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ, прежде всего должен быть установлен факт нарушения этих правил.

Правила дорожного движения — это единый документ, устанавливающий правила дорожного движения по всей России.

Правила дорожного движения учитывают, что регулирование поведения транспорта, движения товаров и определенных характеристик транспорта может устанавливаться другими правилами. Однако по отношению к ним правила дорожного движения являются основным и определяющим документом.

Таким образом, правила устанавливают определенную последовательность дорожного движения, то есть определяют сферу правового регулирования. Эта область охватывает только связи с общественной, связанные с дорожным движением, и не распространяется на другие виды дорожного движения. Под дорожным движением понимается сложная социально-техническая система, состоящая из пешеходов, водителей, пассажиров и различных транспортных средств, передвижение которых подчиняется определенным правилам.

Содержание судебной практики свидетельствует о том, что неправильное определение характера нарушения, совершенного правонарушителем, обязательно отражает неправильную юридическую силу преступления. Иногда суды применяют ст. 264 УК РФ в случаях, когда необходимо было применить другие статьи УК: о правонарушениях против личности, о нарушении правил охраны труда, о проступках.

По ст. 264 УК РФ разъясняются только в том случае, если нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспорта имеет вредные последствия. Нарушения правил дорожного движения, не имеющие серьезных последствий, несут административную ответственность, поскольку степень общественной опасности таких нарушений относительно невысока.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что наиболее правильно устанавливать уголовную ответственность только за нарушение правил дорожного движения и за эксплуатацию транспорта, что влечет наступление определенных вредных последствий. УК РФ в ст. 264 указывает вредные последствия, влекущие за собой уголовное преследование по этой статье. Закон разделяет ответственность и наказание в зависимости от тяжести вредных последствий.

Между нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств и последствиями должна существовать причинно-следственная связь, то есть эти нарушения должны быть причиной аварии, ее существенным условием: если бы не было нарушений, авария бы произошла. не произошла бы авария, в результате которой, согласно ст. 264 УК РФ, наступили вредные последствия.

Лицо, управляющее автомобилем, трамваем или другим электромобилем, может быть привлечено к ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств. Прочие электромобили — троллейбусы, тракторы, другие самоходные транспортные средства, мотоциклы и другие транспортные средства, за исключением мопедов и других подобных им транспортных средств, движущиеся по дорогам с помощью двигателя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. № 237;
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021)// Российская газета. — 1996. — 13 июня.
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (принят ГД ФС РФ 20.12.2001) (ред. от 01.07.2021)// Российская газета. 2001. — 30 декабря.
4. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // «Собрание законодательства РФ», 11.12.1995, N 50, ст. 4873.
5. Указ Президента РФ от 15.06.1998 N 711 (ред. от 19.02.2021) «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» (вместе с «Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации»).
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»).
7. Батычко, В. Т., «Уголовное право. Общая и особенная части». Курс лекций. — М.: «Юрайт-Издат», 2018. — с. 45-46.
8. Безверхов, А. Т., Будкина Л. В., «Уголовное право Российской Федерации». Курс лекций — Издательство «Самарский Университет», 2017. — 211 с.
9. Дуюнов, В. Уголовное право России. Общая и Особенная части. М., 2016. — с. 521-522.

Меры по противодействию преступлениям коррупционной направленности

Монгуш Аржаан Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Севрюков Вячеслав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

Статья посвящена противодействию преступлениям коррупционной направленности.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, борьба с преступностью.

В настоящее время для усиления мер по борьбе с преступлениями коррупционной направленности важно понимать сущность самого понятия «коррупция».

Так, по мнению Ю.П. Гармаева, «коррупция представляет собой сложное явление, затрагивающее различные сферы общественной жизни и тесно связанное с другими видами преступной деятельности» [1, с. 261].

Следовательно, под коррупцией можно рассматривать получение кем-либо выгоды и (или) пользы при неправомерном использовании служебного положения в личных корыстных целях. Под выгодой следует понимать различные блага, например, деньги, услуги, незаконное выполнение или невыполнение определенных действий, получение имущественных прав, акций, имущества.

В вопросе противодействия коррупции следует четко разграничивать совершение таких незаконных действий, помимо физических лиц, и юридическими лицами, которые также являются коррупционным правонарушением.

На законодательном уровне не предусматривается каких-либо регламентированных мер противодействия коррупции, а лишь в некоторых отдельных нормативных актах можно встретить определения: «профилактика преступлений коррупционной направленности», «борьба с коррупцией».

Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ под противодействием коррупции следует понимать «деятельность не только органов власти всех уровней, но и организаций всех форм собственности в пределах их полномочий». [2. с. 3]

В последнее десятилетие в условиях глобализации, нормативно-правовых актов по вопросам борьбы с коррупционными явлениями становится все больше. Для их соблюдения физическими и юридическими лицами необходимо убедиться в полном соблюдении определенных требований и условий.

Вопросы, связанные с профилактикой и борьбой с коррупцией, принято регламентировать как национальным законодательством, так и международными договорами.

Важнейший, но не единственный, на сегодняшний день в вопросе противодействия коррупции в Российской Федерации Закон — Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Следует отметить, для государственных органов существует много других нормативных актов, в том числе указы Президента России, постановления Правитель-

ства, регулирующие нормы о противодействии коррупционных правонарушений.

В частности, меры по противодействию коррупции отражены в следующих нормативных актах:

— Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3];

— Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

— Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4];

— Федеральный закон от 07.05.2013 N 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [5];

— Указ Президента РФ от 19.05.2008 N 815 «О мерах по противодействию коррупции» [6];

— Указ Президента РФ от 21.07.2010 N 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [7];

— Указ Президента РФ от 08.07.2013 N 613 «Вопросы противодействия коррупции» [8];

— Указ Президента РФ от 15.07.2015 N 364 (ред. от 19.09.2017) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» [9];

— постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [10] и другие.

В силу п. п. «а» п. 2 ст. 1 Закона Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ «профилактика коррупции — это предупреждение, выявление и устранение причин возникновения коррупции» [2. с. 3].

Важнейшие меры профилактики коррупционных правонарушений описаны в ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ. Исходя из приведенных мер в каждом государственном органе принимаются определенные документы, также должны быть созданы рабочие комиссии по противодействию коррупции, издан план противодействия коррупции.

В обществе и, в частности в каждой организации, независимо от организационно-правовой формы, должна

проводится работа по формированию нетерпимости к коррупции.

Борьба с коррупционными правонарушениями, наряду с их профилактикой, заключается также в выявлении и предупреждении таких преступлений на ранней стадии. Помимо этого, конечно же, она подразумевает раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности. Данная норма нашла свое отражение в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ.

Раскрытием и расследованием коррупционных преступлений, как правило, занимаются правоохранительные органы, такие как Следственный комитет Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации и т. п. Общий надзор за деятельностью этих органов осуществляет Генеральная прокуратура РФ и прокуратуры субъектов РФ.

Важнейшую роль в вопросах противодействия коррупции играет также Центральный банк Российской Федерации. Так, Центральным банком РФ, на основании запросов Генеральной прокуратуры, выполняется функция регулятора финансового рынка, которая выражается в предоставлении необходимой информации о движении

денежных активов граждан и организаций как за рубежом, так и внутри страны.

Как мы уже отмечали, меры по сокращению последствий коррупционных явлений в обществе законом не определены, но, зачастую, они напрямую связаны с ее профилактикой. Так, в государственном органе можно утвердить план противодействия коррупции, где будут определены данные меры, например, своевременное выявление коррупции или необходимость ротации кадров на ключевых местах организации.

Вместе с тем, следует согласиться с И. С. Алихаджиевой, «меры по раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений, как и любое противодействие, предполагает и адекватную государственную реакцию в виде применения строго регламентированных санкций» [11, с. 28].

Таким образом, комплекс мер по борьбе с преступлениями коррупционной направленности должен выполняться на разных сферах общества — политических, социальных и экономических. Применяемые меры должны быть сплочены общей целью: укоренением криминальных последствий коррупции, причин, вызывающих коррупцию, созданием идеологии нетерпимости к коррупционным явлениям.

Литература:

1. Ю. П. Гармаев «Междисциплинарный подход к формированию системы антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации» // Вестник ВГУ. Серия: Право, 3, 2020г с. 261;
2. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции» // «Российская газета», N 266, 30.12.2008;
3. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // «Российская газета», N 162, 31.07.2004;
4. Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // «Российская газета», N 133, 22.07.2009;
5. Федеральный закон от 07.05.2013 N 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // «Российская газета», N 100, 14.05.2013;
6. Указ Президента РФ от 19.05.2008 N 815 «О мерах по противодействию коррупции» // «Российская газета», N 108, 22.05.2008;
7. Указ Президента РФ от 21.07.2010 N 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // «Российская газета», N 162, 23.07.2010;
8. Указ Президента РФ от 08.07.2013 N 613 «Вопросы противодействия коррупции» // «Российская газета», N 148, 10.07.2013;
9. Указ Президента РФ от 15.07.2015 N 364 (ред. от 19.09.2017) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2015, N 29 (часть II), ст. 4477;
10. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 N 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // «Собрание законодательства РФ», 08.03.2010, N 10, ст. 1084;
11. Алихаджиева, И. С. Комментарий к ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» // Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / Под ред. С. Ю. Наумова, С. Е. Чаннова. М.: Юстицинформ, 2009. с. 28.
12. <https://minenergo.gov.ru/node/459>

Правовая политика Европейского союза в отношении реализации прав лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам

Оказова Яна Аслановна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

«Я не собираюсь останавливаться на достигнутом, когда дело касается создания Союза равноправия. Союз, в котором вы можете быть тем, кто вы есть, и любить того, кого хотите, без страха обвинений или дискриминации. Потому что быть самим собой — не выбранная вами идеология. Это ваша личность. И никто никогда не сможет этого у вас отобрать». Это слова Урсулы фон дер Ляйен, Председателя Европейской комиссии, политика которой в отношении защиты прав лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам будет проанализирована в настоящей статье.

Ключевые слова: международное право, сексуальные меньшинства, Европейский Союз, Европейская Комиссия, права человека.

В настоящей статье речь пойдет о реализации Европейским Союзом (Евросоюз, ЕС) правовой политики, направленной на защиту прав лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам. На данный момент политика ЕС в указанной сфере является наиболее разработанной и разноплановой среди международных организаций. Органами Европейского Союза принято большое количество документов, направленных на улучшение положения лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров, интерсекс людей (ЛГБТИ). Запрет дискриминации как таковой закреплен во всех основных документах ЕС, в том числе в Договоре о функционировании Европейского Союза [1], а непосредственно запрет дискриминации по признаку сексуальной ориентации нашел свое отражение в статье 21 Хартии об основных правах [10].

Если говорить о конкретных актах органов Евросоюза, то начать необходимо со «Списка действий по продвижению равенства ЛГБТИ» [8], представленного в 2015 году Европейской Комиссией (Комиссия). Это первый политический документ, направленный на борьбу с дискриминацией в отношении ЛГБТИ-людей, разработка которого была осуществлена в ответ на резолюцию [11] Европейского Парламента и совместный призыв государств-членов активизировать усилия по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

Перечисленные в документе действия комплексно охватывают все области общественной жизни, имеющие отношение к ЛГБТИ: запрет дискриминации, образование, занятость, здоровье, свободное передвижение, убежище, разжигание ненависти и преступления на почве ненависти, расширение и внешнюю политику.

По итогам каждого года Европейская Комиссия представляла отчеты Европейскому Парламенту, а по завершении последнего года действия программы был представлен комплексный отчет [2]. В целом, Комиссией была проделана большая работа по многочисленным направлениям, что подробно описывается в отчете. Основные направления деятельности и полученные результаты:

1. Европейская Комиссия на протяжении 5 лет работала и продолжает работать с председателями Совета Ев-

ропейского Союза над разработкой законодательства Европейского Союза, которое бы помогало улучшить жизнь ЛГБТИ-людей. Работа велась над Предлагаемой Директивой о равном обращении; вступили в силу Правила о режиме собственности международных пар; Правила, упрощающее обращение некоторых публичных документов между странами-членами ЕС; было положено начало реформы Общевойропейской системы предоставления убежища.

2. Посредством своего мониторинга Комиссия направила внимание на обеспечение соблюдения законодательства ЕС для того, чтобы вопросы, связанные с сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью, принимались во внимание в процессе применения законодательства ЕС государствами-членами ЕС и правильно транспонировались их в национальное законодательство.

Плотная работа была проведена над внедрением Директивы о правах жертв. По состоянию на декабрь 2019 года Комиссия возбудила дела о нарушении прав в отношении неполного переноса положений Директивы о правах жертв в свое законодательство против 25 государств-членов. Комиссия также предоставляла и продолжит предоставление финансирования государственным и частным организациям для поддержки расширения прав жертв преступлений.

3. Комиссия уделяла большое значение вопросам социального принятия ЛГБТИ-людей посредством проведения мероприятий по повышению осведомленности.

4. Комиссия поддерживала государства-члены, гражданское общество и бизнес в их усилиях по борьбе с дискриминацией и продвижению равенства ЛГБТИ. Большой упор был сделан на работу в сфере преступлений на почве ненависти и разжигания ненависти: через Группу высокого уровня по борьбе с расизмом, ксенофобией и другими формами нетерпимости [12]. Комиссия стимулировала и поддерживала инициативы национальных властей по более эффективному реагированию на преступления на почве ненависти и разжигания ненависти, в том числе гомофобного и трансфобного характера.

Еще одним важным шагом стал Добровольный кодекс поведения, согласованный в мае 2016 года с ведущими

ИТ-компаниями, нацеленный на борьбу с разжиганием ненависти в Интернете. Этот инструмент продолжает демонстрировать прогресс в плане противодействия распространению незаконных разжигающих ненависть высказываний в Интернете, в том числе гомофобного и трансфобного характера. Оценка деятельности показывает, что в среднем около 70% подобного содержания удаляется, и подавляющее большинство (почти 90%) уведомлений о таких ситуациях рассматривается в течение 24 часов, как и установлено Кодексом.

5. Поддержка бизнеса и принципа инклюзивности рабочих мест: Комиссия способствует вовлечению ЛГБТИ-людей на рабочие места, поддерживая внедрение Хартий разнообразия через специальную платформу [13]. Хартия разнообразия — это документ, подписывая который, организация-подписант добровольно обязуется продвигать разнообразие и равные возможности на рабочем месте, независимо от возраста, инвалидности, пола, расы или этнического происхождения, религии или сексуальной ориентации. В 2019 году были запущены две новые хартии в Латвии и Греции, что увеличило общее количество таких хартий в Евросоюзе до 24. Более 10000 организаций, охватывающих более 15,3 миллиона сотрудников в ЕС, подписали 24 хартии. В этот перечень входят компании, неправительственные организации и государственные органы. Платформой ЕС по Хартиям разнообразия был организован семинар с участием подписантов хартий на тему «Инклюзивные рабочие места для ЛГБТИ» с панельными дискуссиями и возможностью для обмена передовым опытом.

Перечисленные достижения являются лишь частью из всего достигнутого Европейской Комиссией в рамках программы за 2015-2019 годы. По окончании действия инициативы было принято решение не останавливаться на достигнутом и продолжить проведение такой политики на еще более высоком уровне.

Так, в ноябре 2020 года Европейская Комиссия представила свою первую в истории Стратегию равенства ЛГБТИ+ [7] (Стратегия). Стратегия направлена на борьбу с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации, гендерной идентичности и половых характеристик, которая остается повседневной реальностью для многих ЛГБТИ-людей в Европе [14]. Указанная программа основывается на Списке действий по продвижению равенства ЛГБТИ и годовых отчетах по нему [15]. В Стратегии изложен ряд ключевых целей по четырем направлениям, которые должны быть достигнуты к 2025 году:

1. Борьба с дискриминацией ЛГБТИК, которая включает в себя обеспечение и улучшение правовой защиты; содействие интеграции и разнообразию на рабочем месте; борьбу с неравенством в образовании, здравоохранении, культуре и спорте; предоставление должной защиты в случае ее соискания на международном уровне.

2. Обеспечение безопасности ЛГБТИК, которое включает в себя усиление правовой защиты ЛГБТИК от преступлений на почве ненависти, разжигания не-

нависти и насилия; усиление мер по борьбе с разжиганием ненависти и дезинформацией в Интернете, направленным против ЛГБТИК; сообщение о преступлениях на почве ненависти против ЛГБТИК и обмен передовым опытом в этой сфере.

3. Построение инклюзивных сообществ ЛГБТИК, что включает в себя обеспечение прав ЛГБТИК в трансграничных ситуациях; улучшение правовой защиты однополых семей в трансграничных ситуациях; создание благоприятной среды для гражданского общества.

4. Призыв к равенству ЛГБТИК во всем мире.

Оценивая деятельность Европейского Союза в отношении защиты прав лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам, становится ясно, что организацией проводится огромное количество мероприятий в рамках такой политики. Очевидно, что глобальные изменения — это длительный процесс, требующий определенного количества времени, особенно когда дело касается внедрения тех или иных концепций в странах государств-членов ЕС, ведь каждое из них является самостоятельной единицей. Более того, представления о равенстве ЛГБТИ и дискриминации значительно разнятся по всей территории Евросоюза. По данным Евробарометра поддержка в ЕС равенства ЛГБТИ увеличилась с 71% граждан ЕС в 2015 году до 76% в 2019 году. Однако уровень такой поддержки колеблется от 31% граждан в Словакии до 98% в Швеции. Это означает, что каждый четвертый гражданин ЕС все еще не полностью поддерживает равенство независимо от сексуальной ориентации, гендерной идентичности или половых характеристик человека, и что в некоторых государствах-членах даже 2 из 3 граждан не полностью поддерживают равенство.

Именно поэтому в последние годы Комиссия работала в тесном сотрудничестве с государствами-членами ЕС и всячески форсировала принятие ключевого законодательства для ЛГБТИ на уровне ЕС. Важным достижением стало принятие в 2018 году пересмотренной Директивы об услугах аудиовизуальных средств массовой информации, которая наложила запрет на разжигание ненависти и преступления на почве ненависти, в том числе по признаку сексуальной ориентации. Еще одно достижение связано с упрощением передвижения однополыми парами. ЕС принял правила, упрощающие обращение публичных документов и режимы собственности международных пар, которые также применяются к однополым парам. Но даже существующий прогресс не означает, что все государства-члены теперь признают однополые браки или зарегистрированные партнерские отношения в других государствах-членах. ЛГБТИ-люди по-прежнему сталкиваются с проблемой легального признания их государственных документов, и это естественным образом влияет на их выбор места проживания, учебы и работы.

Наконец, во многих государствах-членах сексуальная ориентация, гендерная идентичность и половые характеристики хоть и являются основаниями для дискриминации, но тем не менее не инкорпорированы в такие области за-

конодательства, как образование, социальная защита и доступ к товарам и услугам. Европейская Комиссия целенаправленно стремилась устранить этот пробел, оказывая постоянную поддержку государствам-членам в принятии предложения о горизонтальной Директиве о равном обращении. Однако, несмотря на усилия Комиссии, единодушного согласия пока достичь не удалось. Европейской Комиссией тщательно отслеживалось соблюдение прав ЛГБТИ и их семей, а также корректное применение государствами-членами ЕС законодательства ЕС в таких областях, как предоставление убежища, гендерное равенство, занятость, права жертв и свободное передвижение. Свою роль сыграл и Суд Европейского Суда. В последние годы им еще раз было подтверждено, что изменение пола [4] [5] [6] подпадает под действие законодательства ЕС о гендерном равенстве, и разъяснил, как могут использоваться заключения экспертов о сексуальной ориентации просителя убежища, обеспечивая при этом соблюдение основных прав просителя убежища [9]. Кроме того, в деле *Комана* [3] Суд пояснил, что термин «супруг», используемый в Директиве о свободном передвижении, также применяется к лицу того же пола, что и гражданин ЕС, с которым он или она состоит в браке.

Наряду со всем вышеописанным очевидно, что какие бы усилия ни были приложены, Комиссия не может бороться с дискриминацией в одиночку. В рамках Списка действий

она активно поддерживала государства-члены, организации гражданского общества и предприятия в эффективной борьбе с дискриминацией, разжиганием ненависти и преступлениями на почве ненависти. Комиссия поддерживала государства-члены через ряд групп высокого уровня, организуя обмен знаниями и проводя исследования. Организации гражданского общества получали поддержку на уровне ЕС и на национальном уровне в рамках программы «Права, равенство и гражданство» по борьбе с дискриминацией ЛГБТИ. Европейские организации гражданского общества ЛГБТИ ежегодно получали операционные гранты на сумму около 1,6 миллиона евро. Ежегодно в рамках проектных грантов организациям гражданского общества на национальном уровне выделялось в среднем 2,1 миллиона евро. Кроме того, программа Эрасмус+ поддержала более 200 проектов, касающихся равенства ЛГБТИ.

Подводя итог, стоит отметить, что нельзя не оценить все те результаты, которые были достигнуты Европейским Союзом в борьбе за права лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам. Но несмотря на это поле для работы еще достаточно обширное. ЕС должен стремиться к увеличению участия государств-членов, в то же время уважая их компетенцию и принимая во внимание различия в отношении их правовых инструментов по борьбе с дискриминацией, что зачастую оказывается задачей очень непростой.

Литература:

1. Договор о функционировании Европейского Союза, Рим, 25 марта 1957 г. (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.).
2. Заключительный отчет 2015-2019 о Перечне действий по продвижению равенства ЛГБТИ, 15 мая 2020 г., Европейская комиссия (https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/report_list_of_actions_2015-19.pdf).
3. «Коман и другие», дело № С-673/16, 5 июня 2018 года, Суд Европейского Союза (Большая Палата).
4. «МБ против Государственного секретаря по вопросам труда и пенсий», дело № С-451/16, 26 июня 2018 г., Суд Европейского Союза.
5. «П против С и Совета графства Корнуолл», дело № С-13/94, 30 апреля 1996 г., Суд Европейского Союза.
6. «Ричард против Государственного секретаря по вопросам труда и пенсий», дело № С-423/04, 27 апреля 2006 г., Суд Европейского Союза.
7. Сообщение от Комиссии Европейскому Парламенту, Совету, Европейскому Экономическому Социальному Комитету и Комитету по регионам «Союз равенства: Стратегия равенства ЛГБТИ на 2020-2025 годы», 12 ноября 2020 г., СОМ (2020) 698 финальный (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0698&from=EN>).
8. Список действий по продвижению равенства ЛГБТИ, декабрь 2015 г., Европейская Комиссия.
9. «Ф против Управления по вопросам иммиграции и гражданства», дело № С-473/16, 25 января 2018 г., Суд Европейского Союза (Третья палата)
10. Хартия Европейского Союза об основных правах, Страсбург, 12 декабря 2007 г., 2016/С 202/02.
11. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-7-2014-0009_EN.html?redirect
12. https://ec.europa.eu/newsroom/just/item-detail.cfm?item_id=51025
13. https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/tackling-discrimination/diversity-management_en
14. <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12410-LGBTI-equality>
15. https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/combating-discrimination/lesbian-gay-bi-trans-and-intersex-equality/list-actions-advance-lgbti-equality_en

Подходы к преподаванию юридических дисциплин на современном этапе развития профессионального образования

Олейник Софья Станиславовна, студент магистратуры

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Говоря о современном преподавании юридических дисциплин в вузах, мы должны в первую очередь обратиться к истории этого вопроса. Здесь следует отметить, что на современность оказал большое влияние застой в этой области в период СССР. Причиной тому специфика законодательства того времени, которое достаточно редко подвергалось изменениям, поэтому педагогический процесс ориентировался на заучивание материала.

В настоящее же время вопрос обучения в правовой области встает особенно остро. В последние два десятилетия в рамках вузовской педагогики возникло новое направление — юридическая педагогика. Первое ее систематическое изложение было представлено в учебнике К. М. Левитана, в котором в общем плане рассматриваются различные формы обучения, как традиционные, так и инновационные (например, семинар исследовательского типа, учебная конференция и др.) [3, 92].

Недостатками работ того времени можно назвать то, что они обращались к общим педагогическим методам, не рассматривая специфики именно юридического образования.

Конституция РФ 1993 г. сделала возможным прямое применение норм международного права в России, т. е. на внутригосударственном уровне.

На сегодняшний день, когда границы страны более открыты и она активно вступает в международные сношения, и международное право сейчас все чаще обращается к вопросам судебных отношений между персоналиями, а не государствами, и возникла необходимость поднять уровень юридического образования вровень с европейским, осуществляющимся инновационными методами.

Закономерно это породило тенденцию заимствования педагогических инноваций из зарубежной практики. Ключевой из них стали игровые процессы, позволяющие имитировать юридическую ситуацию.

Проведение игрового процесса охватывает три этапа:

- 1) подбор материала, необходимого студентам для проведения процесса;
- 2) подготовка процессуальных материалов;
- 3) проведение самого процесса [3, 92].

Значительной дидактической ценностью обладают проводимые в настоящее время международные конкурсы юридической медиации для обучающихся профильных вузов.

Они представляют собой многоэтапные конкурсы, которые проводятся сначала на национальных, а затем на международном уровнях: например, конкурс им. Ф. Джессопа, Международный конкурс по правовому консультированию им. Брауна — Мостена.

Следует отметить, что в соответствии с ФГОС ВПО процент практических занятий по направлению подготовки «Юриспруденция» должен занимать около 70% от лекционных аудиторных занятий, то есть для практики выделено довольно обширное время. Около 30% должны занимать занятия, проводимые в активной и интерактивной форме [5, 217].

Среди практико-ориентированных методов обучения можно также выделить креативно-акцентный подход. Суть его заключается в том, что система обучения выстраивается так, чтобы максимально задействовать инициативу самого обучающегося, а в плане содержательного компонента расставить акценты, выделить наиболее значимые нюансы и направить больше внимания на них, не сосредотачиваясь на устаревшей технологии заучивания.

С этой идеей перекликается и подход к обучению, как формированию правового мировоззрения. В этом подходе перед образованием ставится цель сформировать индивидуальное юридическое мировоззрение специалиста и дать ему органично вписаться в систему общественного мировоззрения и существующего права. Основы формирования правового мировоззрения будущих юристов заложены в трудах С. С. Алексеева [4, 97].

Использование активных методов обучения предполагает взаимодействие учащихся с педагогом, но в том формате, когда инициатива и активность самих учащихся не менее значима, чем активность педагога. Это любые учебные задания творческого, поискового характера, дискуссии, игра, анализ ситуаций, тренинги.

Использование интерактивных методов — это ориентация на совместное творчество студентов, их способность работать над проектом в кооперации, распределять обязанности и осуществлять взаимоконтроль в малых группах.

Это направление тесно связано с проектным методом работы, который в наши дни набирает популярность. Совместная работа над проектом сближает и социализирует студентов, помогает им самостоятельно научиться отбору материала, хорошо закрепляет знания, поскольку является практическим видом работы, и знания, примененные на практике, прочнее усваиваются, чем теоретическое объяснение.

В сфере использования интерактивных методов работа преподавателя в основном является консультативной, он разрешает слишком сложные для студента вопросы, направляет его исследование, когда оно зашло в тупик, указывает, на какие источники информации обратить внимание.

Следует отметить, что все перечисленные методы не обязательно должны использоваться в чистом виде. Зачастую удобно сочетать их, закрепляя практиче-

ской работой лекционный материал. Таким образом в нужной мере учащимся подается теоретическое знание, но и не происходит усталость от абстрактного материала, поскольку он сразу проверяется практикой.

Отдельно необходимо упомянуть технические средства обучения. Прошедший и новый учебный годы поставили перед педагогами нетривиальные задачи, выдвинув на первый план дистанционное обучение, и можно сказать, что и педагоги, и студенты оказались не в полной мере готовы к такой работе.

Перспективы развития в этой области видятся в сфере повышения технической оснащенности ВУЗов и технической подготовленности педагогов. Если технические средства станут обыденностью для преподавательской работы, то менее болезненно будет восприниматься и переход на дистанционное обучение.

Технические средства обучения — это не только способ связи педагога с учениками, но это и метод разнообразить урочную деятельность. Например, это возможность использовать кинематографические произведения в качестве примеров юридических ситуаций, над которыми студентам предстоит дискутировать.

Говоря о технических средствах обучения, необходимо упомянуть проблему представления наглядности в юридическом образовании. Специфика профессии такова, что часто она работает с умозрительными заключениями, которые сложно иллюстрировать. Тем важнее подключать средства визуализации, разгружая память учащихся. Самое очевидное — это использование структурирующих таблиц и схем.

Как уже было сказано выше, возможно обращение к кинематографу, к литературным произведениям, эти методы работы по своей задаче не отличаются от предоставления простых юридических ситуаций. Но при этом в такой форме задания воспринимаются эмоционально окрашено, и информация лучше закрепляется.

В плане готовности студентов к обучению следует говорить о развитии навыков самоорганизации, и опять же

способности работать в малых группах в ходе проектной деятельности.

Использование различных методов не может быть регламентировано одинаково для всех дисциплин, поскольку каждая имеет свою специфику — одни более практик ориентированы и дают простор для реализации проектов, а другие более теоретичны. Индивидуальный подход, понимание возможностей вуза (в частности, финансовых и технических), подготовленности педагога, запроса группы и уровня теоретической подготовки группы — вот те факторы, которые нельзя игнорировать при выборе методов работы.

Обобщая, можно сказать, в настоящее время система методов преподавания в юридическом вузе основана, с одной стороны, на общепринятых формах и методах обучения, как традиционных, так и инновационных, а с другой стороны, в юридическом образовании используются специфические формы обучения, в рамках которых может применяться весь комплекс современных методов [3, 94].

Таким образом, реорганизация системы высшего образования в современный период предполагает как стартовую основу переход к таким методам обучения, которые основаны на конструктивистском, оперативном подходе, вместо традиционного линейного подхода, когда в процессе обучения знания давались впрок (по принципу «чем больше, тем лучше»). И этот парадигмальный сдвиг в системе вузовского образования, подразумевающий внедрение современных педагогических технологий, уже имеет место. Современное образование должно соответствовать реальным потребностям и международным стандартам.

Специфика методической инноватики в юридическом вузе, на наш взгляд, должна быть связана, прежде всего, с наполнением используемых методов конкретным юридическим материалом и алгоритмом его использования в системе применяемых методов, т.е. учебный материал и используемый для его усвоения метод должны быть взаимообусловленными.

Литература:

1. Бобрышов, С.В., Смагина М.В. Методы активизации процесса обучения: Учебное пособие. — Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. — 256 с.
2. Жадан, В.Н. Некоторые подходы в преподавании юридических дисциплин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 4-5, 2017, с. 33-37.
3. Железовская, Г.И., Хижняк В.С. Традиции и инновации в преподавании юридических дисциплин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, № 1, 2018, с. 91-94.
4. Мещерякова, Е.И., Яурова И.С., Бугаков Д.Н. О креативном обучении юридическим дисциплинам // Вестник Воронежского института МВД России, № 1, 2007, с. 95-99.
5. Тарасенко, О.А. Современные методы преподавания юридических дисциплин // Актуальные проблемы российского права, № 9 (70), 2016, с. 217-228.

Основные полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации на примере Республики Крым

Олейник Софья Станиславовна, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье рассматриваются основные полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации на примере Республики Крым. Проводится анализ необходимости нормативно закреплять собственные полномочия муниципальных образований при решении вопросов местного значения, в том числе и при реализации как федеральных, так и региональных целевых программ.

Main powers of Executive authorities of the Russian Federation subjects on the example of the Republic of Crimea

Oleynik Sofya Stanislavovna, student master's degree
Crimean Branch of the Russian State University of Justice (Simferopol)

In the article deals with the main powers of the Executive authorities of the Russian Federation on the example of the Republic of Crimea. An analysis is made of the need to regulate the proper powers of municipalities when dealing with local issues, including when implementing both Federal and regional target programs.

В соответствии с Конституцией РФ [1], субъектов РФ облают правом самостоятельного образования органов исполнительной власти, со своими специфическими особенностями, которые формируются в зависимости от цели. А также в соответствии с со ст. 17 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [5].

Стоит обратить внимание на то, что система органов власти в обязательном порядке должна строиться на фундаментальных принципах:

- гласности;
- разделения властей;
- единства системы публичной власти;
- легитимности;
- соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- ответственности;
- самостоятельности;
- законности;
- суверенитета.

Осуществление работы в соответствии с данными принципами наделяют органы власти целенаправленностью и целостностью, а для государственных служащих является вектором на эффективную деятельность и повышение профессионализма.

Не так давно Республика Крым вошла в состав России, что привело к интенсивной интеграции государственных органов в реалии законодательства Российской Федерации.

Органы исполнительной власти Республике Крым осуществляет свою деятельность, на основании:

- Конституции РФ [1];

- Конституция Республики Крым [2];
- Закон Республики Крым [3] (далее РК.)

В соответствии со статьями 9, 10, 11 Закона РК «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым» [3], структура исполнительной власти строится следующим образом:

- Глава РК;
- Совет министров РК;
- Иные органы исполнительной власти РК;
- Министерства РК;
- Государственные комитеты РК;
- Службы РК;
- Агентства РК;
- Инспекции РК;
- Иные исполнительные органы государственной власти РК.

Следует отметить, что в соответствии с Конституцией РК Глава республики имеет право одновременно занимать пост Председателя Совета Министров РК. **Анализируя систему органов исполнительной власти РК, можно сделать вывод, что данная система разнообразна и в какой-то степени «нагромождена».** Происходит дублирование функций отдельных элементов, что говорит о необходимой оптимизации [6].

Рассмотрим данную проблему, к примеру, два структурных подразделения — Служба государственного строительства РК и администрация РК, которые являются органами исполнительной власти [8].

В соответствии с законодательством РК к полномочиям Служба гос. Строительства РК относятся надзор за «...объектами капитального строительства, выдачу раз-

решений на строительство и разрешений на ввод объектов в эксплуатацию на объекты капитального строительства». В таком случае особые формы контроля и надзора, как самостоятельному (автономному) органы принадлежат Службе капитального строительства Республики Крым, если в положении указано, что ей также отведены полномочия в сфере капитального строительства [11].

Получается, что функции данных учреждений касательно контроля по соблюдению градостроения совпадают, вследствие чего появляется вопрос, в связи с чем, происходит разделение данных функций? По нашему мнению, данное решение не является обоснованным, приводит к увеличению бюрократии, к большому расходу бюджетных средств и уменьшению КПД, следует так же учитывать, что каждая из структур имеет свои подведомственные структуры. Данный факт так же свидетельствует о большом количестве государственных служащих, ряды которых в связи с оптимизацией будут сокращаться, что, несомненно, приведет к большому количеству споров и обращений в суд [10].

Еще одной проблемой может являться вопрос, касательно разграничения функций власти, как между органами, так и между уровнями власти. К примеру, в соответствии с распоряжением главы РК устанавливается разграничение полномочий между такими органами власти, как Глава РК, Совет министров РК, Зам. Председателя правительства РК. В соответствии с данными НПА, полномочия заместителей распределяются по отраслевым направлениям. Изучив данный НПА, можно выдвинуть несколько предложений по совершенствованию данной системы:

а) Глава РК должен выполнять в основном представительскую функцию. Председателем совета министров

должен быть профессиональный управленец, сосредотачивающий в себе максимум исполнительских функций, «деополитизированное» лицо, т.е. должно исключиться влияние общественных партий, объединений, которые преследуют свои цели [10].

б) Необходимо решить вопрос разграничения полномочий Исполнительной власти РК и органов МСУ. В соответствии с Конституцией РФ, органы МСУ имеют определенную самостоятельность в пределах своей компетенции, но в связи с наблюдаемой централизацией власти у Административных образований нет возможно выполнять данные функции в полном объеме, так как для выполнения поставленных задач, необходимо осуществление социального и экономического развития, с помощью использования финансовых средств, но из-за множественных федеральных проектов на территории РК, данные функции исполнить не представляется возможным [9].

Таким образом, необходимо нормативно закреплять собственные полномочия муниципальных образований при решении вопросов местного значения, в том числе и при реализации как федеральных, так и региональных целевых программ [8].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, проблемы разграничения власти, совершенствование исполнительной системы, привлечение на службу квалифицированных кадров проблемы не только отдельной РК, а всей России в целом. Для урегулирования данных проблем необходима комплексная политика, направленная на усовершенствование и оптимизацию органов исполнительной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. URL: [https:// http://constitution.kremlin.ru/](https://http://constitution.kremlin.ru/)
2. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_krim/chapter/948c9c0734b6e944a4727660f2d5a027/
3. Закон Республики Крым от 29 мая 2014 года № 5-ЗКР «О системе исполнительных органов государственной власти Республики Крым» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/23701042/>
4. Распоряжение Главы Республики Крым от 19 февраля 2018 года № 68-рг «Об утверждении временного распределения функциональных обязанностей между Главой Республики Крым, Председателем Совета министров Республики Крым, заместителями Председателя Совета министров Республики Крым» [Электронный ресурс]. URL: <https://rk.gov.ru/ru/document/show/12312>
5. Акчурина, А.В. Взаимодействие Федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Москва, 2015. с. 35-40.
6. Москалец, А. П., Пучков В. А., Торгов О. В. Рекомендации федеральным органам исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Москва, 2010. с. 48-50.
7. Овсепян, Ж. И., Балущая Г. А. Система Исполнительных органов государственной власти субъектах РФ в Крыму. 2016. Т. 3. № 2-3. с. 64-69.
8. Попов, А.И. Административно-договорные правоотношения органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Юрист-Правоведъ. 2016. № 3 (76). с. 104-109.
9. Русанова, С. Ю. Муниципальные образования в Республике Крым: особенности создания и тенденции развития // Крымский научный вестник. — 2016. — № 3 (9). — с. 185-198.
10. Фролова, С. А. Структура и система органов исполнительной власти. 2016. № 118-3. с. 55-57.

11. Постановление Совета Министров Республики Крым от 27 июня 2014 года № 167 «Об утверждении Положения о Службе капитального строительства Республики Крым» [Электронный ресурс]. URL: rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_232092.doc (дата обращения: 13.05.2018)

Проблемы общественно опасных последствий состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ

Омельяненко Ольга Николаевна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Ключевые слова: тяжкий вред, дорожно-транспортное происшествие, здоровье человека, признак опасности, тяжесть вреда.

Преступления в сфере безопасности дорожного движения представляют собой виновно совершенные общественно опасные нарушения правил дорожного движения (действие или бездействие), посягающие на безопасное функционирование дорожного транспорта и повлекшие по неосторожности установленные уголовным законом последствия, либо создающие угрозу их наступления. Состав преступления, предусмотренного статьёй 264 УК РФ, относится к числу материальных составов, он считается оконченными с момента наступления общественно-опасных последствий [5, с. 8]. И, как следствие, уголовная ответственность за совершение указанного преступления в отличие от административной наступает не за сам факт нарушения действующих правил, а за такое нарушение, которое повлекло за собой причинение, как тяжкого вреда здоровью человека, так и смерти [1].

В соответствии с положениями УК РФ в актуальной редакции к числу правовых последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ относятся: тяжкий вред здоровью; смерть одного лица или более лиц.

Говоря о таком последствии, как причинение тяжкого вреда здоровью, его критериях, в данном случае, представляет интерес структурный анализ самой нормы, закрепленной в статье 264 УК РФ. Диспозиция данной статьи является бланкетной и подчеркивает её специфику, которая заключается в том, что для правильного применения статьи необходимо обратиться к другим нормативным актам, раскрывающим понятие и признаки основных элементов данного уголовно-правового запрета [6, с. 162].

Содержание признаков тяжкого вреда здоровью раскрывается в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды. Так, медицинскими критериями квалифицирующих признаков в отношении тяжкого вреда здоровью

являются: вред здоровью, опасный для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни (рана головы, проникающая в полость черепа; внутричерепная травма; перелом шейного отдела позвоночника; вывих грудного позвонка и т.п.), а также вред здоровью, который вызвал развитие угрожающего жизни состояния (шок тяжёлой степени; острая кровопотеря; кома; острая сердечная недостаточность и т.п.) [2].

Медицинские критерии являются медицинской характеристикой квалифицирующих признаков, которые используются для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, при производстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве на основании постановления лица, производящего дознание, следователя, судьи; медицинские критерии используются для оценки повреждений, обнаруженных при судебно-медицинском обследовании живого лица, исследовании трупа и его частей, а также при производстве судебно-медицинских экспертиз по материалам дела и медицинским документам; степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется в медицинских учреждениях государственной системы здравоохранения врачом — судебно-медицинским экспертом, а при его отсутствии — врачом иной специальности, привлеченным для производства экспертизы, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [6, с. 168].

В частности, вследствие совершенного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, приговором суда, согласно заключению эксперта установлено, что в результате дорожно-транспортного происшествия гражданину «ФИО1» причинены закрытая травма шейного и грудного отделов позвоночника, которые в силу их одновременного образования и общего механизма происхождения, оцениваются в совокупности, как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Данная травма (согласно п. 6.1.6 приказа Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причинён-

ного здоровью человека») квалифицируется как тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, создающий непосредственно угрозу для жизни [3].

Кроме того, содержание тяжкого вреда здоровью раскрывается в статье 111 УК РФ, в частности под таким вредом следует понимать — опасный для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или вызвавшегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть [1].

Следует отметить, что в традиционном понимании потерпевшей стороной, которой причиняется тяжкий вред здоровью, либо наступает смерть, в результате дорожно-транспортного происшествия, является пешеход или водитель, пассажир другого транспортного средства. Вместе с тем, в материалах судебной практики, систематически встречаются такие случаи, когда потерпевшим является лицо, которое находилось в транспортном средстве в качестве пассажира, в момент нарушения водителем, управляющим данным транспортным средством Правил дорожного движения, в результате, которого пассажиру данного транспортного средства причинён тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, то есть по своему характеру такой вред непосредственно создал угрозу для жизни человека.

Так, согласно приговору суда «К» в нарушение абзаца 1 п. 2.7 Правил дорожного движения РФ, запрещающего водителям управлять транспортным средством в состоянии опьянения, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управлял технически исправным автомобилем марки «Лада Приора» двигался со ско-

ростью около 40-50 км/час, в пути следования в нарушение абзаца 1 пункта 1.5 ПДД РФ, пунктов 10.1, 1.3 ПДД РФ, пересек горизонтальную разметку 1.3 Приложения 2 к ПДД РФ, разделяющую транспортные потоки противоположных направлений, которую пересекать запрещается, в нарушение пунктов 1.4, 9.1, 9.10 ПДД РФ, выехал на полосу встречного движения, в результате чего допустил столкновение с двигавшимися во встречном направлении автомобилями «Тайота Королла» и «Тайота Рав». Вследствие нарушения водителем «К» ПДД РФ произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого, пассажиру автомобиля «Лада Приора» «Р» были причинены телесные повреждения в виде закрытой черепно-мозговой травмы; закрытой травма грудной клетки; ссадин коленных суставов. Данные повреждения причинили тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, в результате смерть «Р» наступила в медицинском учреждении от осложнившейся закрытой черепно-мозговой травмы, полученной в результате дорожно-транспортного происшествия [4].

Таким образом, чтобы определить наличие нарушения применительно к статье 264 УК РФ, необходимо изучить содержание вышеуказанных нормативных актов, которые не только определяют каким конкретно способом было допущено нарушение, иными словами, какой пункт Правил дорожного движения был нарушен, в результате действия, либо бездействия лица, но и медицинских документов, содержащих виды вреда здоровью и их характеристику, позволяющих отграничить преступление от административного правонарушения. Несомненно, для этого необходимо заключение судебно-медицинской экспертизы, которая является обязательной по делам такой категории.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). — Текст: электронный // «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.09.2020).
2. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (с изменениями и дополнениями): Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24.04.2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012). — Текст: электронный // Бесплатная интернет-версия Информационно-правовое обеспечение «ГАРАНТ». — URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12162210/paragraph/18:0/> (дата обращения 10.09.2020).
3. Приговор Московского гарнизонного военного суда от 03.09.2019 г. по делу 1-59/2019. — Электронный ресурс «СудАкт». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Kf6Sd3eqe6W8/>
4. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от 04.06.2018 года по делу 1-173/2018 // Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края.
5. Баранчикова, М.В. Виктимологическая профилактика нарушений правил дорожного движения: монография/М.В. Баранчикова, И.И. Кузнецова. — Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ имени В.В. Лукьянова, 2017. — 80 с. — Текст: электронный. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=31733423>.
6. Исаев, Н.И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: научно-практическое пособие/под ред. Н.Г. Кадникова. — М.: Юриспруденция, 2011-192 с. — Текст: электронный // Коммерческая версия «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.04.2020).

Проблемы квалификации угонов. Отграничение угона от преступлений со смежными признаками

Первозчиков Руслан Владимирович, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В данной статье будет проведен анализ проблемы квалификации угонов, отграничение угона от преступлений со смежными признаками. Данная проблема часто возникает на практике при реализации норм Уголовного кодекса Российской Федерации. Будет предложено практическое решение существующей проблемы, которое эффективно скажется на правоприменительной практике и профилактики угона автотранспортных средств.

Ключевые слова: угон, кража, хищение, УК РФ, тайное хищение, корысть.

Как показывает правоприменительная практика, наибольшие сложности при квалификации хищений транспортных средств возникают по вопросам соотношения составов хищений транспортных средств (кража — ст. 158 УК РФ, грабёж — ст. 161 УК РФ, разбой — ст. 162 УК РФ) с составом неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, т.е. с составом угона транспортного средства (ст. 166 УК РФ [1]). Сложность состоит не в том, чтобы применить ту или иную статью при квалификации деяния, а установить умысел виновного лица при обнаружении признаков преступлений общих для угона и хищений. Именно от данных обстоятельств зависит квалификация деяний.

В особенности на практике необходимо отграничить угон автотранспортных средств от краж.

Угон и кражу автотранспортных средств объединяет то, что данные составы преступлений относятся к преступлениям против собственности, отчего и размещены в главе 21 УК РФ, так как затрагивают отношения граждан по владению и распоряжению собственностью. Кража характеризуется корыстным мотивом, а угон, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ следует понимать совокупность следующих действий:

1) завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством;

2) поездку на этом автомобиле, при которой отсутствует намерение присвоения его целиком или же составных частей [2].

Под иными транспортными средствами понимаются механические транспортные средства, а именно: троллейбусы, мотоциклы, моторные лодки и другие транспортные средства, оборудованные двигателем внутреннего сгорания или же электродвигателем. К иным же транспортным средствам относятся:

- велосипеды;
- мопеды;
- транспортные средства, приводимые в движение двигателем объемом не более 50 см³;
- велосипеды с подвесным двигателем;
- гужевые повозки;
- верховые и вьючные животные [2].

Говоря же о норме права, закрепленной в УК РФ в ст. 166 УК РФ, «следует выделить состав данного преступления, который складывается из следующих частей:

1. Объектом являются общественные отношения, связанные с отношениями собственности, независимо от ее формы;

2. Объективная сторона заключается в неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения;

3. Субъект — физическое вменяемое лицо, достигшее 14 лет;

4. Субъективная сторона — характеризуется умышленной формой вины (прямой умысел), то есть виновный понимает и осознает общественную опасность своих действий, которые направлены на неправомерное завладение автотранспортным средством или иным транспортным средством без цели хищения и корыстного мотива» [3, с. 189].

Рассматривая кражу автотранспортных и иных средств следует отметить, что по составу данные преступления по большей степени отличаются объективной стороне, а именно в том, что при совершении кражи лицо совершает тайное хищение чужого имущества с корыстной целью или же с целью обращения имущества в свою пользу.

По остальным же критериям состава в целом данные виды преступлений схожи в субъекте, а именно вменяемое физическое лицо, достигшее 14 лет.

С точки зрения субъективной стороны кража характеризуется также, а именно умышленной формой вины, ну и объектом будет являться общественные отношения, связанные с отношениями собственности, независимо от ее формы.

В ходе проведенного анализа уголовно-правовой характеристики данных видов преступлений можно выделить определенные сходства, а также и различия, которые необходимы для верной квалификации и разграничения данных деяний.

Рассматривая вопрос о проблемах разграничения неправомерного завладения транспортным средством без цели хищения от хищения следует затронуть вопрос о моменте окончания рассматриваемых деяний.

Согласно статье 29 УК РФ, момент окончания преступления зависит от объективной стороны состава преступления.

А. В. Севрюков полагает, что в «данном случае может идти речь только о возможности распоряжаться, а не реальном распоряжении по намеченному плану» [7, с. 49].

В. А. Владимиров придерживается точки зрения, что «хищение считается оконченным, когда похищенное имущество перешло в физическое обладание похитителя и не важно, получил ли похититель реальной возможности распорядиться похищенным, а лишь осознавал такую возможность в будущем» [4, с. 200].

А. В. Кудряшов считает «наиболее верным определение срока фактического владения транспортным средством виновным до 10 суток как угон, а более 10 — как хищения» [5, с. 20].

Таким образом, анализ нормативных правовых актов, судебной практики и доктрины российского уголовного права относительно квалификации угона транспортных средств и его отграничения от смежных составов преступлений, нам показывает о том, что законодателям необходимо отказаться от ст. 166 УК РФ. Аргументируя схожую позицию, Ю. В. Плодовский отметил, что «угон транспортного средства фактически сводится, хотя и к его временному, но корыстному пользованию. При угона виновный,

как и при хищении, получает возможность распорядиться транспортным средством по своему усмотрению, как своим собственным — может вернуть владельцу, продать, уничтожить и т. д. В итоге эту возможность он и реализует при отпадении необходимости в транспортном средстве, после удовлетворения своей потребности в нем» [6, с. 63]. И действительно, все остальные цели, которые преследует преступник, не имеют такой важности, как корыстная цель. Необходимо отметить, что при угона транспортному средству также причиняется вред, собственник испытывает страдания, транспортное средство может быть испорчено и т. п. Видим, что идеального разграничения ст. 166 УК РФ от, например, ст. 158 УК РФ нет.

Таким образом, исследование вопроса квалификации угонов, их отграничение от преступлений со смежными признаками показывает нам невозможность выработки четких критериев разграничения смежных составов преступлений. В связи с этим, встает вопрос о необходимости отказа от ст. 166 УК РФ в его нынешнем виде. Возможно установление нового состава преступления — «Хищение транспортных средств» с увеличением санкций. Это позволит более эффективно осуществлять правовую защиту собственности граждан от незаконно их хищения, а на практике — избежать ненужной путаницы в квалификации преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) //Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. № 265
3. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов/В. Б. Боровиков, А. А. Смердов; под редакцией В. Б. Боровикова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020
4. Владимиров, В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. — 200 с.
5. Кудряшов, А. В. Хищения автотранспорта: вопросы квалификации, уголовно-правовые и криминологические меры противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2015. с. 15, 20
6. Плодовский, Ю. В. Проблемы отграничения кражи автомобиля от завладения автомобилем без цели хищения (угона) // Юридическая наука. 2012. № 3 с. 63
7. Севрюков, А. П. Хищение имущества. Криминологические и уголовно-правовые аспекты. М.: Экзамен, 2020. С. 49

Судебные расходы в арбитражном судопроизводстве: понятие, состав и судебная практика по взысканию расходов

Петров Александр Александрович, студент;

Пенькова Алина Владимировна, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Судебные расходы могут быть взысканы арбитражным судом с проигравшей стороны судебного разбирательства. Взыскание судебных расходов имеет большое значение в арбитражном судопроизводстве, так как позволяет минимизировать подаваемых в суд исковых заявлений с заведомо необоснованными требованиями. Проблемой является то, что большее количество участников судебных разбирательств не в полной мере осведомлены о сущности судебных расходов и о возмож-

ности взыскания нераспространённых судебных расходов. Так, в рамках исследования был сделан вывод о том, что на сегодняшний день активно формируется судебная практика, когда расходы стороны по делу на подготовку рецензии и на обеспечение доказательств также подлежат взысканию с проигравшей стороны в составе судебных расходов.

Ключевые слова: арбитражный суд, судебные расходы, рассмотрение дела, оплата услуг представителя, дело, суд.

В том случае, если какая-либо организация либо индивидуальный предприниматель принимают участие в арбитражном процессе, данные субъекты вынуждены нести определенные расходы. Как правило данные расходы связаны с оплатой проведения определенных экспертиз для подтверждения фактов, имеющих важное значение для дела, а также с оплатой услуг представителей. Однако довольно часто возникает ситуация, когда стороны судебного разбирательства не уверены в том, что произведенные ими расходы, связанные с рассмотрением дела, являются судебными расходами, и могут быть взысканы с проигравшей стороны, что в очередной раз подтверждает актуальность изучения указанных вопросов.

Стоит отметить, что на сегодняшний день в системе арбитражно-процессуального законодательства отсутствует легальное определение понятия «судебные расходы». Однако в доктрине арбитражного процессуального права различными авторами приводятся определения данного понятия. Несмотря на множество мнений по данному вопросу, большинство правоведов придерживаются с точкой зрения, согласно которой под судебными расходами понимаются денежные затраты, связанные с рассмотрением дела арбитражным судом и исполнением судебного решения [2, с. 560].

Данное определение также можно вывести исходя из положения статьи 101 Арбитражного процессуального кодекса, в котором установлено, что в состав судебных расходов входят государственная пошлина и судебные издержки, связанные с рассмотрением дела арбитражным судом [1].

Значение закрепления обязанности по возмещению понесенных судебных расходов заключается в том, что государство несет определенные расходы в связи с рассмотрением каждого дела, которые должны быть возмещены. Помимо этого, обязанность по возмещению судебных расходов позволяет минимизировать количество исковых заявлений недобросовестных лиц, которые обращаются в суд с заведомо неосновательными требованиями.

Мы отметили, что помимо расходов по оплате государственной пошлины, в состав судебных расходов входят также судебные издержки, связанные с рассмотрением дела арбитражным судом. Перечень таких судебных издержек закреплен в статье 106 АПК РФ. Так, в соответствии с данной нормой права, к судебным издержкам, связанным с рассмотрением дела в арбитражном суде, относятся:

1. денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, специалистам, свидетелям, переводчикам. К данным суммам относятся расходы на проезд, расходы на наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с прожива-

нием вне места постоянного жительства (суточные). Кроме того, такие категории лиц, участвующих в деле, как эксперты, специалисты и переводчики, имеют право на получение вознаграждения за выполненную ими работу. Также важно отметить, что в определенных случаях расходы на получение рецензии на заключение эксперта также могут быть признаны судебными издержками, и у проигравшей стороны возникнет обязанность возместить данные расходы. Необходимо рассмотреть пример из судебной практики. Так, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа по делу № А76-8055/2017 рецензия принята судом в качестве надлежащего доказательства, в связи с чем расходы на подготовку рецензии на заключение судебной экспертизы подлежат возмещению. Поскольку рецензия была необходима истцу для подтверждения довода о необходимости назначения повторной экспертизы, суд правомерно взыскивает расходы на составление рецензии на экспертное заключение [5].

2. расходы, связанные с проведением осмотра доказательств на месте. Так, в соответствии с частью 1 статьи 78 АПК РФ арбитражный суд может провести осмотр и исследование письменных и вещественных доказательств по месту их нахождения в случае невозможности или затруднительности доставки в суд. Также АПК РФ предусматривают случаи, когда доказательством является объекты, подвергающиеся быстрой порче, согласно ст. 79 АПК РФ, они подлежат немедленному осмотру и исследованию арбитражным судом по месту их нахождения [3, с. 322];

3. расходы на оплату услуг адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь (представителей). При рассмотрении вопросов возмещения данных судебных издержек необходимо учитывать, что их взыскание арбитражным судом производится в разумных пределах (часть 2 статьи 110 АПК РФ). Что следует понимать под разумными пределами разъяснил Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1. Так, согласно указанному Постановлению, разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства. Разумность судебных издержек на оплату услуг представителя не может быть обоснована известностью представителя лица, участвующего в деле [6]. Так, в определенных случаях арбитражный суд имеет право уменьшить размер взыскиваемых с проигравшей стороны сумм

судебных расходов по оплате услуг представителя другой стороной. Однако, для этого суд в таком случае должен привести соответствующие мотивы, обосновывающие необходимость снижения судебных расходов. В качестве примера необходимо рассмотреть Решение АС Калужской области от 01.12.2017 и Постановление 20ААС от 20.03.2018 по делу № А23–4828/2017. Апелляционный суд не согласился с решением суда области в части возмещения судебных расходов. Суд первой инстанции, снижая размер заявленных расходов на оплату услуг представителя, не принял во внимание объем фактически оказанных юридических услуг, а также Рекомендации Совета адвокатской палаты региона, сложившуюся в регионе стоимость услуг представителей по аналогичным делам и необоснованно определил размер подлежащих возмещению расходов. В материалы дела представлены как доказательства несения расходов (договор на оказание юридических услуг, акт оказанных услуг, платежное поручение), так и доказательства разумности расходов. Как установлено судом апелляционной инстанции, сторона спора в суде первой инстанции не заявляла возражения относительно суммы взыскиваемых расходов на оплату услуг представителя и не представляла доказательств чрезмерности взыскиваемых с него расходов [4].

4. расходы юридического лица на уведомление о корпоративном споре в случае, если федеральным законом предусмотрена обязанность такого уведомления;

5. другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде.

К другим расходам, понесенным лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде чаще всего суды относят:

1. расходы на копирование документов для направления в суд, набор текста заявления, иных документов для суда (постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.01.2011 по делу № А19–8464/10) [8];

2. расходы на получение банковской гарантии для представления встречного обеспечения по иску (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 июля 2012 г. N 6791/11) [7];

3. расходы, понесенные стороной в связи с обязательным досудебным урегулированием спора. Например, на направление претензии, получение юридических услуг, административное обжалование актов или действий налоговых органов, подготовку отчета об оценке недвижимости при оспаривании кадастровой стоимости и т. д. (п. 4 Постановления) [6];

4. расходы на обеспечение доказательств. Например, в деле о защите прав на товарный знак «Свинка Пеппа» (Peppa Pig), где использовался протокол, выполненный нотариусом с использованием системы «Вебджастис», арбитражный суд в полном объеме взыскал судебные расходы, связанные с обращением в суд и собиранием доказательств (в том числе, расходы на приобретение контрафактной продукции и расходы на обеспечение доказательств).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день законодательство позволяет взыскать с проигравшей стороны большое количество различных расходов, связанных с рассмотрением дела в арбитражном суде. Также стоит отметить, что активно формируется судебная практика, когда расходы стороны по делу на подготовку рецензии и на обеспечение доказательств признаются арбитражными судами оправданными и вызванными необходимостью защиты прав и интересов.

Литература:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021).
2. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/Н.М. Коршунов, А.Н. Лабьгин, Ю.Л. Мареев; под ред. Н.М. Коршунова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. — 727 с. — (Серия «Dura lex, sed lex»);
3. Шкробка, П.И. Исследование доказательств в арбитражном процессе/П.И. Шкробка, В.И. Миллер. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 48 (286). — с. 322-323.
4. Постановление 20ААС от 20.03.2018 по делу № А23–4828/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IOXuU9GePP5o/>;
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 декабря 2018 г. по делу № А76–8055/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JF8kKon6jOZP/>;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194054/;
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 июля 2012 г. N 6791/11 [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/70225254/>;
8. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18.01.2011 по делу N А19–8464/10 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=62816#ZVya9pSjhKVoa0S7>.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 48 (390) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 08.12.2021. Дата выхода в свет: 15.12.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.